

УРОЖАЙ
№ 18

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

В НОМЕРЕ:

ИНТЕРВЬЮ С АЛЬСХЕРЬЯГОДИ
THE ASATRU FOLK ASSEMBLY (ЦСА) МЭТТОМ ФЛАВЕЛОМ
САКРАЛЬНАЯ СИМВОЛИКА НОРДОВ. КОНЬ
ГАЛЬДРАСТАВЫ ИЗ РУКОПИСИ "ХУЛЬД"

ДОРОГА НА СУУРСААРИ
САГА О НЬЯЛЕ В СТИЛЕ «МОДЕРН»
АСЫ, ТРОЛЛИ И СОКРЫТЫЕ НАРОДЫ ИСЛАНДИИ
КИР „RÍMUGÚÐUR“ (ИСЛАНДИЯ)

УРОЖАЙ 2017

Главный редактор:

Маша Юлина (Ранхильд),
дом Веретено Фригг
(Минск — Сан-Франциско)

Редактор:

Алина Петрова (Сигрид),
годорд Иггдрасиль (Киев — Краков);

Верстка:

Анна Пермина

Корректор:

Esgal

Дизайн номера:

Анна и Вадим Пермины,
Алина Петрова (Сигрид)

Фото на обложке:

Марии Пушной

Редакция выражает благодарность за помощь при подготовке журнала Антону Платову, Мэтту Флавеллу, Юрию Слеповронскому, Евгению и Александру Власкиным, Алексею «Гест» Стомба, Андрею Соловову, Вячеславу Мизину, Наталье Шигоревой и агентству исторических проектов «Ратоборцы», Хранителям Традиции, Алексею Глазачеву (Андвари), Георгию Урусову (Хальвдану), Ольге Маркеловой, Esgal, Владиславу Новицкому, Вадиму Пермину, Марии Пушной, Алексею Янулевичу, Marina Krewska, Егору Масальцеву.

Наши контакты:

http://vk.com/yggdrasil_ukr

Годорд Иггдрасиль

<http://vk.com/friggerock>

Веретено Фригг

<http://vk.com/nordanvindr>

открытая группа журнала

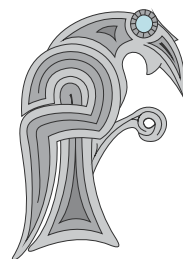
Отпечатано в ЧП «Простобук»

www.mimolet.com

Заказ: 17-306921

Тираж: изготовлено по требованию

СОДЕРЖАНИЕ

НОВОСТИ

5

Люди, с которыми нам по пути

Matthew Flavel
Альсхерьягоди The Asatru Folk Assembly (USA) 9
РАНХИЛЬД

ИССЛЕДОВАНИЯ

Сакральная символика нордов. Конь 14
Антон ПЛАТОВ

Гальдраставы из рукописи «Huld» 18
Вадим ПЕРМИН

Топор и предубеждение: любовные истории 20
в «Сагах об исландцах»
Алексей «ГЕСТ» СТОМБА

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

Странное соседство – асы, тролли 24
и сокрытые народы Исландии
Мария ПУШНАЯ

Дорога на Суурсаари 30
Вячеслав МИЗИН

ПЕРЕВОДЫ

Сага об Оркнейцах 40
Перевод: Георгий УРУСОВ (ХАЛЬВДАН)

Один и жатвенные обряды 46
Перевод: Юрий СЛЕПОВРОНСКИЙ,
Евгений и Александра ВЛАСКИНЫ

«Eigi er sá heill, er í augun verkir» 49
Боль в глазах в «Сагах об исландцах»
(Íslendingasögur) XIII и XIV века
Кирси КАНЕРВА
Перевод: Хранители Традиции

СКАЗКИ

Волшебные исландские сказки 65
Перевод: Любовь ГОРЛИНА

РЕКОНСТРУКЦИЯ

Битва тысячи мечей. Рагнарök 67
РАНХИЛЬД

КИР «Rimmugýgur» 72
Ольга МАРКЕЛОВА

ВИДЕООБЗОР

Сага о Ньяле в стиле «модерн» 76
Ольга МАРКЕЛОВА

ТВОРЧЕСТВО

Роман «Педер Арребё» 80
Ольга МАРКЕЛОВА

Стихи 86
Из современной исландской поэзии
Перевод: Ольга МАРКЕЛОВА

Скадакviða (Песнь о Скади) 87
Юрий СЛЕПОВРОНСКИЙ

Алексей Глазачев (Андвари) 93

Картины 94
Владислав Новицкий (Hróðhrafn)

3...

СЕВЕРНЫЙ
ВЕТЕР

СЛОВО ОТ РЕДАКЦИИ

Друзья!

Непростые времена настали для нашего движения. Они и раньше, положи руку на сердце, никогда легкими не были, но происходящее сейчас – особое испытание для каждого из нас. И дело даже не во внешних обстоятельствах. В Пути никто кормить не обещал, и легких компромиссных решений тоже не обещали. В нашей Традиции к этому привыкли, и мало кто ждал иного, надевая мьелльнир на шею и принося клятвы Северным богам. Все дело в том, как каждый из нас реагирует на эти внешние обстоятельства. Ибо они рано или поздно изменятся, а нам наедине с собою жить и жить. И каждое утро с тоской ли, с гордостью ли смотреть в глаза своему отражению. Удивительно было наблюдать, как под натиском «ломались» сильные и выдерживали удар те, кому раньше и руки не подали бы. Видят боги, Локи разыгрался не на шутку. Но роли в этой игре выбирать только Вам.

*Щедрые, смелые
счастливы в жизни,
заботы не знают;
а трус — тот всегда
спасаться готов,
как скупец от подарка.*

Высокий сказал все, что хотел. Мы тоже.

Слава смелым!

Слава нашим богам!

Ранхильд и Сигрид.

...4

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 18
2017

Археологи нашли на Мысе смерти в Карелии захоронение викингов в ладье

Участники Приладожской археологической экспедиции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН обнаружили во время раскопок в Лахденпохском районе Карелии древнее захоронение, которое было сделано в ладье. Раскопки велись в июле-августе на могильнике «Калманиеми 1» (в переводе с финского означает «Мыс смерти»).

«В результате раскопок широкой площадью было открыто погребение. По всей вероятности, оно было помещено в углубление у края скалы. Над погребением было поставлено килем вверх небольшое судно, приблизительно 7-8 м в длину. Глубина залегания была минимальной, не более 20 см, и поэтому деревянные части ладьи не сохранились, но было найдено несколько десятков ладейных заклепок разных типов», — цитирует пресс-служба руководителя экспедиции Станислава Бельского.

Кроме железных элементов крепежа, был обнаружен комплекс вооружения, характерный для эпохи викингов (IX — первая половина X вв.), — наконечник копья, два боевых топора, три наверхия плетей с шумящими привесками. Там же были найдены несколько стеклянных и одна каменная бусины, по оценке ученых, «несомненно побывавшие в погребальном костре».

Исследователи отметили, что открытый комплекс является уникальным не только для Северного Приладожья, где впервые открыли и полностью изучили подобного рода погребальный объект, но и для Северной Руси в целом.

Подобные захоронения связывают со скандинавской традицией, и, по мнению ученых, материалы памятника Мыса смерти подтверждают раннее присутствие скандинавов на северном побережье Ладожского озера.

«Вполне вероятно, что они являются археологическим подтверждением сведений ряда саг о походах в Кирьялаботнир (карельские заливы), локализация которых именно в Северном Приладожье», — сказали ученые.

Источник новости ТАСС <http://tass.ru/nauka/4508271>

Фото: Станислав Бельский

5...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№18
2017

В России планируется строительство языческого капища, посвященного Северным богам

В июне этого года Московская община Асатру «Годорд Скидбладнир» сообщила о приобретении земли под капище. Участок находится в Тверской области. На данный момент члены общины занимаются обустройством постоянного святилища под открытым небом, там же в будущем планируется построить и храм.

Годи общины Андрей Соловов пояснил нашему журналу, что капище на данный момент функционирует так же, как и община: любой человек может приехать туда на праздник после предварительного знакомства и разговора с членами годорда. Кроме того, туда можно попасть на открытые праздники (Мидсоммар, Йоль), на которые доступ для всех желающих обычно организован по упрощенной схеме.

Контакты для связи:

Страничка общины в контакте: https://vk.com/skidbladnir_gestur

Годи общины Андрей Соловов: <https://vk.com/sigurdr>

Редакция журнала искренне поздравляет единоверцев с великим начинанием и желает Удачи во всех делах!

Вниманию любителей фарерской культуры!

Теперь у вас есть возможность прочитать стихи таких известных фарерских поэтов, как Йенс Хендрик Оливер Джурхус, Кристиан Матрас и Вильям Хайнесен на русском языке. В издательстве «У Никитских ворот» вышла книга **«Классики фарерской поэзии»**. Это издание-билингва: в нем также представлены и подлинники стихотворений.

Эта новость особенно радостная для нашего журнала, так как переводчиком книги является **Ольга Маркелова** — наш бессменный автор. Редкий выпуск обходится без её статей и рассказов, а в 3 номере мы даже печатали интервью с этой замечательной исследовательницей Северной Традиции. Поздравляем Ольгу с выходом книги и желаем ей новых творческих прорывов и благословения богов на Пути.

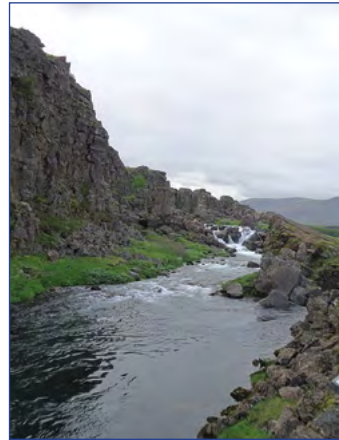

...6

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№18
2017

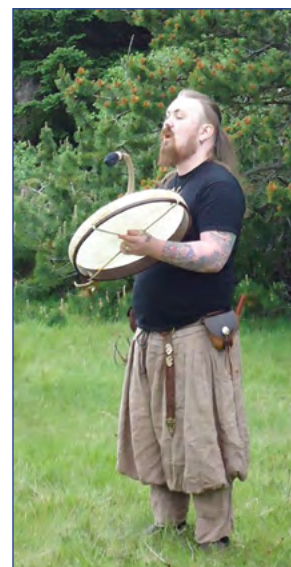
22 июня на Полях Тинга в Исландии традиционно прошло празднование Солнцеворота

Обычно именно к этому празднику приурочивают проведение обрядов вроде свадеб или приёма в общину новых членов, но в этот раз желающих не было, поэтому «официальная часть» празднования вышла короткой и в основном заключалась в том, что законоговоритель (кудрявая девушка в исландском свитере на фото) по традиции прочёл вслух законы общины. В заключение (а фактически — уже после завершения) «официальной части» Йоуханна Хардардоттир, заместитель алльсхерььягоди, освятила по просьбе двух членов общины недавно приобретённые ими молоты Тора. (Надо сказать, что просить годи об освящении тех или иных предметов — отнюдь не обычная в исландской общине практика). Затем все проследовали от Скалы Закона на

полянну, где участникам праздника предложили в качестве угощения хот-доги. (Без этого кушанья не обходится в современной Исландии ни одно мероприятие на открытом воздухе, и исландские острословы говорят, что это их национальное блюдо). Однако пир делает пиром не меню, а атмосфера. В этот раз на Поля Тинга пришли многие старые члены общины, которые далеко не каждый раз украшают празднества своим присутствием, а также много молодёжи.

В конце мероприятия был исполнен под барабан фрагмент «Речей Высокого».

7...

Обращение группы по работе со СМИ

Дорогие единоверцы, друзья и те, кто просто интересуется Северным язычеством, историей и эстетикой Скандинавии! Дабы не допустить в СМИ очернения репутации языческого сообщества на фоне последних событий, мы сформировали рабочую группу по взаимодействию с коллегами из различных печатных и интернет изданий, ТВ и радио каналов.

Данная группа — не управляющий орган и не претендует на право принятия каких-либо решений, кроме связанных с работой над имиджем нашего сообщества во внешнем мире. Мы стараемся услышать всех и исходя из этого сформировать единую усредненную позицию по острым вопросам.

Мы представляем вам позицию группы по работе со СМИ по делу Салтыкова-Телегиной (<http://paganka.blog/2017/07/14/oskorblenie-chuvstv-veruyushhix-yazychnikov/>):

1. Мы говорим от лица большинства представителей германо-скандинавского язычества Союзного государства России и Беларуси. В группу входят наиболее видные деятели, главы общин (официально зарегистрированных в РФ), публицисты и активисты. Ни Евгений Салтыков, ни Наталья Телегина не входят в группу и не отражают мнение подавляющего большинства наших единоверцев.

2. Мы, как и последователи германо-скандинавского язычества, которых мы представляем, являемся обычными гражданами нашего государства, уважаем и соблюдаем его законы. Среди нас есть программисты, инженеры, врачи, преподаватели и студенты ВУЗов, писатели, предприниматели, юристы, работники сельского хозяйства и люди иных профессий. Мы живем обычной жизнью, как и миллионы наших сограждан, и так же пользуемся конституционным правом на свободу вероисповедания. Представители иных вероисповеданий – это, зачастую, наши родители, друзья и коллеги. Мы не просто терпимо относимся к ним и их вере, а уважаем их взгляды и взгляды миллионов людей, живущих в этой стране, всегда открыты к диалогу с ними.

3. Мы, будучи добропорядочными гражданами, заинтересованы в формировании положительного имиджа германо-скандинавских язычников внутри нашей страны, а потому безоговорочно осуждаем факт умышленной клеветы, направленной на очернение всего нашего сообщества.

4. Мы против как умышленной пропаганды нетерпимости к любой религии, расе, национальности или социальной группе, так и провокационных оскорбительных выпадов. Однако мы призываем не сравнивать нарушение законодательства с необдуманным поведением, которое, безусловно, не должно оставаться без внимания, однако не может являться поводом для уголовного преследования.

5. Мы считаем, что наказания должны быть соразмерны проступку. Цель наказания — исправить поведение человека внутри общества, а не нанести ему вред. Если добиться этого можно беседой, просвещением, а не реальным или условным тюремным сроком — то именно так и стоит поступать. Такой вариант пойдет на пользу и обществу, и самому человеку. Потому мы надеемся на единственно справедливое с нашей точки зрения судебное решение по возбужденному делу — полное оправдание Натальи Телегиной.

6. Мы не даем оценок статьям 148 и 282 УК РФ, однако выступаем против эксплуатации этих статей в целях осуждения за непредумышленные действия и для сведения личных счетов. А потому призываем участников нашего сообщества вести просветительскую работу и улаживать спорные ситуации мирно с помощью конструктивного диалога.

Интервью подготовила
РАНХИЛЬД

Интервью:

Matthew Flavel Альсхерьягоди The Asatru Folk Assembly (USA)

Друзья, надо ли говорить, что сегодня вас ждет совершенно уникальная возможность познакомиться с руководителем самого быстрорастущего (по некоторым оценкам) сообщества Асатру в мире и узнать, как обстоят дела у единоверцев на другом континенте. Мы собирали вопросы к Мэтту всем миром, спасибо всем, кто откликнулся и принял участие в подготовке интервью. Уверены, результат Вас не разочарует.

С Мэтт, добрый день. Интервью с альсхерьягоди the Asatru Folk Assembly (AFA) — большая честь для нашего журнала. Большое спасибо за предоставленную возможность!

Добрый день и спасибо Вам. Для меня также является честью давать интервью для Вашего журнала и получить возможность обратиться к русскоговорящим братьям и сестрам по вере.

Часть Первая. AFA

С Не могли бы Вы сказать нашим читателям несколько слов об AFA?

The Asatru Folk Assembly — самое большое сообщество Асатру в США. Оно было основано в 1994 году Стивеном МакНалленом (Steven McNallen), и с тех пор количество наших участников в США и по всему миру непрерывно растет. Деятельность AFA посвящена служению древним богам этнических европейских народов, а также продолжению

вечной эволюции и процветанию этих народов.

С Как Вам удается осуществлять координацию такого большого движения по всему миру? Есть ли у Вас список единых требований, ритуалов и обязанностей для всех общин, входящих в AFA?

AFA, безусловно, поощряет самостоятельность и индивидуальность среди участников, но при этом мы все связаны друг с другом нашей Декларацией Целей и Соглашением об Этических Нормах. Мы считаем, что единый подход к поклонению богам и определению общих ценностей имеет важное значение в формировании сплоченного духовного сообщества и дает возможность достойно представлять нашу веру в современном мире.

С Расскажите, пожалуйста, поподробнее о структуре AFA.

Для того чтобы наилучшим образом поддерживать рядовых членов нашей организации по всей стране и по всему миру, мы

9...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№18
2017

создали сеть волонтеров, помогающих строительству AFA на местах. Местные представители называются Folkbuilders, и их всех контролирует Марк Маклеуд (Marc MacLeod), наш Folkbuilder-координатор. Деятельность Годи (Gothar) вверена Gothar-координатору Блейну Куаллсу (Blaine Qualls). Организация в целом находится под контролем Народного Собрания (Witan), совета старейшин, и, в конечном счете, под моим как альсхерьягоди контролем.

С Как обычный человек может стать членом AFA? Должен ли новичок проходить какое-то интервью перед вступлением?

Все очень просто. У нас на сайте есть ссылка <https://member.asatrufolkassembly.org/> для всех желающих к нам присоединиться. Необходимым условием является согласие человека с нашей Декларацией Целей и Соглашением об Этических нормах. После того как это согласие будет выражено, заявка поступает местному координатору, который и принимает решение об окончательном утверждении нового члена.

С Когда мы анонсировали интервью с Вами, к нам поступило большое количество вопросов от годи общин с просьбой поделиться Вашим опытом по созданию и обеспечению дальнейшего функцио-

нирования и финансирования языческих храмов.

Два года назад нам удалось построить наш первый Хоф, и мы очень надеемся, что это только начало. Финансирование наших мероприятий и деятельности Хофа осуществляется на базе частных пожертвований, доходов от нашего магазина www.runestonegifts.com и членских взносов.

С Сожалею, что вынуждены затрагивать достаточно неприятную для Вас тему, но не спросить мы не можем. Не могли бы Вы прокомментировать так называемую «Декларацию 127», которая была подписана 170 сообществами Асатру по всему миру. Этот документ гласит, что подписавшие прекращают любые контакты с AFA из-за вашей «дискриминационной»

политики. В декларации есть отсылка к словам AFA о том, что Вы не приветствуете «non-white» и ЛГБТ-язычников в вашей Традиции. Скажите, пожалуйста, это действительно правда?

Прежде всего я хотел бы отметить, что в состав многих подписавшихся так называемых «организаций» входит всего один человек, так что само слово «организация» здесь не совсем уместно. А что касается истинности нашего высказывания, да, это абсолютно верно и такова наша точка зрения¹. Сохранение наших традиционных семейных ценностей имеет важное значение для нас как для религиозного сообщества.

Часть Вторая. Мэтт Флавел

Расскажите, пожалуйста, нашим читателям немного о себе. Как Вы пришли в Северную Традицию? И как долго Вы занимаете должность альсхерьягоди AFA?

Я родился и вырос на Аляске. В Традицию пришел из христианской среды, а в молодости был даже свидетелем Иеговы. Я считал себя очень верующим человеком. Но прочитав Библию от корки до корки, я понял, что библейский бог и его ценности являются в корне неправильными и неподходящими для меня. И я принял решение, что даже если бог, про которого рассказывается в Библии, реально существует, я не могу пойти против своей совести и служить этому богу. После этого я спросил себя, каким богам поклонялись люди до прихода христианства в Европу. Я знал историю и взялся за более доскональное изучение мифологии наших дохристианских предков. Когда я начал поклоняться старым богам, я понятия не имел, что эта вера сохранилась и продолжает суще-

¹ Мнение редакции в данном вопросе категорически не совпадает с декларируемым мнением AFA. Мы выступаем против политики дискриминации в отношении любых сообществ и этнических групп, признавая право за каждым выбирать свой Путь и Веру.

ствовать и в наши времена, пока, в поисках информации о богах, не нашел в интернете Стивена МакНаллена и AFA и не испытал чувство, что возвращаюсь домой. В течение многих лет я исполнял обязанности Folkbuilder на Аляске и в конечном итоге стал Folkbuilder-координатором. В 2016 году Стивен МакНаллен вышел в отставку, и в середине лета того же года я был избран вторым альсхерьягоди в истории AFA.

Какой Вы видите роль альсхерьягоди в AFA? И какова роль годи в маленьких общинах? Это всего лишь организаторы и координаторы или нечто большее?

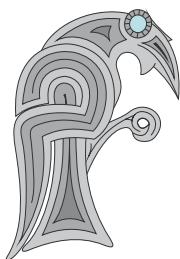
Моя главная обязанность как альсхерьягоди AFA — это забота о духовном благополучии наших членов в частности и организации в целом. В AFA есть много выдающихся лидеров, мнение которых значимо для меня, но, в конечном итоге, именно на мне лежит ответственность за выбор правильного направления нашего развития. Годи любого уровня — это гораздо больше, чем человек, который просто проводит ритуалы, годи должен быть духовным лидером и примером для подражания. В AFA у годи часто спрашивают совета и консультируются по всем вопросам.

Часть Третья. Северная Традиция

Чем для Вас является Северная Традиция? Считаете ли Вы, что главная задача — это максимальное её сохранение в таком виде, в котором она существовала тысячи лет назад, или к всевозможным нововведениям следует относиться философски, считая их неотъемлемыми аспектами современного мира?

Асатру — это связь между этнически европейцами и божественными силами, связь, которая тянется от наших самых далеких предков и будет продолжаться, пока наш народ существует. Я считаю крайне важным, чтобы мы помнили о нашей истории и наших древних традициях, но жизненно важно, чтобы мы могли руководствоваться этими знаниями в современном мире и развивать проявления нашей духовности. Необходимо помнить, что Асатру — это не реконструкция эпохи викингов, это живая и яркая вера современных людей, живущих современной жизнью и решающих современные проблемы.

Существуют ли какие-то критерии, позволяющие определить, что действительно является Традицией, а что — непозволительный новодел? Вспомним,

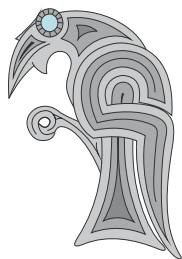

11...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 18
2017

например, пустую руну Ральфа Блюма. Может ли она быть рассмотрена как доказательство естественного развития Традиции или это не более чем фантазия отдельного автора?

Чтобы определить, что в Асатру является Традицией, а что нет, стоит рассматривать любое мнение через призму наших вечных ценностей. Слушайте свою душу, и все сразу станет понятным. И раз уж Вы спросили про «пустую» руну, лично я считаю её появление нонсенсом.

В Руны для Вас — это просто древний алфавит или магическое средство изменение реальности? И раз уж мы заговорили про базовые принципы Традиции: исторически так сложилось, что существуют два порядка следования рун в Старшем Футарке. В первом случае футарк заканчивается руной Дагаз, а во втором — Отал. Какой вариант используете Вы?

Руны для меня очень важны, и я уверен, что они много больше, чем просто письменность. Для меня они являются отражением глубочайших тайн нашего существования. Футарк, который я использую, начинается с Феху и заканчивается Отал. Такая концепция мне близка по духу: все начинается с приходящего, наживного богатства Феху и заканчивается богатством, полученным в наследство от Отал.

В Нельзя отрицать тот факт, что Асатру имеет в своей основе достаточно жесткие

традиции, например, кровавое жертвоприношение. Как лично Вы относитесь к такой практике, и как обычно происходит обряд жертвоприношения в АФА?

Я не считаю, что принесение животных в жертву нашими предками было проявлением их жестокости. В процессе сакрального ритуала животное старались убивать максимально быстро и безболезненно, после чего его мясо делилось на обряде между участниками. В этом гораздо меньше жестокости, чем в том, как обходятся с животными на современных коммерческих фермах. В АФА, как правило, на блоте мы делаем посильные пожертвования и главным образом используем мёд.

В Какие традиционные праздники Вы отмечаете в АФА, и является ли какой-то из них наиболее для Вас значимым?

В АФА мы празднуем Торраблот, Праздник Первой борозды (Charming of the Plow), Остару, Вальбург, Майский день, Мидсаммер, Фрейфакси, Поиски зимы, Зимние ночи, пир Эйнхериев и Йоль. Это основные, но кроме них у нас в календаре существуют и менее известные праздники и Дни поминовения. Наверное, самым любимым праздником для меня является Йоль. Возможно, это связано с тем, что я вырос на Аляске, и поэтому для меня зима и холод всегда имели особенное значение. Чем темнее ночь, тем сильнее начинаешь ценить теплые встречи с родными по духу людьми вокруг костра.

Воспитывают ли в АФА детей в духе Северной Традиции и в уважении к Северным богам? Или Вы предпочитаете дать им свободу выбора своей веры и своего собственного Пути, когда они вырастут?

Мы очень гордимся тем фактом, что на мероприятия АФА приходят целыми семьями. И мы делаем все возможное, чтобы каждый смог найти на празднике свое место и дело по душе. Я считаю, что наши дети должны воспитываться в духе Асатру, это прямая обязанность родителей — рассказывать детям о своей вере. На мой взгляд, это один из лучших способов показать, действительно ли родители являются последователями Асатру или просто относятся к этому как к хобби.

С *Каким Вы видите будущее Асатру в ближайшие 50 лет?*

Я думаю, что за это время будет построено гораздо больше языческих храмов, и они будут в самых разных местах. Уверен, в ближайшем будущем в Европейских странах практически каждый будет знаком с таким понятием, как Асатру, и что оно из себя представляет. Наша вера будет расти, а с ней закономерно будет расти и процент «адекватных» приверженцев Традиции. Со временем мы все станем частью гораздо более «серьезной» религии, чем есть сейчас.

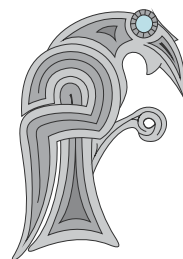
С *Мэтт, огромное спасибо за интервью! Мы надеемся на будущее плодотворное сотрудничество между нашими странами в продвижении Северной Традиции и языческого мировоззрения.*

В свою очередь, я хочу еще раз поблагодарить Вас за возможность рассказать о нас русскоязычному миру. Если кто-то после нашей беседы захочет узнать побольше об АФА, то вся информация находится на нашем сайте **www.runestone.org**. Там же можно ознакомиться с нашей Декларацией Целей и Соглашением об Этических Нормам, а также сделать пожертвование или написать заявление на вступление в наши ряды. ◆◆

Слава богам!

Слава богам!

Слава единоверцам!

13...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 18
2017

Сакральная символика нордов. Конь

Антон ПЛАТОВ

МОЖНО говорить о том, что конь является священным животным во многих мифо-эпических системах мира. Однако, в отношении индоевропейской сакральной Традиции это было бы не совсем корректно: для индоевропейца конь — немного больше, чем просто «священное животное». Несомненно, исторически это связано и с той огромной ролью, которую лошади сыграли во время пятитысячелетней миграции индоевропейцев по просторам Евразии, и все же мне видится в этом специфическом отношении наших предков к коню и нечто сугубо сакральное. Конь (кобыла) часто выступают не только как спутники бога или богини, но и как одно из их воплощений; даже собственное имя Мирового Древа у индоевропейцев прямо связано с образом коня. Так, скандинавское *Иггдрасиль* в переводе означает «Скакун Игга» (т.е. Одина), а ведийское *Ашваттха* — «Лошадиное место» или «Лошадиное стойбище».

Вероятно, самое известное из «лошадиных божеств», относящихся к интересующим нас месту и времени, — это кельтская Эпона. Ее культ, зародившийся некогда у центральноевропейских галлов, распространился в Римское время чрезвычайно широко — от Британских островов до северной Африки. Характеризуя значение и влияние культа Эпоны, можно отметить, что это — единственное кельтское божество, непосредственно вошедшее в поздний римский пантеон: в Империи посвященный ей праздник отмечался 18 декабря.

Насколько мы можем судить, индоевропейский культ коня с самых древнейших времен имеет два иногда взаимосвязанных, а иногда и противоречащих друг другу аспекта. С одной стороны, конь — соратник небесного Бога или Бога Солнца (от древнейших солярных божеств и наследовавших им богов-громовержцев до таких поздних мифологических персонажей, как русские Илья— пророк или Георгий Победоносец). С другой стороны, образ коня в Традиции очень четко ассоциируется с переходом между мирами (в частности — между Миром Мертвых и Миром Живых); в этом отношении особенно показателен Слейпнир — восьминогий конь Одина, да и скандинавское имя Мирового Древа — «Скакун Игга» — возвращает нас к шаманской идее путешествия между мирами по древесному стволу. Иногда предполагается, к слову, что культ Эпоны мог ассоциироваться и со смертью, — в том смысле, что, восседая на белой кобыле или принимая ее облик, Эпона могла сопровождать умерших...

Оба эти аспекта находят отражение и в сакральной графике Северо-Запада. Так, на северных скалах мы видим датированные бронзовым веком изображения коней, влекущих солнечные колесницы, и там же — коней, запряженных в «корабли мертвых». Аналогичный

Эпона.

Галло-римский барельеф из Инсбрука

дуализм присутствует и в существенно поздних памятниках.

Одно из древнейших изображений коней на северных скалах. Бохуслен, Швеция

Для кельтов эпохи Латена и начала I тыс. н.э. изображение коня в сакральном контексте является более чем привычным. Мы встречаем кельтского коня на произведениях прикладного искусства, на фундаментальных памятниках и — в огромном количестве — на монетах. Иногда он предельно реалистичен, иногда принимает фантастические формы, иногда — присутствует лишь в качестве символа.

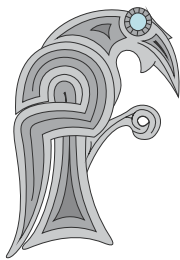
Три кельтские монеты с изображениями коней (сверху вниз):

— Британия, тринованты; надпись на реверсе (**CVN**) ассоциируется с бриттским князем Кинобелином; на аверсе — изображение процветающего колоса — символ плодородия;

— Британия, атребаты; конь на реверсе изображен под свастикообразным символом Солнца;

— континент, галлы; на реверсе — стоящий над опрокинутой лирой конь, проткнутый копьем или дышлом коленсницы (ср. ирл. саги о встречах с наездниками из Иного Мира).

Напротив, в Скандинавии эпохи Венделя изображения коня как такового (т.е. коня без всадника — а это совершенно разные мотивы) встречаются гораздо реже¹. Символические фигуры коней мы видим, например, на погребальных рунических камнях в Килвере (IV век) и Эггьюме (VII век), и это снова указывает нам на второй, связанный с переходом между мирами, аспект семантики данного образа.

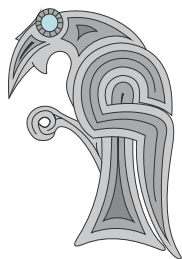
Скандинавский брактеат с изображением коня

Дуальность семантики образа коня отчетливо прослеживается на богатейшем материале кельтских монет. Весьма распространенным мотивом является, например, совместное изображение коня и того или иного четко выраженного солярного символа (как правило — «солнечного колеса»). На ряде таких монет мы видим коня, снабженного тремя фаллосами — также довольно четкое указание на солнечный характер.

Солнечный конь на кельтской монете. Над ним — «солнечное колесо» о восьми спицах; под его брюхом — три фаллоса (тройка, как мы говорили выше — число Солнца)

¹ Так, например, число брактеатов с Сражением всадника на коне в десятки раз превосходит число брактеатов с изображением одного коня.

Вероятно, к этой же идее солнечного или небесного коня приближаются и изображения крылатых коней, хотя в данном случае все существенно сложнее. Не выяснено даже происхождение этого образа на кельтских монетах: иногда о нем говорят, как об античном заимствовании (ср. с греч. Пегасом), иногда этот образ считают самостоятельно развившимся. Вопрос осложняется еще и тем, что столь характерное для кельтов стремление к художественной стилизации иногда приводит к тому, что, сталкиваясь с данным образом, мы вообще не можем быть уверены в том, что речь идет именно о крыльях...

Другой аспект семантики коня, связанный с Иным Миром и с переходами между мирами в целом, на корпусе кельтских монет очень четко привязан к специфическому образу коня-андроцефала, «коня с человеческим лицом». Не сохранилось ни одного древнего кельтского текста, в котором был бы описан подобный персонаж, однако нордическая мифология в целом знает массу примеров придания коню человеческих функций (сравн., напр., «...и заговорил конь человеческим голосом»).

Галльский «Пегас». Под брюхом коня — символическое изображение некой постройки; возможно, модель храма

Изображение над спиной коня на этой галльской монете можно мчесть крыльями. Можно — вслед за Л.Ленгъелом — «звездной сетью», символом звездного неба

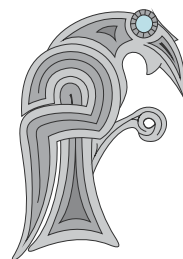
Изображение коня-андроцефала (коня с человеческим лицом) на галльской монете

Характерным примером может служить ряд монет, на которых «конь с человеческим лицом» управляется *Мертвой Головой*, чей связанный с Иным Миром образ представлен во всех ветвях нордической Традиции, а в кельтской ветви играет особенно значимую роль. На двух представленных снизу монетах ведущая коня-андроцефала Мертвая Голова оказывается еще и заключенной в символ материнского чрева, что подчеркивает связь с темой рождения и смерти.

Конь-андроцефал, направляемый Мертвой Головой. Галльские монеты

На первой из этих монет длинная заканчивающаяся звездой или крестом линия даже указывает, как будто, задаваемое направление движения — *вниз*, в Мир мертвых. Там, внизу, под ногами коня, символически изображено некое строение, в котором можно предполагать храм или неоднократно воспетый в кельтских сказаниях и поэмах замок Иного Мира.

На второй монете под ногами коня оказывается распростертая человеческая фигура; резонно предположить, что это — изображение мертвого человека.

Мертвая голова — даже две — присутствует и на другой монете с изображением «коня с человеческим лицом», однако, на сей раз эти мертвые головы имеют, вероятно, совсем иное значение. Увитые листьями и расположенные спереди и сзади (в прошлом и будущем?) от живой человеческой головы коня, они, возможно, символизируют силы Иного Мира, участвующие в двух важнейших событиях человеческой жизни — Рождении и Смерти.

Специфика художественного мышления древних кельтских мастеров, символическая насыщенность их мира, его «магическая подоплека, которую они наверняка воспринимали иначе, чем мы, — все это приводит к появлению на кельтских монетах образов, чрезвычайно сложных для анализа — но, без сомнения, прекрасных.

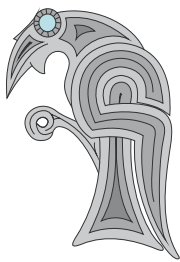
Еще одно изображение коня

17...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 18
2017

Гальдраставы из рукописи Huld

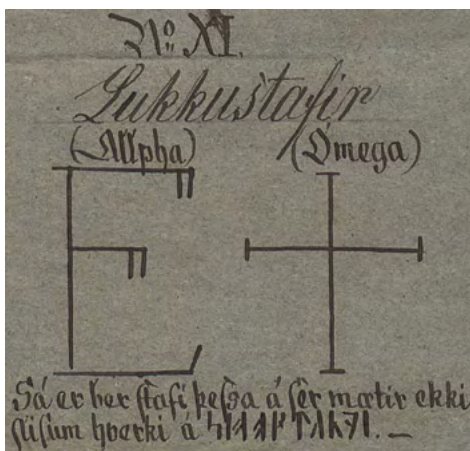
Вадим
ПЕРМИН

Друзья! В прошлом номере мы начали серию публикаций из новой книги Вадима Пермина «Гальдраставы из рукописи «Huld». В этом номере мы продолжаем знакомить Вас с переводами рукописи и напоминаем, что информацию о том, как заказать книгу, Вы можете получить на страничке автора <https://vk.com/permin79>

XI. Lukkustafir

Sá er ber stafir þessa á sér mætir ekki slusum hvergi á SÍO OG LANÐI.

Над знаками надписи: Alpha и Omega.

«Ставы удачи»

Тот, кто носит ставы эти на себе, не встретит никаких несчастий ни на море, ни на земле.

XII. Óttastfsfur

Rist þennan staf á EIKARSPIALÐ og kasta fyrir fætur óvinnar þins til að ótta honum.

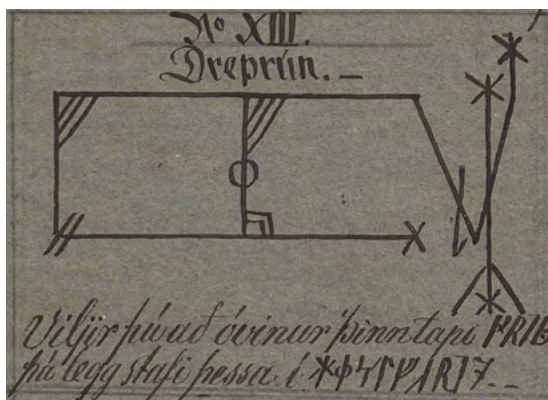

«Став страха»

Вырежи сей став на дубовой (деревянной) плашке да брось под ноги недруга твоего, чтобы напугать его.

XIII. Dreprún

Viljir þú að óvinur þinn tapi GRIP þá legg stafir þessa í HESTFARIÐ.

«Убийственная руна»

Желаешь ты, чтобы недруг твой терял скот, тогда положи став сей в лошадиный след.

XIV. Lásabrjótur

Legg þennan staf við LASINN og blás í hann

Под гальдраставом рунами речи записано:

«TRÖLL ÖLL TAKI I MELLU,

TAKI I ÞIÖFU SO BRAKI»

«Замколом»¹

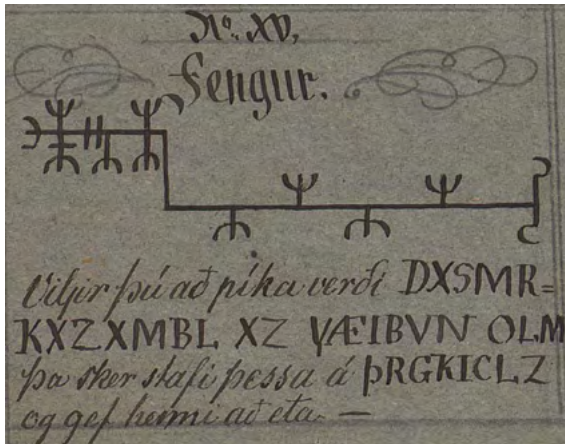
Положи сей став на замók и подуй на него.

«Тролли все пусть ухватятся за собачку, пусть ухватится Дьявол, так и сломают»².

XV. Fengur

Viljir þú að þíka verði DXSMRKXZ XMBL XZ YÆIBVN OLM þ asker stafi þessa á ÞRGKICLZ og gef henna að eta.

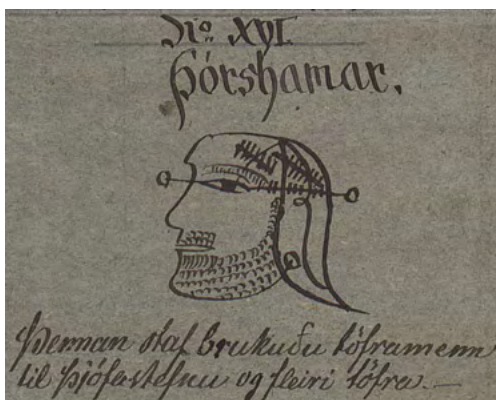
Viljir þú að þíka verði barnshafandi af uöldum³ þín þa sker stafi þessa á osthleif og gef henni að eta.

«Улов»⁴

Желаешь ты, чтоб девка забеременела от тебя, тогда вырежи сей став на круге сыра и дай ей поесть.

XVI. Þórshamar

¹ «Разрушитель замókв».

² Брака – трещать, хрустеть.

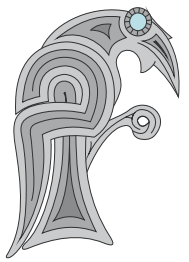
³ Должно быть «völdum».

⁴ Fengur – улов, добыча, выгода, выигрыш.

þennan staf brukuðu töframenn til þjófastefnu og fleiri töfra.

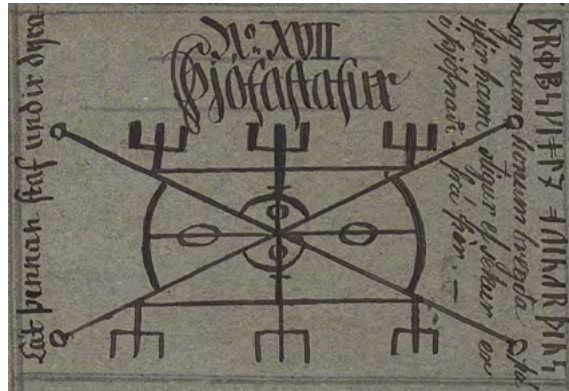
«Молот Тора»

Сей став использовали колдуны для заклинания воров и другого волшебства.

XVII. Þjófastafur

Lát þennan staf undir þyra ÞREPSKIÖLD OVINAR ÞINS og mun honum bregða þá yfir hann stigur ef sekur er í þjófnadi frá þér.

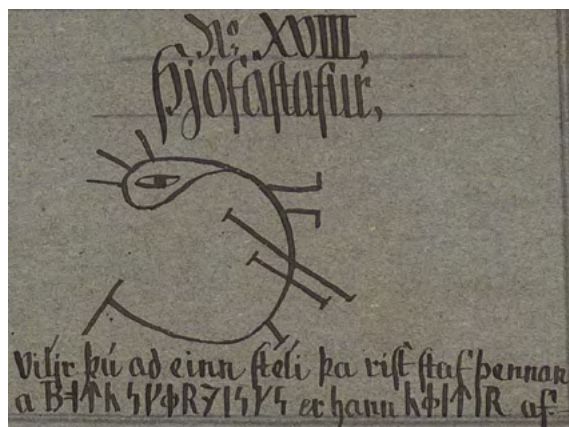

«Воровской став»

Положи сей став под порог двери недруга твоего, и должен он дёрнуться, когда через него переступает, если виновен в краже у тебя.

XVIII. Þjófastafur

Viljir þú að einn steli þá rist þennan a BOTNSKERÐISKS er hann NEITIR af.

«Воровской став»

Желаешь ты, чтоб некто украл, тогда вырежи на дне тарелки, из которой он ест.

(Продолжение в следующем номере.)

19...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 18

2017

Топор и предубеждение: любовные истории в «Сагах об исландцах»

Алексей
«ГЕСТ»
СЛОВБА

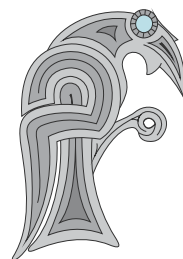
(по материалам «Саги об Эгиле»)

ТРАДИЦИОННО любовные истории не находятся в центре внимания скандинавских саг, относящихся к Исландии 9-11 в.в. В качестве немногочисленных исключений, лишь подтверждающих правило, можно вспомнить разве что «Сагу о Гуннлауге Змеином Языке», а также историю Кьяртана и Гудрун из «Саги о людях из Лаксдаля». В остальных же родовых сагах любовные линии используются лишь в качестве второстепенных, пусть и достаточно важных элементов сюжета, которые позволяют объяснить те или иные поступки персонажей, как, например, адюльтер Вестейна и Асгерд из «Саги о Гисли сыне Кислого» (в итоге приведший к гибели Вестейна и отомстившего за него Гисли), или же Турид и Бьерна, Бойца Широкого Залива (благодаря чему в «Саге о людях с Песчаного берега» мы имеем легендарное свидетельство о том, как викинг стал вождем американских индейцев).

Однако в действительности ли взаимоотношения между мужчиной и женщиной интересовали древних скандинавов гораздо меньше походов, судебных тяжб либо проделок друзей? Или же мы просто не умеем «правильно читать саги», будучи не в состоянии прочесть между строк то, что для подготовленных слушателей саг было настолько само собой разумеющимся, что сказителю просто не было смысла отдельно акцентировать на этом внимание? Кроме того, нельзя не учитывать и то обстоятельство, что древнескандинавские саги (как ни парадоксально) дошли до нас во многом благодаря трудам христиан – монахов-переписчиков, которые, находясь под гнетом церковных представлений, просто не могли акцентировать в своих трудах любовную составляющую переписываемого произведения.

Поэтому гипотеза, которая выдвигается и отстаивается в настоящей статье, будет заключаться в том, что зачастую любовные истории составляют тот скрытый смысловой стержень, на который нанизывается логика повествования в сагах, ничуть не в меньшей мере, чем кровная месть, репрессии Харальда Косматого либо же козни друзей и троллей. Однако в силу христианской морали переписчиков и того, что многие вещи были сами собой разумеющимися для слушателей саг времен их бытования в устной традиции, любовные линии есть некоторое скрытое двойное дно саг, которое лишь еще подлежит открыть при внимательном их прочтении.

Отстоять эту гипотезу мы попытаемся на примере одной из наиболее совершенных в литературном отношении родовых саг – «Саги об Эгиле». Мы попробуем предположить, что на самом деле адекватное понимание значительной части данной саги во многом возможно лишь благодаря экспликации некоторых любовных линий (треугольников, квадратов), которые, причудливо переплетаясь с иными мотивами (верностью роду, кровной местью и т.п.) составляют затейливую вязь тех живых и противоречивых человеческих чувств – любви, страсти, ревности, мести, зависти – в которых зачастую отказывается героям древнескандинавского эпоса.

Как мы помним, в самом общем виде содержание «Саги об Эгиле» достаточно просто. Дед и отец Эгиля (Кведулв и Скаллагрим) вступили в распрю с конунгом Харальдом Косматым и вынуждены были в конце IX-нач. X в. покинуть Норвегию и поселиться в Исландии. Когда Эгиль и его брат Торольв попробовали помириться с сыном Харальда – Эйриком Кровавой Секирой и его женой Гуннхильд, из этого в итоге ничего не вышло, и братья вынуждены были уехать из Норвегии и служить английскому конунгу Адальстейну. В битве под знаменами Адальстейна Торольв пал. Эгиль женится на его вдове Асгерд и увозит ее в Исландию. Их сыном был Торстейн, отец Хельги Красавицы, которая является героиней «Саги о Гуннлауге». В итоге Эгиль после многих подвигов оседает в Исландии, где и коротает свои дни вместе с Асгерд. После смерти Асгерд Эгиль переезжает к своей падчерице и племяннице Тордис (дочери его брата Торольва), на хуторе которой и заканчивает свои дни.

Таким образом, на первый взгляд кажется, что движущим мотивом данной саги является распря между конунгом Харальдом и его потомками с одной стороны и родом херсира Кведулва – с другой. Вместе с тем внимательное рассмотрение нюансов и деталей «Саги об Эгиле» показывает, что в качестве движущего мотива поступков героев саги любовь имеет не меньшее, а зачастую и большее значение, нежели кровная месть или распри. Попробуем рассмотреть это подробнее.

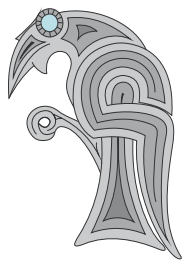
Впервые любовные мотивы отчетливо проступают в главе 32 саги, когда Бьерн, сын Брюньольва, сватается к Торе Кружевной руке, сестре Торира. Столкнувшись с отказом, Бьерн похищает Тору, однако, не получив одобрения своего отца Брюньольва, вынужден уехать из Норвегии вместе с Торой и занесен штормом в Исландию, в дом отца Эгиля – Скаллагрима. Старший сын Скаллагрима и брат Эгиля, Торольв, становится другом Бьерна и убеждает своего отца Скаллагрима предоставить изгнанникам убежище. И поэтому Асгерд – будущая жена Торольва, а затем и Эгиля, дочь Бьерна и Торы, рождается именно в Исландии. Собственно, как мы увидим далее, именно из-за Асгерд произошли многие события, которые кардинально изменили судьбу героев саги.

Далее Торольв устраивает примирение Торира с Бьерном и уезжает с ним и Торой в Норвегию. Свою же дочь Асгерд Бьерн и Тора оставляют на воспитание в доме Скаллагрима. Поэтому пока Торольв (который был значительно старше Асгерд) живет в Норвегии и ходит в викингские походы с Бьерном, Асгерд растет на хуторе Скаллагрима вместе с Эгилем. И здесь – в главах 37 и 38 саги – начинают намечаться те силовые линии, которые будут двигать сюжет на протяжении последующего повествования.

Так, в главе 37 саги указывается, что во время викингского похода Эйрика Кровавой Секиры, в котором участвовал и Торольв Скаллагримсон, Эйрик добыл в жены Гуннхильд, дочь Ацура Тоти. Гуннхильд была красива и умна, и умела колдовать. Как повествует русский перевод саги, они с Торольвом «были большими друзьями». Однако оригинал говорит нам более откровенно: «*Kærleikar miklir váru með þeim Þórólfi ok Gunnhildi*».

Согласно словарю Беркова «*kærleikar*» означает «любовь, милость, расположение». Данное слово образовано от «*kær*» — дорогой, любимый, милый. Следовательно, не будет совсем необоснованным предположить, что Торольва и Гуннхильд связывало нечто большее, нежели дружба, а упомянутое выражение более адекватно перевести так, что «Торольв и Гуннхильд были весьма милы друг другу». Это отвечает и тому образу Гуннхильд, который сложился в сагах. Так, согласно «Хеймскрингле» Гуннхильд, когда ее встретили люди Эйрика, жила вместе с двумя финнами, которые учили ее колдовать, и каждый из которых желал стать ее мужем. Сведения о любовных похождениях Гуннхильд (притом в весьма почтенном возрасте, когда ее сын Харальд Серый Плащ уже был конунгом Норвегии) доносят до нас и главы 19-21 «Саги о людях из Лаксдала», а также (в особенности) главы 3 и 6 «Саги о Ньяле». Были ли любовниками Торольв и Гуннхильд (при живом-то Эйрике!) — вопрос спорный, однако тот факт, что между ними существовало взаимное влечение, весьма вероятен. Также можно достаточно обоснованно предположить, что пока Торольв ходил с Эйриком в викингские походы, в Исландии брат Торольва Эгиль влюбился в дочь Бьерна и Торы – Асгерд, с которой он вместе рос на хуторе своего отца. Ведь иначе невозможно объяснить то, что далее происходит в саге.

Так, в главе 40 описывается, что когда Торольв приезжает в Исландию и собирается увезти в Норвегию Асгерд, Эгиль всеми силами добивается того, чтобы его также взяли в

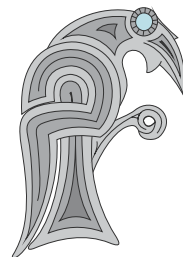
Норвегию. Для этого он готов идти на открытую ссору с Торольвом (приводит в негодность его корабль) и противится воле своего отца – Скаллагрима, который хочет, чтобы он остался в Исландии. «Между братьями дружбы не было» — лаконично отмечает сага (глава 41). Чем же это могло быть вызвано, как не ревностью со стороны Эгиля – ведь иных поводов для разногласий между братьями не было? Кроме того, Эгиль понимает, что если он останется в Исландии, то Асгерд (которая была «красива и умна, а также большая искусница» – глава 41), для него будет утрачена навсегда. Да и так его положение весьма отчаянно – ведь Торольв везет Асгерд в Норвегию не за чем иным, как попросить у ее отца Бьерна, своего лучшего друга, согласия на их брак (глава 42). И с этого момента ревность и интриги Эгиля, с одной стороны, и Гуннхильд – с другой, приводят к новому витку драмы.

Так, как повествует сага, будучи в Норвегии, Эгиль заболевает и не едет на свадьбу Торольва и Асгерд (глава 42). Он не может открыто выступить против этой свадьбы – ведь отец невесты, Бьерн – лучший друг Торольва, жених Торольв – его брат, а невеста Асгерд – и это Эгилю известно, ведь он рос с ней – влюблена в Торольва. Слег ли Эгиль от огорчения или же просто сказался больным, доподлинно неизвестно. Однако когда Торольв уехал, Эгиль сразу же поправляется, причем настолько, что может сопровождать управляющего – брата невесты (Торира) – в путешествии за сбором долгов (глава 43). И тут, на хуторе человека конунга Барда, судьба сводит его с Гуннхильд и Эйриком. Эгиль напивается в присутствии Эйрика и его жены, намеренно провоцирует свару и, наконец, убивает их управляющего. Притом мотивы такого поведения Эгиля, на первый взгляд, достаточно необъяснимы: ведь юноша, который в первый раз выехал из отчего дома и попал на пир конунга, должен был бы вести себя более скромно. Конечно, можно предположить, что Эгиль напился с досады, из-за утраты Асгерд, а потом оказался неводержан во хмелю. Но можно взглянуть на действия Эгиля и более глубоко. Ведь Асгерд была богатой наследницей, у которой в Норвегии было много имущества. Если бы Торольв и конунг Эйрик далее жили в мире (а они до сих пор, как мы видели, были друзьями и ходили вместе в походы), Торольв мог бы жить с Асгерд в Норвегии счастливо до конца дней. Но Эгиль, убив человека Эйрика, вбивает между Эйриком и Торольвом первый клин, который в дальнейшем разбивает их дружбу, и, что самое важное, заставляет Торольва впоследствии из-за этой распри покинуть Норвегию – и Асгерд. Ведь Торольв, согласно древнескандинавским представлениям о чести и кровном родстве, не может оставить Эгиля.

Но вернемся к описанной стычке. В результате все произошло именно так, как рассчитал Эгиль. Хотя шурин Торольва Торир и добивается у конунга Эйрика того, чтобы он принял виру за убийство своего человека, условием мировой стало то, что Эгилю нельзя было далее находиться в Норвегии (глава 45). И поэтому Торольв, не успев жениться, вынужден был оставить свою жену Асгерд и отправиться с Эгилем в викингский поход.

С другой же стороны, мы видим, как ревность и недовольство женитьбой Торольва заставляет и Гуннхильд интриговать и настраивать конунга Эйрика против Торольва. Ведь так как убийство человека Эйрика совершил Эгиль, логично было бы предположить, что это никак не скажется на отношениях Гуннхильд и Торольва (которые до тех пор «были весьма милы друг другу»). Это удивляет даже конунга Эйрика, который в ответ на наговоры Гуннхильд говорит: «ты, Гуннхильд, больше всех подбиваешь меня быть жестоким. А ведь раньше вы с Торольвом были большими друзьями... — Торольв был хорош, — отвечает Гуннхильд, — пока его не испортил Эгиль. А теперь я не вижу между ними никакой разницы» (глава 48). Однако, как мы видим, Торольв не совершил (пока) ничего, что задевало бы конунга Эйрика или Гуннхильд (что прекрасно осознает Эйрик, защищая его). Однако для задетой женитьбой Торольва Гуннхильд между ее бывшим другом Торольвом и его братом Эгилем уже «нет никакой разницы», и она хочет убить их обоих, засылая для этого человека (глава 49). Причем если в отношении Эгиля это может быть оправданно, то чем заслужил немилость Гуннхильд Торольв, мы не сможем понять, если не предположим, что вина Торольва перед Гуннхильд заключалась лишь в том, что он «был мил ей».

В этой же главе 49 саги описывается, как Эгиль доводит до конца свой план – разлучить Торольва с Асгерд. Вновь убив человека конунга – Эйвинда, Эгиль и его дружина, как прямо повествует сага словами самого Торольва, «сделали так, что нам нельзя этой осенью ехать в Норвегию», на что Эгиль ответил, что «тогда неплохо бы поехать в какое-нибудь другое место». Таким образом, искусно привязав к себе узами братского долга Торольва, Эгиль разлучает его (как оказалось, навсегда) с Асгерд.

Здесь следует отметить и двойственность отношений братьев – Торольва и Эгиля. С одной стороны, как уже отмечалось, «между ними не было дружбы». С другой – Торольв без колебаний бросает молодую жену и отправляется в изгнание вместе с Эгилем. В свою очередь и Эгиль в битве старается беречь брата и просит английского конунга Адальстейна поставить их в битве рядом (глава 54). Когда же Торольв гибнет, это искренне печалит Эгиля (глава 55).

Однако после смерти Торольва у Эгиля развязаны руки – ведь Асгерд теперь свободна. Он плывет в Норвегию и просит у своего друга Аринбьерна, брата Асгерда, руки его сестры (глава 56). Как повествует сага, «*весть о смерти Торольва очень опечалила Асгерда. Эгилю она, правда, ответила приветливо, вообще же больше молчала*» (глава 56). Все же, несмотря ни на что, Эгиль добивается руки Асгерда и увозит ее в Исландию. Эгиль несколько лет прожил с Асгердом в Исландии, хотя его ждал конунг Адальстейн, но детей у них пока не было (глава 56).

Дальнейшая распря Эгиля и Эйрика, о которой повествует сага, также проходит под знаком былых отношений Гуннхильда и Торольва. Ведь именно Гуннхильд Эгиль считает виновной в своей вражде с Эйриком, когда говорит:

*Конунг, закон поправший,
Мне судил изгнание,
В том повинна Гуннхильд, —
Эйрик братоубийца
Внял жены советам.
Отмщю как должно
Женщине жестокой
За ее коварство.*

В свою очередь и Гуннхильд считает Эгиля («который испортил Торольва») своим кровным врагом, колдовством заманивая его в Англию, где Эгиль оказывается во власти Эйрика и лишь благодаря своему поэтическому мастерству (знаменитый «выкуп головы») и заступничеству своего друга Аринбьерна сохраняет себе жизнь.

Таким образом, как можно видеть, любовь является важным скрытым движущим мотивом не только отдельных поступков персонажей «Саги об Эгиле», но и динамики развития сюжета произведения в целом. Ведь если бы не любовь Эгиля к Асгерду с одной стороны, и козни ревнивой Гуннхильд – с другой, как знать: не сидел бы Эйрик Блодэйкс и далее на троне в Норвегии, вместо того, чтобы отправиться в изгнание в Йорк и сложить голову в Англии? И было ли этому причиной знаменитое «проклятье лошадиного черепа» Эгиля или всего лишь гордость и предубеждение, накрепко засевшее в неукротимых и сильных характерах древних скандинавов и их жен? ♦♦♦

23...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 18
2017

Странное соседство – асы, тролли и сокрытые народы Исландии

Мария
ПУШНАЯ

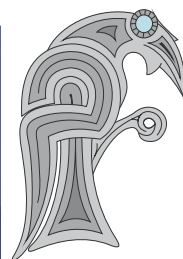
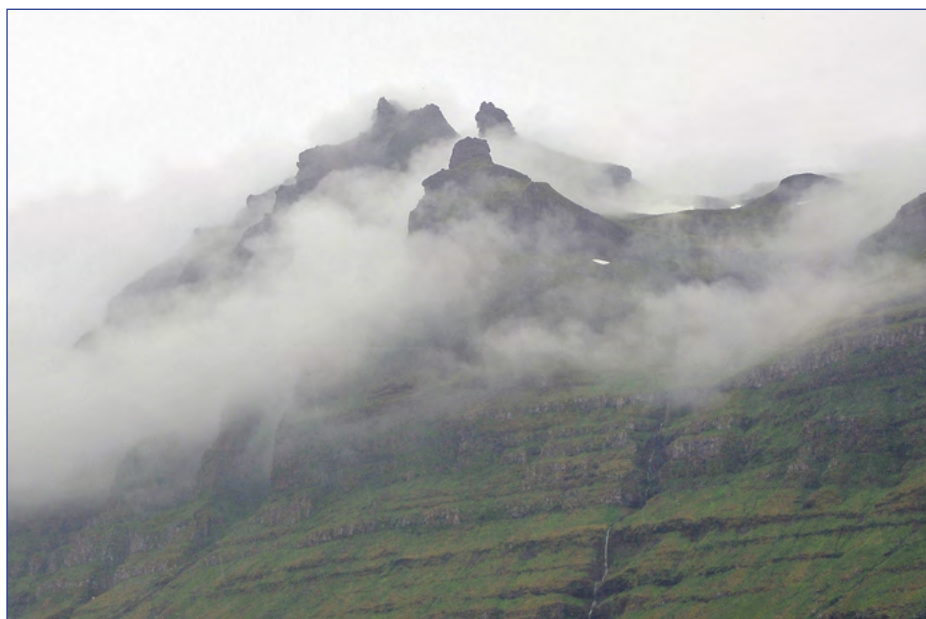

*The world is not in your books and maps, it's out there – Gandalf
J.R.R. Tolkien "The Hobbit".*

ВТОРОЕ путешествие в Исландию вышло совсем иным. Я в одиночку отправилась в страну, которая оказалась прекраснее, чем все ее описания. Для кого-то путешествие без попутчиков или гида — это страшный сон, кошмар, где вы оказываетесь одни в незнакомом месте, у вас нет карты, друзей или советчиков. Но для меня это особое чувство контакта с дорогой и миром. Не на кого опереться, не у кого спросить совета, это ли не лучший способ действовать максимально эффективно? Поэтому, когда я оказалась одна в далекой северной стране, где можно замерзнуть, заблудиться, не найти ночлег, чувство верно выбранного пути не покидало.

Исландия встретила меня поздним солнцем, упавшим в море после полуночи, ведь я прилетела на два месяца раньше, чем в прошлый раз — в начале июня, и призрачный свет белых ночей стер звезды и луну с неба. Главным в моем путешествии было — узнать поближе исландцев, то, что не удалось в прошлую поездку. Кто они — суровые викинги или добродушные северяне? Как они относятся к фольклору в век интернета и глобализации острова? Правда или сказки, что все исландцы — дальние родственники, в домах тут не запирают двери, а троллей видят прямо на своем заднем дворе...

Я остановилась у уже знакомых по прошлому году исландцев, сдающих жилье через сервис Air BNB. И сразу же начались интересные совпадения. Оказалось, что хозяйка дома дружна с русской из Сибири, живущей по соседству. Мария (соседка) оказалась большой поклонницей фестиваля викингов. И вот уже мы пьем кофе и обсуждаем предстоящий фестиваль. Если не родственники, то, по крайней мере, все — соседи, и знают друг друга, как в старину. И, да, дверь в доме, где я ночевала, не запиралась даже поздней ночью.

Пробыв в Рейкьявике всего день, я отправилась на север, в уединенную долину, где разводят коров и овец. Каждое утро на ферме, где я провела несколько дней, начиналось с ритуала — хозяин фермы пил крепкий кофе и шел к коровам. Баринг был крепким исландцем, немного за пятьдесят, с пытливым умом и едким чувством юмора, и отсутствием суеверий. Тем необычнее было, что одна из его ближайших родственниц оказалась известной в стране ясновидящей. Дни текли один за другим, но в прозрачной тишине долины каждый имел свой оттенок.

Я гуляла по бесконечным холмам, полям люпинов, слушая пронзительную тишину и покой. Как-то раз мы заехали по делам в самую глухую часть, где стояла одинокая ферма и дорога обрывалась тупиком. Арктическая лиса убежала прямо из-под носа, посреди бела дня — так безлюдна и спокойна была долина. Рядом с фермой, как и везде в Исландии, был изумительный водопад, гора и изумрудное поле. Казалось, этот набор также обязателен, как английский газон для частного владения в Британии.

Мы пили чай с жителями одинокой фермы — бабушкой и внуком, и я не могла представить, как они живут здесь все лето в этой тишине, пустоте и простоте зеленых полей и овец без единого дерева. Ни одна машина не проехала за это время по узкой дороге. Но зато очень ясно представлялось, откуда берутся истории о сокровитном народе и троллях в исландских рассказах. Когда смотришь из окна на зубчатые холмы день за днем, в этой пронзительной тишине, то видишь и троллей, и прочих обитателей. И чувствуешь себя чуточку менее одиноким, ведь под боком живут невидимые соседи, и становится немного уютнее.

У фермы Баринга, где я остановилась на эти дни, тоже был свой тролль. Его каменный профиль красовался рядом с водопадом, самым примечательным в Исландии, по мнению хозяина. В этом была отличительная черта исландцев — невероятные гордость и любовь к своей земле.

Известно, что многие исландцы среднего и старшего возраста не любят ездить в отпуск за границу, предпочитая путешествие по своей стране. А молодежь, уехав в поисках учебы, работы и приключений в другие страны Скандинавии, часто возвращается, чтобы построить дом

25...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 18
2017

и завести семью на родине. И глядя в путешествии по острову на драматично меняющийся ландшафт, начинаешь их понимать. Жизнь на ферме сложна, но многое начинает видиться простым и понятным. Работая на земле, человек избавляется от шелухи и притворства городов. Исландцы очень пронципальны. Не стоит юлить и манипулировать словами с ними — они поймут ваши мотивы с помощью сильной интуиции. С другой стороны, замкнутая жизнь сделала их и недоверчивыми, они не доверяют новому и, прежде чем затеять с вами дело, должны узнать вас как следует. Да, двери фермы были всегда не запорты, но проникнуть в сердца этих людей — гораздо сложнее.

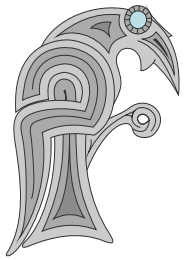
Следующим этапом моих странствий стал викинг-фестиваль в Хабнафьордуре.

Побывав на десятке исторических фестивалей в центральной Европе, можно было заметить, что исландский праздник не был самым масштабным или красочным, не отличался большими размерами или большим количеством иностранцев. Но было в нем нечто приятательное. Три дня две улочки, построенные из торговых палаток между скандинавским отелем и рестораном, вмещали в себя особое пространство. Здесь вы словно оказывались в старой Исландии, такой, какой она была еще совсем недавно. От холода тут согревало не столько кофе или горячительные напитки, сколько улыбки и добрые шутки. На вертелах жарились поросята, на сковородках — пресные лепешки. Слышался звон мечей и звуки рога. Оказавшись среди своих, отличая их от туристов по историческому костюму, исландцы забывали свою застенчивость и становились добродушными, открытыми и более свободными. Здесь уже была не важна национальность приезжих викингов, все сидели за одними столами, танцевали под одну музыку и рассказывали одни истории. Часть людей, занимающихся исторической реконструкцией, просто любили историю и гордились своим прошлым, часть — были последователями Асатру, и их истории о древнем языке, мифологии, музыке и обычаях были особенно интересны.

С ними я и поехала на празднование дня солнцестояния в Тингведлире.

Погода в тот день была чудесной, то ли тут помогли мысленные воззвания асатруа, то ли сами скандинавские асы разогнали морской туман в день солнцестояния. В Исландии вообще существовало два вида погоды при одинаковом количестве градусов. Один — это безумно яркое солнце и отсутствие ветра, тогда, даже если градусник показывал всего +10, было ощутимо тепло, а краски земли и неба становились такими яркими, сочными и первозданными, что резало глаз и приходилось уменьшать насыщенность и контрастность на фотоснимках. И те же +10, но с дождем, ветром и тучами, превращали пейзаж в суровую иллюстрацию к самым трагичным моментам саг — ветер рвал на людях одежду, бил в лицо, низкие тучи неслись, закрывая горы, руки начинали трястись от холода, от идиллии не оставалось и следа.

На поле Тингведлира развернулись шатры, столы и стулья, и небольшая группа людей отправилась к месту разлома тектонических плит, где сотни лет проводился исландский тинг. Место было наполнено историей и торжественностью. Сама церемония с речами была

неожиданно краткой, хотелось продолжения. Но люди уже потянулись вереницей к шатрам, где их ждал большой пикник. Со стороны, если не считать нескольких людей в костюмах, его можно было бы принять за встречу друзей, не связанную с религией. Почему же так? Исландцам чужда лишняя театральность и пафос. Ее они оставляют для театральных подмостков. В жизни же все должно быть просто. Их вера в скандинавских богов — это не фанатичное утверждение себя, не эпатаж публики, как бывает в других странах. Это спокойная уверенность, принадлежность традиции. Им не нужно никому ничего доказывать, ведь Асатру — официально признанная организация. Так что их убеждения — как спокойная река на равнине Тингведлира, а не бурный водопад Деттифос на севере острова.

Отметив солнцестояние таким образом, я отправилась на стимпанк-фестиваль в Бильдидалюре, Восточные Фьорды. Эта маленькая деревушка, населением в 400 человек, стала площадкой для фестиваля в третий раз, так как была родиной организатора — эксцентричного исландца, писателя и музыканта, которого увлекала стилистика романов Жюль Верна и культура викторианской Англии. Место было не очень туристическим, а это значило, что нет никаких вариантов добраться туда на автобусе. Знакомых с машиной, которые захотели бы проехать около 400 км по фьордам, у меня не было. И, когда у вас нет выбора, вам придется действовать наиболее эффективно. Так был опробован метод автостопа и, несмотря на ветер, хмурое небо, извилистые и пустынные дороги фьордов, идущие то в гору, то с нее, я благополучно добралась до места, не намкнув под дождем, и последняя машина довезла меня прямо до музея, у которого проходил фестиваль. То ли так выпали руны, то ли истинное желание должно непременно сбываться в этой сказочной стране. А в памяти остались несколько рассказов от исландцев, подвозивших по пути, несмотря на природную скромность, они были рады помочь и не боялись чужаков.

27...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№18
2017

Фестиваль проходил в музее морских монстров, небольшом и уютном, размещенном в здании бывшей фабрики. Сам фестиваль был небольшим, но, как всегда, самым интересным было не фактическое содержание в виде конкурсов, камерных концертов и ярмарки, а люди. Они съехались сюда из центральных областей острова, принесли свои истории за общий стол. Тут я узнала, что морские монстры водятся вокруг Западных Фьордов и в озере у города Эгильстадир, рассказы о Сокрытом народе больше характерны для севера и запада острова, а на полуострове Рейкьянес люди больше верят в привидения. То ли мелкий дождь, загнавший всех в тепло кафе при музее, то ли общность интересов подталкивала людей делиться историями, словно мы старые знакомые. Так я узнала про призрак бабушки, с которым играла одна из девушек в детстве, про детей сокрытого народа, которые часто выходят на общие игры с исландцами в детстве, но куда-то исчезают во взрослом возрасте. Быть может, жизнь на природе, в тишине и прозрачном покое северного морского воздуха делает ум столь ясным, что он видит разные грани нашего мира, то, чего так трудно добиться в шумном мегаполисе, где люди забывают звенящий звук тишины.

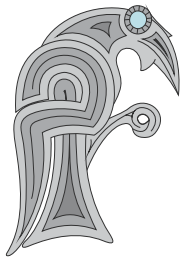
В погожие часы я гуляла по пустынной дороге — с одной стороны огромные горы, обточенные языком ледника, с другой — воды фьорда с изрезанным берегом напротив. На берегу стояла табличка «Берегитесь морских монстров», но гладь моря оставалась безмятежной. Правда ли, что ее глубины скрывают каких-то неведомых существ? Конечно, если это и так, чтобы увидеть их нужно потратить гораздо больше времени, чем пара дней.

Последний вечер фестиваля завершился концертом с танцами в зале кинотеатра. Я как фотограф мероприятия, отсняв все, что можно, присела за столик отдохнуть. На праздник пришли местные жители, и один из них дружелюбно завел со мной разговор. Он работал на судне предприятия, которое разводило лосося в водах фьорда, и был вполне доволен своей жизнью в крошечном городке, где зимой единственный перевал мог быть завален снегом на несколько дней, так что добираться приходилось бы по морю или на вертолете в случае беды. С прямым и честным взглядом рыбак говорил, что видел морского монстра, ведь он проводил в море дни и ночи. Зверь поднялся из воды рядом с лодкой, уставился на него огромными выulptенными глазами на голове размером с телят и, довольный эффектом, уплыл, разрезав гребнем на голове воду. Сколько же еще созданий таит в себе северное море, и все ли из них — выдумка?

Но отыскать существ на суше, а не в морских глубинах кажется неизмеримо проще. Выбрав погожий день, мы отправились с компанией исландцев бродить, фотографировать и наблюдать за вечно меняющимся ландшафтом в Хейдиморк — лавовую долину с вкраплениями леса, озер, холмов и кратеров.

Здесь вспоминались странные своей бытовой конкретикой рассказы из исландских сборников о сокрытом народе. О людях необычного вида, которые появлялись и исчезали, о рыбаках на озерах, чьи лодки пропадали из вида, стоит отвести глаз. О мальчишке, который, заснув на эльфийском холме, услышал музыку из него, о ферме, которая приютила

путника и исчезла на следующий день, остались лишь его следы на снегу, ведущие в никуда. Бродя по лавовым кручам, заглядывая в небольшие окошки и трещины в них, становилось ясно, откуда взялись истории про полые холмы. Лавовые горы действительно могут приютить множеством пещерок и гротов. Но стоит ли искать следы невидимых людей в видимом мире? Один из моих попутчиков, молодой и модный исландец, полностью погруженный в субкультуру фейсбука, музыки и мессенджеров на природе стал задумчивым и вспомнил историю о своей бабушке, которая когда-то давно увидела неизвестную женщину в белом на гребне холма. Бабушка смотрела на нее прямо из окна своей фермы, а женщина шла по горе, высокая, красивая и невероятная тем, что не могла быть случайным туристом тогда, десятилетия назад, когда в Исландии машины и автобусы между селениями были большой редкостью. Но стоило бабушке отвести взгляд, как женщина пропала.

Так же быстро пропал в никуда месяц, проведенный на севере, и снова я взлетала над маленьким, но таким огромным островом, хранящим свои тайны, испещренным водопадами и пещерами, окруженный мантией синего моря. И снова было обещание вернуться. Потому что путь никогда не кончается, пока есть силы идти по нему, а мир не в книгах и картах, а где-то там, за горизонтом.

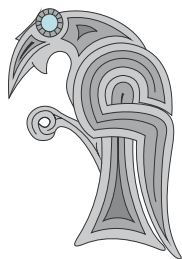
29...

Странички автора www.patreon.com/Majapushnaya
www.miraclelegends.net

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№18
2017

Дорога на Суурсаари

Вячеслав МИЗИН,
июль-август 2017

*«Там, где сходятся небо и море, проступает силуэт Суурсаари»
(Эйно Хавас, 1920)*

В Ленинградской области есть только две стороны света – север и юг. На юг можно попасть, выехав в любой из районов южнее Санкт-Петербурга, например в Лужский или Тосненский. На севере же здесь можно оказаться, выехав, собственно, на север – в сторону Выборга и Приозерска. Если вы вдруг выберете путь на восток, то и там, у холодных вод Ладоги и Онеги, увидите типично северные леса, скалы и вековые церквушки, как в Юксовичах или в Сторожно, столь характерные для Русского Севера. Да, Русский Север с XIII века начинается здесь, с монастырей и церковей восточной части Ленинградской области.

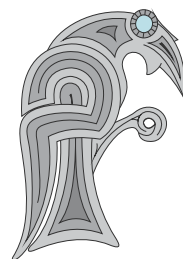
Но самым странным образом можно попасть на север, отправившись на крайний запад от Санкт-Петербурга – на остров Гогланд. Островные пейзажи, скалы и тайга более всего напоминают Карелию и Лапландию. Если представить карту Ленинградской области в виде своеобразного Средиземья, то Гогланд, несомненно, будет на ней Заокраинным Западом. Настолько Заокраинным, что он даже отмечен далеко не на всякой карте области.¹

На подходе остров предстает чередой окутанных дымкой гор, бэкграундом к которым выстроились в два слоя облака. Сложилось ощущение, что сама природа продемонстрировала нам остров в наиболее эффектном образе.

Когда на горизонте только прорисовывается полоска Суурсаари, постепенно детализирующаяся знакомыми контурами гор, меня не покидает ощущение сходства этого зрелища со взглядом на Землю из космоса – в обоих случаях в такие моменты можно охватить одним взглядом целый мир.

¹ Попутно замечу, что и попасть на Гогланд порой не проще, чем в Валинор.

«В жизни всегда должно быть место морскому путешествию» – возможно, именно эта негласная формула снова и снова приводит меня на Гогланд. Гогланд – название шведское; старое финское название острова – Суурсаари, что означает «Большой остров». Более ранним финским названием, вероятно, было Коркеасаари, «Высокий остров», что является калькой шведского Хогланд, от которого и произошло современное русское Гогланд. Этот удивительный остров, расположенный в центре Финского залива, словно вобрал в себя элементы ландшафта ряда других примечательных мест Северо-Запада и Севера России. Тайга, скалы и перекрученные деревья напоминают Воттоваару. Контуры горы Хауккавуори, сейды и покатые скалистые лбы похожи на беломорский остров Немецкий Кузов. Как Гогланд, так и Немецкий Кузов являются высочайшими островами Балтийского и Белого морей, оба острова известны древними святилищами, расположенными на эффектных горах. Но это все – внешние сравнения с похожими объектами, мне же почему-то хочется сравнить Гогланд с... Сейдозером. Этот остров словно Сейдозеро наоборот, отражение. Там, в центре Кольского полуострова, – озеро, в котором отражаются скалы, здесь, в центре Финского залива, – скалистый остров с озерами, отражающийся в море. И то, и другое – загадка. Инверсия одного вечного образа.

Глядя на причудливо изогнувшиеся деревья, пригревшиеся на гогландских скалах, в памяти невольно всплывают путешествия на Воттоваару.

Контуры горы Хауккавуори напоминают молчаливую скалу беломорского острова Немецкий Кузов.

31...

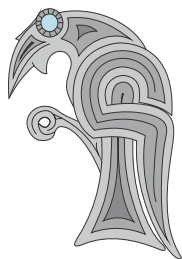

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 18

2017

Море добавляет контраста любой местности и словно высвечивает сокрытые смыслы земли. Путешествуя по острову, снова и снова пробираясь через тайгу и скалы, начинаешь осознавать величие этого уголка Земли – эти скалы помнят сотворение мира и пережили все бывшие в Европе периоды оледенения. Они были, когда широта и долгота этого места были другими, они были, когда Европа составляла с Северной Америкой один континент, они были задолго до того, как появились трилобиты и динозавры. Человек на этом фоне практически незаметен, возможно, именно из-за этой разницы масштабов времени и пространства люди на острове так и не прижились. Словно сама природа здесь говорит человеку: «А ты кто такой? Давай, до свиданья».

Интересно отметить, что в средневековье шведы называли Финский залив «морем Гогландским» (Mare Hochlandae), а современные геологи нарекли в честь острова «Хогландием» один из докембрийских горизонтов в недрах Фенноскандии.

Три дня Киискинкюля

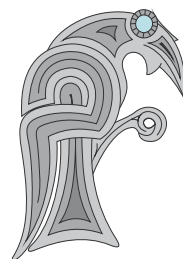
Урочище Киискинкюля. Гогланд – центр Финского залива, Киискинкюля – центр Гогланда. Отсюда до Хельсинки 110 км, Выборга – 120, Таллинна – 140, Санкт-Петербурга – 180, Стокгольма – 500. Деревня, стоявшая здесь когда-то, известна с XVIII века, самое ранее дошедшее до нас её название было шведским – Роколакс.

Я выбрал для базирования именно это уютное место в центре острова из-за его удобного расположения – из центра одинаково легко достижимы как южные, так и северные участки острова, а до мыса Лимонникова и озер Ветелярви и Лиивалахденярви вообще рукой подать. В этом тихом месте время течет по-особенному и мир воспринимается тоже по-своему, по-гогландски. У скал плавают... креветки. Самые настоящие. Никогда бы не подумал, что встречу их в Финском заливе. Невдалеке от берега пасется тройка лебедей. «Солоньякский» камуфляж делает меня незаметным на фоне деревьев и позволяет любоваться этими прекрасными птицами с близкого расстояния.

Теплый летний вечер, потрескивание дров в костре и мелодии «Secret Garden», неосторожно закачанные на телефон в качестве дорожного саундтрека, навевают разные мысли. Когда-то здесь жили люди... Моя палатка стоит возле фундаментов домов, в которых проживали Эйре Питкянен и Юхо Томмила. Эти имена мне ни о чем не говорят, но в списках жителей Киискинкюля есть и «знакомые» – Волмари Поркка, известный финский фольклорист, живший в XIX веке, и Эйре Саукко – рыбак, зарисовавший в 1919 году схему каменного лабиринта на соседнем островке Южный Виргин.

Как и на любом другом острове, жизнь на Гогланде была тесно связана с мореходством. Интересно, что в начале XX века, когда остров переживал свой «золотой век», здесь можно было встретить моряков, которые ходили в Ригу, Ревель, Петербург... но ни разу не бывали в ближайшей Финляндии. Берег Киискинкюля усеян остатками расчищенных от крупных валунов спусков к воде. Когда-то здесь, уходя на промысел, спускали на воду лодки местные рыбаки. Рядом мож-

но увидеть небольшой мост через ручей, выложенный камнями заброшенный колодец, остатки погребя... Вот уже более семидесяти лет здесь никто не живет, но эти следы финских трудолюбивых рук напоминают нам о временах, когда на Гогланде кипела жизнь.

Остров погибших кораблей

Гогланд по праву называют «островом погибших кораблей», здесь это не метафора и не преувеличение: через всю историю острова проходит череда кораблекрушений, даже первое описание острова, сделанное Адамом Олеарием в 1635 году, начинается с кораблекрушения. Сколько здесь покоится затонувших кораблей, не знает никто. В старину финны связывали кораблекрушения с недобрым нравом Хавукка-Укко, духа хранителя острова, живущего на горе Хауккавуори. Считалось, что он забирал себе все, затонувшее у острова. Из знаменитых кораблекрушений у Гогланда, помимо Адама Олеария, можно назвать еще несколько знаковых эпизодов. Так, в ночь на 1 ноября 1840 года в шторм здесь затонуло сразу 7 кораблей. В местный фольклор эта ночь вошла как «великая ночь кораблекрушений». В октябре 1856 года здесь затонул транспорт «Америка», могилы погибших моряков с которого можно увидеть на гогландском кладбище. Этот трехмачтовый парусник был создан в США и приобретен Россией в 1830 году. Его предназначением стало сообщение с Камчаткой и Аляской. В этом качестве он прослужил 26 лет, совершил несколько кругосветных походов, пока не упокоился навек у Гогланда. На следующий год между Гогландом и Тюттерсом затонул линкор «Лефорт». Его гибель, унесшая в пучину 843 человека, стала крупнейшей катастрофой на Балтике вплоть до 1994 года, когда затонул паром «Эстония». Этой трагедии посвятил свое полотно И.К. Айвазовский. Осенью 1899 года на гогландские скалы налетел броненосец «Генерал-адмирал Апраксин», именно при спасении этого корабля была впервые задействована недавно сконструированная А.С. Поповым радиостанция. Сейчас главным памятником кораблекрушениям у Гогланда стало научно-исследовательское судно «Леонид Демин», останки которого посещают все, кто приходит на остров. Недавно его хотели распилить на металлолом, но шторм разметал технику. Остатки платформы и крана сборщиков металлолома можно увидеть и сейчас. У северных народов существовало поверье, что нельзя отбирать то, что забирают себе души.

На фото носовая часть небольшого корабля, некогда выброшенного на скалы. Название плохо читается, но можно разобрать что-то типа «Alicia»(?). Кормовая его часть, вероятно, покоится где-то рядом на дне, а этот фрагмент заброшен на скалы на высоту около 5м выше уровня моря. Из пробитого днища вывалились детали каких-то трубопроводов и двигателя. Судя по дизайну, этот кораблик был создан в первой половине XX века. Говорят, он вез бревна и попал в шторм лет 40 назад...

33...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 18
2017

В этом, внешне тихом, прибое нет-нет да и мелькнет что-то грозное, океаническое.

Моменты истории

История Гогланда в XX веке мне всегда была наименее интересна, здесь так же, как и во многих других местах происходили стандартные для этого периода трагические события, декорациями к которым остались железобетон, колючая проволока, россыпи ржавеющего смертоносного металла и руины домов мирных жителей. Всё вполне предсказуемо. Гогланд – одно из тех мест, где преступления людей против самих себя выглядят наиболее нелепо.

Пару раз до Гогланда чуть было не добралась цивилизация, так, в конце XIX века предприимчивые люди собирались здесь добывать свинец. Впрочем, стать новым Гарцем Суурсаари не довелось, по вполне понятным причинам добыча свинца не состоялась. Но спустя век, в 1990-х гг., снова появились планы по промышленному освоению острова, на этот раз в повестке дня была добыча порфира. Надеюсь, эта идея уже канула туда же, куда и предыдущая, со свинцом.

Это чудо техники, тягач АТС-59Г, использовался в Советской Армии в 1980-х гг. Каждый раз, когда я направляюсь в южную часть острова и прохожу мимо него, брошенного здесь на обочине памятником... непонятно чему, не покидает ощущение, что он тут навечно, ну или, как минимум, до конца времен. Забавно, что его вполне рабочий собрат встретился в 2010 году в одном из глухих уголков Волосовского района. Подобно людям, судьбы машин также складываются по-разному.

Рельеф: штрихи к портрету острова

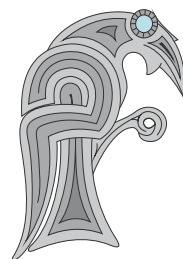
Берег у Гогланда довольно круто уходит под воду и более-менее выравнивается на глубинах 40–60м, так что к «надводной» высоте острова можно добавить те же 40–60 «подводных» метров, т.е. примерно 30% высоты скального массива находится под водой. Строение прибрежных участков острова таково, что гипотетическое повышение (как впрочем, и понижение) уровня моря метров на 10 (что будет иметь катастрофические последствия для большинства городов на берегах Финского залива), скажется на Гогланде не столь фатально.

Ущелье Пахарако, гигантский разлом, расщеливший скалы в незапамятные времена и ныне уходящий в глубины моря. Это один из наиболее выразительных природных памятников острова, наглядно демонстрирующий мощь первобытной стихии. К сожалению, фото плохо передает его масштаб, чтоб его ощутить, нужно оказаться рядом.

Хииденкирну, еще одно напоминание об ушедших геологических эпохах. Так финны называли водобойные котлы древних водопадов. Мощные потоки рек ледникового периода, принося мелкие камни и обломки скал, высверливали в горах такие углубления. На Гогланде можно встретить целые каскады таких углублений, причем на разных высотах.

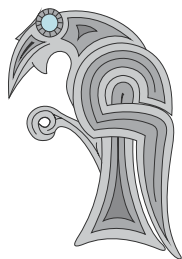
35...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№18
2017

Откуда взялись «сейды»? Наглядная иллюстрация того, что «сейды» создавались отнюдь не ледником, а морем.

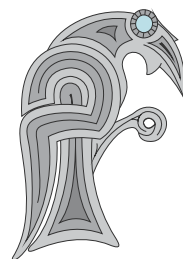
Севернее Сууркюля есть крайне нетипичный для Гогланда пейзаж. Поле средней полосы посреди скал, разломов, тайги и моря. На этом пятачке я точно в гостях, так как никогда не был фанатом русской природы и есенинских березок, более близки всегда были северные скалы, обрывающиеся в вечно грохочущее море, просторы тундры и сосновые леса, чередующиеся с дюнами.

... 36

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 18
2017

**Причудливые узоры на скалах напоминают знаки каких-то древних культур.
В этом моменте невольно вспомнился Анри Лот и его фрески Тассили.**

Жила, уходящая в море.

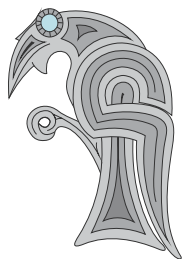
37...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 18
2017

С тех пор как тысячи лет назад здесь затихла дрожь последнего землетрясения, море остается самой грозной природной стихией. Выброшенный на берег «лес» наглядно напоминает о силе осенних штормов в этой небольшой бухте.

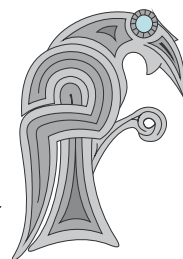
Древнее

Несмотря на то, что на Гогланде мало удобных крупных бухт, вдоль берега достаточно много мелких бухточек, в которых можно встретить странные каменные сооружения. Местные финские легенды называют их «жилищами древних рыбаков». Возможно, в этом есть какой-то смысл, так как эти каменные круги и ямы действительно напоминают аналогичные памятники Беломорья, стоянки средневековых карел и саами. Лапинлахти, «лопарский залив», так называлась финнами одна из таких бухт. Название говорит само за себя, финны считали, что здесь жили лопари.

На первый взгляд это сооружение легко спутать с финскими стрелковыми позициями, обильно усеявшими остров в годы войны. Однако детальный осмотр позволяет увидеть, что в отличие от финских позиций эти круги не имеют сектора обзора для стрельбы в сторону моря и располагаются так, чтобы быть защищенными от ветра камнями и скалами, но при этом вблизи спуска на воду.

Легенды, предания и суеверия связываются со многими местами на Гогланде. Например, вот какая легенда сохранилась об одной из скал: *«По преданию, когда-то в древние времена некий плывший под парусом воин захотел похитить самую красивую девушку на острове. Убегая от него, она поднималась все выше в гору. На краю обрыва он настиг ее и ухватил за край платья, но девушка с силой толкнула его. Неловкое движение – и оба они полетели в пропасть. Хуовин-пюкяля в переводе – «скала воина». Слово «хуови» (воин, ратник) употребляется, когда говорят о воинах древности»* (Хавас Э. Суурсаари в словах и фотографиях, 1920, перевод: А. Пюккенен).

Этот курган на старом кладбище в старину у финнов считался могилой ведьмы, проклятым местом, мимо которого лучше ночью не ходить. Учитывая расположение кладбища относительно уровня моря, вряд ли можно назвать это древним захоронением, а вот то, что в более позднее время он мог быть братской могилой неопознанных жертв кораблекрушений, вполне вероятно. Разгадать тайну «проклятой могилы» смогут только археологические раскопки.

Топонимы отмечают опасные и приметные для мореходства скалы и камни, прокаленные участки на огромных валунах – следы самых первых «маяков», о которых писали источники еще в XVIII веке. В средние века у балтийских моряков и лоцманов был свой жаргон, своя субкультура, названия обозначали особенности пути, и топонимика могла рассказать знающему человеку больше, чем нам сейчас. Были свои запреты и свои обычаи. Слово тянет за собой образ, за образом возникает история. Мелькнет, и снова исчезает в глубине веков. Древняя история острова полна загадок. В финских источниках можно встретить упоминание о святилище в каменном круге на Алтарной скале, название которой говорит само за себя. Упоминаются петроглифы в одной из пещер, найденные в начале XX века и с тех пор снова потерянные. До войны на острове упоминалось также захоронение в форме оконтуренной валунами ладьи – наглядный признак посещения острова викингами. Эти объекты так и остаются ненайденными, возможно, они были утрачены в бурные годы XX века? Я их искал. Не нашел. Недавно мне рассказали о найденной дайверами подводной пещере, вход в которую завален валунами. Что стоит за этой историей? Даже сложно предположить. Многие на этом странном острове обретают нереальные черты, словно мифология здесь создается по своим, весьма отличным от материка, канонам и направлениям.

39...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 18
2017

Сага об оркнейцах

Перевод: Георгий УРУСОВ
(ХАЛЬВДАН)

**Продолжение. С предыдущими главами
Вы можете ознакомиться в 11–17 номерах
журнала.**

62

В воскресенье ярл Рёгнвальд посетил службу в одной из деревень, а потом встал со своими людьми возле церкви. Там они увидели 16 человек, безоружных и с выбритой макушкой. Им показалось, что эти пришельцы очень странно одеты. Люди ярла обсуждали, кто бы это мог быть, а ярл сочинил такую вису:

[следует виса, в которой Рёгнвальд Кали рассказывает о шестнадцати неизвестных]

На следующей неделе Рёгнвальд навестил жителей ближайших поселений, и каждый признал его могущество.

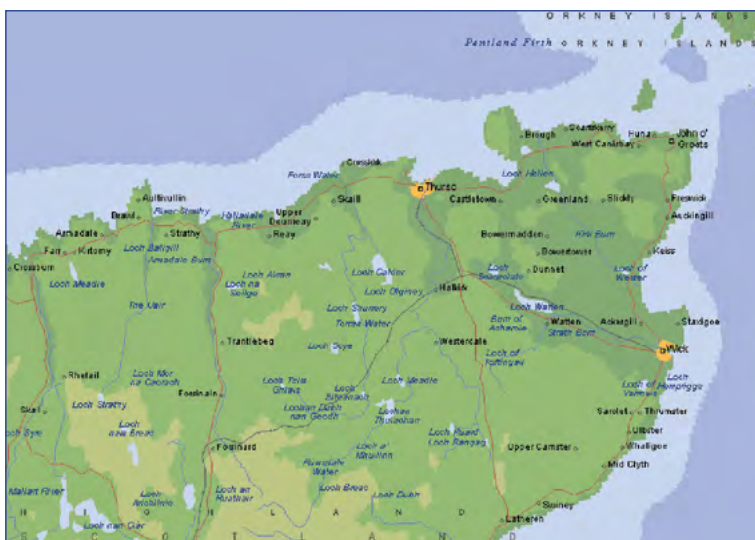
Однажды ночью случилось так, что люди ярла подслушали разговор островитян о тайном тинге, на котором готовился заговор против Рёгнвальда. Узнав об этом, ярл лично отправился на тинг. Много людей было побито, а Куги схватили и надели на него кандалы. Его обвинили в том, что он зачинщик смуты. Когда ярл пришел на тинг, Куги бросился ему в ноги и умолял о том, чтобы его дело рассудили ярл и Бог. После этого Куги говорил красноречиво, и многие его поддержали, но Рёгнвальд произнес такую вису:

[следует виса, в которой Рёгнвальд Кали требует от Куги клятвы верности]

Ярл пощадил всех, кто участвовали в заговоре, и островитяне связали себя новой клятвой.

73

Как только стало известно о прибытии Рёгнвальда на Оркни и сколько народа ему

подчинилось, ярл Паль созвал тинг на Хроссее, спрашивая, как выйти из этой щекотливой ситуации. Люди отвечали по-разному. Некоторые советовали ему разделить власть с Рёгнвальдом, но большинство, включая простых бондов, предлагало выплатить Рёгнвальду большую дань, хотя они и понимали, что вира ляжет на их плечи. Другие считали, что необходимо дать бой, ведь однажды удача уже была на их стороне.

У Рёгнвальда были свои люди на этом тинге, и когда они вернулись, ярл подробно расспросил их, что да как. Среди них был скальд, который сказал вот как:

[следует виса, в которой рассказывает о нежелании бондов признать Рёгнвальда Кали]

Тогда ярл Рёгнвальд послал гонцов к епископу с предложением о переговорах. Епископ послал в свою очередь к Торстейну сыну Рагны и Торстейну Хавардссону на Сандей с просьбой примирить родичей. Ему удалось договориться о перемирии, чтобы уладить соглашение. Жители островов были поделены

...40

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 18
2017

между ярлами, и они договорились о том, как делить доходы. Ярл Рёгнвальд поехал тогда на Хроссей, а ярл Паль — на Хрольвсей.

Тогда же случилось так, что два родича Свейна Аслейфарсона — Йон Крыло из Упланда на острове Хой и Ричард из Брекума на Стронсее — напали на Торкеля Свежевателя в усадьбе, которая некогда принадлежала Вальтову, и сожгли его в доме с восемью другими людьми. После этого они явились к ярлу Рёгнвальду и сказали, что несмотря на то, что оказались в его власти, они хотят присоединиться к ярлу Палю и своим родичам. Рёгнвальд не стал им мешать.

Когда Хавлиди сын Торкеля Свежевателя узнал об этом и о том, что его отец погиб в огне, он приехал к ярлу Палю, и тот принял его. Тогда Йон и его люди поклялись в верности Рёгнвальду. У него вскоре появилось много сторонников, и его очень полюбили.

Ярл Рёгнвальд разрешил Йону, Сольмунду, Аслаку и многим другим уехать домой, но все они решили остаться и подождать, что произойдет дальше.

— Я думаю, что если на то воля Божья и я буду править Оркнейскими островами, — сказал тогда Рёгнвальд, — Бог укрепит мою власть через моего дядю, Святого Магнуса, даже если вы вернетесь в свои усадьбы.

После этого они уехали домой в Норвегию.

74

Ранней весной Свейн Аслейфарсон покинул Южные острова и поплыл в Шотландию навестить своих друзей. Он провел довольно много времени в Атиаклуме с ярлом Маддадом и Маргарет дочерью Хакона, разговаривая с ними на досуге о многих разных вещах. Там он узнал о битве, которая произошла на Оркнейских островах, и после этого Свейн очень захотел повидать своих родичей. Сначала он отправился в Торс, что в Катанесе, взяв с собой одного человека знатного происхождения по имени Льотольв. Он пробыл с ним большую часть весны. Они приехали к брату Фракокк ярлу Торса Оттару, и Льотольв посодействовал примирению между Свейном и Оттаром, несмотря на все злодеяния, что совершила Фракокк. Оттар выплатил виру по своему усмотрению. Он также пообещал Свейну поддержку, а Свейн в свою очередь согласился помогать в любое время Эрленду сыну Харальда Льстеца в его намерении добиться себе власти на Оркни.

Свейн поменял свой корабль на торговый и вышел в море с 30 людьми на борту. С по-

путным северо-западным ветром он пересек Петтландсфьорд, обогнул западное побережье Хроссея, вышел к Эвисунду, преодолел пролив и вернулся на Хрольвсей.

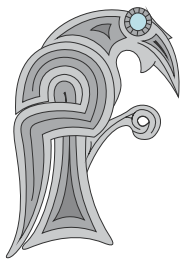
На самом окончании этого острова есть крупный мыс с большим количеством каменных обломков у подножья. Там часто среди скал можно видеть выдр. Плывая по проливу, Свейн сказал:

— На мысе кто-то есть. Давайте сойдем на землю и выясним, что там происходит. Только сначала надо кое-что изменить. Мы разложим наши спальные мешки, двадцать из нас заберутся в них, а остальные десять будут грести. И сделаем все очень тихо.

Как только они подплыли ближе, люди на мысе, приняв их за купцов, стали кричать им, чтобы они шли в Вестрнес и предложили ярлу Палю все, что у них есть.

Ярл Паль в это время пировал в Вестрнесе у Сигурда. Он встал рано утром, чтобы поохотиться на южном побережье острова на выдр, обитавших среди скал. Он уже собирался возвращаться домой на утреннюю попойку.

Люди в лодке подгребли к берегу и стали обмениваться новостями с другими, спрашивая у них, откуда они пришли и где ярл. Те ответили, что ярл находится на мысе. Свейн и все, кто лежал в спальных мешках, слышали этот разговор. Тогда Свейн приказал отплыть в такое место, где их не было видно с мыса, вооружиться и убить как можно больше людей ярла. Они так и сделали. Девятнадцать людей ярла погибли, а Свейн потерял шестерых. Они схватили ярла Паля и привели на лодку. Потом они взяли обратный курс и тем же путем, обогнув западный Хроссей, пройдя между островами Хой и Гримсей, затем на восток к Свельгу, вошли в Брейдафьорд, преодолели его и вышли к устью реки Эккьяль. Там Свейн оставил корабль на попечение двадцати сообщникам, а с остальными отправился в Атиаклум, где их тепло встретили ярл Маддад и Маргарет, сестра ярла Паля. Маддад даже усадил Паля на свое почетное кресло. Когда они разместились, пришла Маргарет со свитой из женщин и расцеловала брата, после чего гостей развлекали артисты. Паль выглядел подавленным, что не удивительно, учитывая все, что с ним произошло. Неизвестно, что ярл и Свейн сказали друг другу, куда оставались наедине. Ярл Маддад, Маргарет и Свейн тоже обсуждали все это наедине. По вечерам после попойки Свейн и его люди расходились по разным опочивальням и запирались изнутри. И так происходило все время, пока они были там.

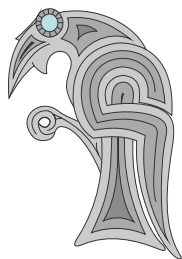
41...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 18
2017

Однажды Маргарет попросила Свейна Аслеифарсона поехать к ярлу Рёгнвальду на Оркни и узнать, кого он предпочитает в соправители, ярла Паля или Харальда, ее сына от Маддада. Ему тогда было три года. Ярл Паль узнал об их разговоре.

— Я скажу вам, что думаю по этому поводу, — сказал он. — Я хотел бы оставить навсегда свою вотчину и уехать так далеко, где никто не был, чтобы никогда не возвращаться на Оркни. Бог мстит за все те обиды, что причинили ему мои сородичи, но если Бог считает, что еще что-то от меня зависит, то Харальд может владеть этим землями так долго, как только сможет. Что до меня, то мне надо немного денег, чтобы обосноваться в каком-нибудь монастыре, где вы могли бы наблюдать за мной, чтобы я никуда не делся. А ты, Свейн, поезжай на Оркни и скажи всем, что я был ослеплен и изувечен, потому что рано или поздно мои друзья приедут ко мне, если будут знать, что со мной все в порядке. И может так случиться, что они уговорят меня вернуться с ними на острова. Поэтому пусть они считают наше расставание огромной бедой, большей, чем она есть на самом деле. — И более ничего неизвестно о том, что сказал ярл.

После этого Свейн Аслеифарсон отправился на Оркни, а ярл Паль остался в Шотландии. Так рассказывал Свейн. Но некоторые люди утверждают, что все было иначе. Маргарет наняла Свейна Аслеифарсона ослепить брата, после этого Паля бросили в тюрьму, а позже наняли еще кого-то, чтобы ярла убили. Трудно сказать, где правда, а где ложь, но известно точно, что Паль больше никогда не возвращался на Оркни и не владел землями в Шотландии.

Тем временем в Вестрнесе после того, как ярл Паль не вернулся домой, Сигурд послал людей выяснить, в чем дело. На скалистом побережье они увидели разбросанные мертвые тела. Они подумал, что ярл, должно быть, среди них и вернулись домой с рассказом о том, что видели. Сигурд тут же поехал на место расправы и обнаружил девятнадцать тел людей ярла и еще шесть тел неизвестных ему людей.

Сигурд послал гонцов на Эйгильсей рассказать епископу, что произошло. Епископ пожелал немедленно увидеться с Сигурдом, и они держали речь. Сигурд предположил, что все это было сделано с молчаливого согласия ярла Рёгнвальда, на что епископ ответил, что

только время покажет, предал ли Рёгнвальд своего двоюродного брата.

— Сдается, мне, — сказал епископ, — что другие люди ответственны за эти убийства.

Боргар сын Яддвор дочери Эрленда жил в Гейтаберги. Он видел не только, как проплыл корабль с людьми, но и что произошло после этого. Он рассказал это местным жителям, и те решили, что это, должно быть, дело рук Фракокк и Эльвира Забияки. Но когда на островах осознали, что ярл Паль исчез без следа, люди стали искать защиты, в основном, у ярла Рёгнвальда, ему приносили клятвы верности. Однако Сигурд из Вестрнеса и его сыновья Брюньольв и Хакон заявили, что не собираются приносить никому клятв, покуда не будет известно, что произошло с ярлом Палем и вернется или не вернется он домой. Были и другие, кто отказались приносить клятву ярлу Рёгнвальду, добавив при этом, что если в ближайшее время ничего не будет слышно про Паля, им придется подчиниться обстоятельствам. И вот однажды ярл Рёгнвальд обнаружил, что очень много влиятельных людей, да и других бондов его не поддерживают. Но время шло, и все больше народа на тингах, которые он регулярно проводил, признавало его власть.

Однажды был объявлен как раз такой тинг. Рёгнвальд встречался с бондами, и люди увидели девять вооруженных человек, приближающихся со стороны Скальпейди. Как только они приблизились, стало ясно, что один из них Свейн Аслеифарсон, и всем стало очень интересно, что за новости он сообщит. Свейн добрался до Скальпейди на корабле, оставил его там и пришел в Киркьеваг пешком. Их тут же обступили родичи и друзья Свейна, интересуясь новостями, но он рассказывал мало и только потребовал пригласить епископа.

Епископ его тепло встретил, потому что они были давними друзьями, и оба начали разговор. Свейн рассказал епископу все о своих приключениях, ничего не скрывая, а после спросил совета, как быть в его щекотливом деле.

— Это довольно запутанное дело, Свейн, — отвечал ему епископ. — И вероятно, не в нашей власти решить этот вопрос. Но подожди здесь немного, пока я не расскажу обо всем этом ярлу Рёгнвальду.

Епископ пошел на тинг, спросил себе слова и рассказал все о деле Свейна — о том, почему он покинул Оркни, и как ярл Паль обвинил его в убийстве одного из самых нечестивых

людей — Свейна Кушака. Епископ предложил ярлу Рёгнвальду и собравшимся уладить это дело миром.

— Что до меня, — сказал ярл, — я могу пообещать Свейну три дня мира, но кажется мне, судя по твоему лицу, что ты и Свейн готовы рассказать нам нечто большее, чем доселе поведали. Возьми Свейна на свое попечение, а завтра я хочу с ним поговорить.

— Да, взаправду, — ответил епископ, — он очень желает встретиться с тобой как можно быстрее и стать твоим другом, если ты позволишь.

— Не могу сказать, что друзей у меня сверх меры, — сказал ярл. — Но перед тем как я скажу «да», мы обсудим некоторые вопросы.

Вскоре ярл Рёгнвальд, его отец Коль (интересно, что в гл 58 сообщается, что Коль после известных событий больше никогда не бывал на Оркни), епископ и Свейн Аслеифарсон уединились, чтобы обсудить все вопросы. Свейн рассказал обо всех злоключениях в его отношениях с ярлом Палем, после чего они решили распустить тинг.

На следующее утро ярл обратился к собравшимся на тинге и разрешил им разъехаться по домам. После того как большинство уехало, он приказал всем, кто остался, прийти к нему, причем сначала взял со всех обещание хранить мир со Свейном, пока тот будет говорить. Чуть позже тем же утром Хакону Карлу, брату Святого Магнуса, велели рассказать Сигурду из Вестрнеса и его сыновьям о судьбе ярла Паля, да так рассказать, чтобы он ничего не перепутал и не придумал.

— Большое горе для меня слышать, что ярл покинул нас навсегда, — сказал Сигурд. — Но самое горькое — слышать о том, что он покалечен. Если бы не это, я нашел бы его где бы то ни было.

После этого Сигурд сказал своим друзьям, что если у него была бы на то сила, он не позволил бы уйти Хакону невредимым после этого рассказа — так велико было его горе.

Узнав эти новости, все люди на Оркни подчинились ярлу Рёгнвальду, который теперь стал единственным правителем земли, некогда принадлежавшей ярлу Палю.

Вскоре после этих событий был составлен план постройки собора св. Магнуса, наняли строителей. Так быстро поначалу шло строительство, что в первый год успели сделать больше, чем в следующие. За всем этим наблюдал Коль. По мере строительства ярлу пришлось потратить немало средств — так

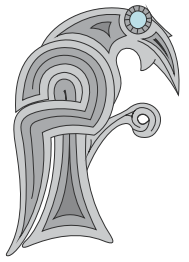
велики были траты, и он обратился за советом к отцу. Коль предложил Рёгнвальду сделать законом, что ярлы наследуют все усадьбы, но при этом наследники платят ренту за пользование землей. Однако это сочли слишком суровым законом. Тогда ярл Рёгнвальду собрал бондов на тинг и предложил им выкупить свои поместья, чтобы они не платили за них ренту. На этом порешили, и обе стороны остались довольны. Ярл получил по одной марке за каждый участок пахотной земли на Оркни, после чего уже не возникало недостатка в деньгах на собор, и здание возвели с необычайной заботой.

77

Прошло два года с тех пор, как ярл Рёгнвальд правил Оркни, когда он справлял йоль в Кнаррарстаде. На шестой день празднования со стороны Петтландсфьорда показался корабль. Погода была хорошая, и ярл вместе с другими стоял и смотрел, как корабль приближается. Одного из тамошних людей звали Хрольв, он был придворным священником ярла. После того как корабль пристал к берегу и гости сошли, люди ярла посчитали, что их было пятнадцать или шестнадцать. Возглавлял их человек в синем плаще, с убранными под шапку волосами. Подбородок у него был выбрит, но усы казались такими длинными, что покрывали губы и щеки. Люди подумали, что выглядит он очень странно, но Хрольв объяснил, что это — епископ Йон из Атиаклума в Шотландии, поэтому его вышли и тепло приветствовали. Ярл усадил епископа на свое кресло и лично преподносил ему кубки.

На следующее утро епископ отслужил обедню, а потом уехал к епископу Вильяму на Эйгильсей и оставался там несколько дней. После этого два епископа в сопровождении свиты приехали к ярлу Рёгнвальду с большим делом. Они рассказали ему о соглашении между Свейном Аслеифарсоном и ярлом Маддадом, согласно которому Харальду Маддадарсону будет дан титул ярла и половина Оркни, при этом Рёгнвальд останется правителем всех оркнейских земель. Даже когда Харальд возмужает и возникнут разногласия, Рёгнвальд сохранит за собой такое положение. Свейн был там и подтвердил все, что сказал епископ.

Они договорились с ярлом провести тинг в Катанесе во время Великого поста, а потом подтвердили соглашение клятвами лучших людей Оркни и Шотландии. После этого Харальд Маддадарсон приехал на Оркни к Рёгнвальду, и ему был дарован титул ярла.

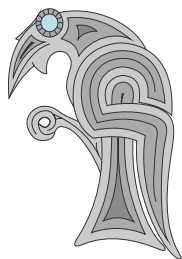

43...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 18
2017

С ярлом Харальдом на Оркни приехал Торбьёрн Писарь, сын Торстейна Бонда и Гудрун дочери Фракокк. Он был умным и влиятельным человеком, считался воспитателем Харальда и имел на него большое влияние. Торбьёрн женился на Оркни на Ингигерд дочери Олава, которая приходилась сестрой Свейну Аслеифарсону. Иногда он жил на Оркни, иногда — в Шотландии. Он был храбрым человеком, но большим задирой.

Свейн Аслеифарсон забрал себе все усадьбы, которые принадлежали его отцу Олаву и брату Вальтову. Он стал могущественным человеком и содержал большую свиту. Он был проницательным, обладал талантом предвидеть будущее, но при этом считался беспощадным и вспыльчивым. В то время никто не находился в таком почете, как Свейн и его зять Торбьёрн. Они были в очень дружественных отношениях.

78

Однажды Свейн Аслеифарсон разговаривал с ярлом Рёгнвальдом и попросил у него людей и корабли, чтобы отомстить Эльвиру и Фракокк за то, что они сожгли его отца Олава.

— Неужели ты думаешь, Свейн, — спросил ярл, — что нам еще стоит бояться Эльвира и старую Фракокк, которые вряд ли на что-то уже способны?

— Пока они живы, они всегда найдут возможность, как доставить неприятности, — сказал Свейн. — После всего, что я для тебя сделал, надеюсь, ты не откажешь мне в этой небольшой милости.

— Сколько ты хочешь получить? — спросил тогда ярл.

— Два корабля с хорошо вооруженными людьми, — ответил Свейн.

Ярл сказал, что Свейн получит то, что просит. После этого Свейн стал готовиться к походу, и как только все было готово, отплыл на юг в сторону Брейдафьорда и с северо-восточным ветром быстро достиг Дюфейры, торгового города в Шотландии. Потом он направился к реке Эккьяль через Мэрхэви, затем в Атиаклум, где Маддад дал ему в сопровождение людей, которые хорошо знали тамошнюю гористую и лесистую местность. Из Атиаклума он направился через леса и горы, держась вдалеке от поселений, в Хьяльмундаль, что в самом центре Судрланда.

Эльвир и Фракокк рассылали шпионов во все стороны, опасаясь угрозы, исходящей с Оркнейских островов, но они никак не ожида-

ли нападения с тыла и до последнего не знали, что Свейн уже поблизости, пока тот во главе с шестью десятками людьми не появился около усадьбы Фракокк. Там с ними столкнулся Эльвир Забияка. Тут же произошел бой, но Эльвиру не удалось оказать сопротивления. Он и его люди были отрезаны от леса, поэтому им пришлось укрыться в усадьбе, где их жестоко перерезали. Эльвир сумел выбраться и бежал к реке Хьяльмундаль, оттуда в горы, на западное побережье, а затем — на Южные острова. Больше о нем не будет ни слова.

После того как Эльвир бежал, Свейн и его люди обошли хозяйство и забрали все, что могли унести, затем подожгли постройки, и все, кто находился внутри, сгорели. Так погибла Фракокк.

Свейн прошелся огнем и мечом по всему Судрланду, прежде чем вернулся на свои корабли. Все лето они провели на кораблях, совершая набеги на Шотландию, и осенью вернулись на Оркни. Свейн приехал к ярлу Рёгнвальду, который тепло его встретил. Потом Свейн отправился в Дунгалсбёр в Катанес, где провел зиму.

Позже Свейн получил послание от Холдбоди с Южных островов, который просил его о помощи против человека из Бретланда по имени Хродбьярт. Тот явился на острова, выгнал Холдбоди из его усадьбы и забрал много добра. Свейн не стал терять время. Как только был готов, отплыл на Оркни и попросил у ярла Рёгнвальда людей и корабли. Ярл спросил, что теперь у него на уме, и Свейн ответил, что его просит о помощи человек, которому он не может отказать, потому что он в свое время сильно помог Свейну, когда другие отвернулись от него.

— Мало кому из жителей Южных островов можно довериться, и хорошо, что ты еще сохранил там друзей, — ответил ярл. — Делай то, что тебе велит совесть. Я дам тебе два корабля с хорошо вооруженными людьми.

Свейн горячо поблагодарил ярла и тут же отплыл на Южные острова. Нигде он не нашел следов пребывания Холдбоди, пока не прибыл на Мён, куда тот бежал. Холдбоди очень ему обрадовался, потому что бретландец наделал много дел на островах, убивая и грабя, как в Судррики. Он убил человека знатного происхождения по имени Андрес. У него остались сын Сигмунд и вдова Ингирид. Ингирид была женщиной богатой и обеспеченной, и Холдбоди посоветовал Свейну взять ее в жены. Но когда он спросил об этом ее, Ингирид ответила, что если Свейн намерен на ней жениться, пусть сначала отомстит за ее мужа. Свейн

сказал, что доставит бретландцам большие неприятности.

— Что касается мести, — сказал он, — то я еще не знаю, как это получится.

Свейн и Холдбоди вышли в поход с пятью кораблями. Они высадились в местечке Ярл-несс в Бретланде и посеяли там панику. Однажды утром они пришли в поселение, чьи жители не оказали никакого сопротивления. Бонды бежали, спасая свои жизни, а Свейн и его люди разграбили все вокруг и сожгли шесть усадеб еще перед завтраком. Один исландец по имени Эйрик, который был со Свейном, сочинил такую вису:

[следует виса, в которой Эйрик рассказывает о налете, учиненном Свейном]

После этого они вернулись на корабли и провели остаток лета в походах и грабежах, захватив много добычи. Местный вождь бежал на остров Лунд, где укрылся в большой крепости. Свейн осадил было крепость, но спустя некоторое время понял, что ничего не добьется, поэтому осенью снял осаду и вернулся на Мён.

79

Зимой Свейн отпраздновал женитьбу на Ингирид и жил в большом почете. Весной он стал набирать войска и пришел к Холдбоди за помощью, но Холдбоди только извинился, сославшись на то, что его люди заняты то одним, то другим, а кто-то вообще в торговых поездках, и Свейн ничего не добился. Однако на самом деле Холдбоди и бретонец заключили тайный мир и уладили свои разногласия с помощью денег.

Свейна все это не остановило, и с тремя кораблями он вышел в море, но добыча в первую половину лета была невелика. Позже они направились на юг в Ирландию, где захватил и ограбил торговый корабль, принадлежавший монахам из Сюллингов. Он разграбил все побережье Ирландии и осенью вернулся на Мён с большой добычей.

Недолго Свейн пробыл там, пока до него не дошли слухи о том, что Холдбоди больше ему не верен. Свейн заявил, что это не может быть правдой, но однажды зимней ночью его соглядатай пришел и сказал, что кто-то пытается напасть на усадьбу. Свейн и его люди схватились за оружие и бросились наружу, где обнаружили большое количество людей с горящими головешками. Свейн тут же взобрался на вершину пригорка и оттуда оглядел всю местность. У него был рог, и когда он стал трубить в него, со всех концов сбежалось много народа, и стало так тесно от людей, что

нападавшие бросились врассыпную. Свейн преследовал их, убил многих, хотя раненых было много с обеих сторон. Всех их возглавлял Холдбоди. Он спас себе жизнь, бежав на Лунд, где его приняли и где он оставался некоторое время.

Свейн вернулся домой, но войско не распустил и находился наготове, потому что больше не доверял жителям Южных островов. Позже зимой он продал все усадьбы и ранней весной направился севернее на Льодхус. По пути он совершил много нападений.

Продолжение следует...

*Источник: интернет-портал УЛЬВДАЛИР
<http://ulfdalir.ru/>*

45...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 18
2017

Перевод:
Юрий СЛЕПОВРОНСКИЙ,
Евгений и Александра
ВЛАСКИНЫ

Один и жатвенные обряды

(отрывок из «Германской мифологии»
Якоба Гримма)

В то время как эти имена, обозначающие повозку и гору старого бога, выжили, в основном, в Нижней Германии, где язычество сохранялось дольше всего; примечательный обычай населения Нижней Саксонии, относящийся ко времени сбора урожая, указывает на то же самое. Там существует обыкновение оставлять на поле пучок несжатых колосьев *Водену для его лошади*. Один в Эдде ездит верхом на восьминогом коне Слейпнире, лучшем из всех коней (Sæm. 46a 93b. Sn. 18. 45. 65)¹. Sleipnis verðr (пища Слейпнира) — поэтическое наименование сена в Саге об инглингах²; другие саги говорят о рослом белом коне, по которому бога победы можно было узнать в битвах (см. Дополнения). Христианство не искоренило полностью этот безвредный обычай у скандинавских крестьян — не в большей степени, чем у саксонских. В Сконе³ и Блекинге⁴ в течение долгого времени продолжал существовать обычай жнецов оставлять на поле дар *для лошадей Одена*⁵. Гризе⁶ так описывает мекленбургский обычай⁷:

«Да, в язычестве есть обряд — в пору сбора урожая жнецы взывали к *Водену* о добром зерне; для этого при завершении жатвы на конце каждой пашни оставляли пучок нескошенной ржи, перевязывали колосья трижды и окропляли. Потом все жнецы, *сняв свои шапки* (см. выше стр. 32), собирались вокруг этого пучка и молились *Водену-дьяволу*⁸, взывая громким голосом:

¹ Ссылки на Старшую и Младшую Эдду.

² В оригинале стоит ссылка: Yngl. saga cap. 21.

³ Полуостров Сконе, южная оконечность Скандинавского полуострова, территория Швеции. В оригинале — Schonen.

⁴ Провинция Блекинге находится на юге Швеции, на западе граничит со Сконе. В оригинале — Blekingen.

⁵ Geyers schwed. gesch. (Шведская история Гейера. В русскоязычной Википедии есть статья об Эрике Густаве Гейере (1783-1847), шведском историке, поэте и композиторе, в которой упоминается его работа «История шведского народа») 1, 110. orig. 1, 123. В Хёгрумсокене, Эланд (Höggrumsocken, Oeland; Эланд — остров в восточного побережья Швеции и самая маленькая из её исторических провинций, расположен недалеко от южной оконечности скандинавского полуострова.) есть несколько больших камней, называемых Odins flisor, Odini lamellae (пластинки Одина), о которых рассказывают такую историю: Один, выгоняя своего коня пастись, снял с него удила и положил их на огромную глыбу камня; вес удила расколол камень на два куска, которые поставили отвесно в качестве памятника. Есть другая история — Один собирался сразиться с врагом и не знал, куда привязать своего коня. В спешке он подбежал к камню, пронзил его мечом, и быстро привязал коня, продев поводья через дыру. Но конь сбежал, камень разлетелся на куски, укатившиеся прочь, и от этого возникла глубокая топь, называемая Хёгрумстреск (Höggrumsträsk); люди связывали шесть вместе, но ни разу не смогли достать до дна (Абрахам Альквист, «История Эланда», Кальмар, 1822). (Abrah. Ahlquist, Oelands historia, Calmar 1822. 1, 37. 2, 212. Абрахам Альквист (1794-1844) — шведский учёный (натуралист и археолог), священник, член парламента.) Изображение этих камней есть в «Лиленгрэн и Бруниус», №18. (Liljengren och Brunius, no. xviii. «Лиленгрэн и Бруниус» — по-видимому, какой-то шведский научный журнал того времени. Информацию о нём, к сожалению, найти не удалось). В Хёгбисокене на Эланде (Högbysocken of Oeland) есть также гладкая глыба гранита, именуемая Odinssten (камень Одина), которую, согласно народному преданию, воины древности, идя на битву, использовали, чтобы точить свои мечи (Альквист, 2, 79). Эти легенды подтверждают особую важность коня Одина в мифах о нём. Примечание Верелия (Олаф Верелий (1618-1682) — шведский историк и археолог, публиковавший саги.) к цитате из «Clavis computi runici» («Ключ рунического календаря». Computus runicus — рунический календарь 14 столетия.) на сороковой странице «Саги о Гаутреке», которое я не вполне понимаю: «Odin beter hesta sina i belg bunden». В Королевских сагах (Fornn. Sög. 9-55, 6.) Один подковывает своего коня у кузнеца и мчится прочь огромными скачками — к Швеции, где вспыхивает война (см. Дополнения).

⁶ Николаус Гризе (Nicolaus Gryse) — немецкий лютеранский священник. Годы жизни: 1543-1614.

⁷ Область на севере Германии.

⁸ Wodendüvel.

Воде!

Прими своему коню корм,
Теперь чертополох и колючки,
А на другой год — лучшее зерно!

Этот увядший идолопоклоннический обряд сохранился в католицизме. Там, где жили язычники, у некоторых жнецов еще сохраняется суеверный обычай призывать *Водена* во время сбора урожая, а по ночам, особенно зимой, на полях часто бывает слышен рыск того же самого *адского охотника* с его охотничьими псами»⁹.

Давид Франк¹⁰ (Mecklenb. 1, 56-7¹¹), который слышал от стариков то же самое, цитирует эти стихи так:

«Воде, Воде!
Прими своему коню корм,
Теперь чертополох и колючки,
А на другой год — лучшее зерно!»

Он добавляет, что у помещичьих особняков, когда вся рожь сжата, жнецам раздают *пиво Водена*¹²; никто не пропалывает лён в *день Водена*¹³, чтобы *конь Водена* не затоптал семена; от Рождества до Двенадцатого дня¹⁴ не прядут и не оставляют кудели на прялке, а на вопрос «почему?» отвечают — *Воде* скачет по ней галопом. Нам ясно сказано — этот дикий охотник *Воде* ездит верхом на *белом коне*¹⁵. Возле Сэтуны¹⁶ в Вестергётланде¹⁷ есть несколько прекрасных лугов, которые называются *Onsängarne* (Odens ängar, ings¹⁸), на них, как говорят, *паслись кони бога* (Afzelius¹⁹ 1, 4). В Южной Германии рассказывают о *пасущемся сером* (или белом) *коне* владыки замка (Mone²⁰ anz. 3, 259; см. ниже «wütende heer»²¹). Мне говорили, что в окрестностях Клоппенбурга²² в Ольденбурге²³ жнецы оставляют несжатым пучок колосьев на поле и пляшут вокруг него. Быть может, там всё ещё поют над ним какую-нибудь песню; без сомнения, прежде пели.

⁹ Spiegel des antichristlichen pawestdoms, dorch Nicolaum Grysen, predigern in Rostock, Rost. 1593. 4, sheet E iii (b). («Зеркало антихристианского папизма», Николауса Гризе, проповедника в Росток. Росток, 1593. 4, лист E iii (b)). Стихам, приведённым им, соответствует формула в «Weisthümer»: «Пусть оно год лежит вспаханным под пар и породит чертополох и колючки на следующий год». («Weisthümer» — собрание частично устных правовых обычаев сельской немецкоязычной Европы, изданное в четырёх томах (1840-1863). Составитель — Якоб Гримм. Слово «Weisthum» (множественное число — «Weisthümer») означает «исторический юридический текст»).

¹⁰ David Franck. Давид Франк (1682-1756) — немецкий историк, директор школы и проповедник.

¹¹ По-видимому, ссылка на научный труд Давида Франка «Старый и новый Мекленбург: (...)» в 20 томах, Гюстров/Лейпциг, 1753-1758. Название этой работы здесь приводится не полностью из-за его длины.

¹² Wodel-beer.

¹³ Wodenstag — среда.

¹⁴ До конца Святков.

¹⁵ Mussäus meklenb. volkssagen no. 5 (Муссэус, «Мекленбургские народные сказания», № 5; Иоганн Якоб Муссэус (1789-1839) — лютеранский священник и фольклорист); in Lisch meklenb. jahrb. 2, 133 (в мекленбургском ежедневнике Лиша; Георг Христиан Фридрих Лиш (1801-1833) — немецкий учёный, специалист в области праистории, архивариус, библиотекарь, хранитель музея, гербовед) пишется Waud (Waud), и сделано примечание, что на Эльбе говорят fruh Wod (господин Вод), то есть frôho Lord (Господь Бог); см. ниже, fru Gaue (фру Гауе) и fru Gauden (фру Гауден) в «wütende heer» (главе «Неистовое полчище»).

¹⁶ Sätuna.

¹⁷ Vestergötland. Историческая провинция на западе Швеции.

¹⁸ Луга Одена.

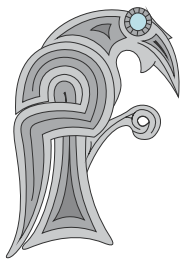
¹⁹ Вероятно, имеется в виду Арвид-Август Афцелиус (1785-1871) — шведский романтик, член Гётского союза, поэт, священник, музыковед, писатель.

²⁰ Франц Йозеф Моне (1796-1871) — немецкий историк и филолог, автор ряда работ по истории и древней литературе Германии и Нидерландов, в том числе — «Истории нордического язычества» (1822).

²¹ Неистовое полчище (Дикая охота).

²² Kloppenburg.

²³ Oldenburg. Герцогство Ольденбург — государство, существовавшее на территории современной Германии с 1777 по 1810 год. В 1815 году, после разгрома Наполеона, было преобразовано в Великое герцогство Ольденбург, просуществовавшее до 1918 года.

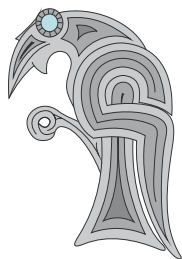

47...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 18
2017

Вот описание обычая²⁴, что я нашёл в Шаумбурге²⁵: люди выходят на жатву группами, с двенадцатью, шестнадцатью или двадцатью косами, и устроено всё так, что на последний день жатвы они все завершают работу одновременно, или же некоторые оставляют часть колосьев, которые они смогут косить за один взмах, или же они просто проводят косами над скошенным жнивом, притворяясь, будто бы ещё есть что косить. Сделав последний взмах, они поднимают косы, направляют их вверх и трижды ударяют по лезвиям ремнями, которые используются для правки. Каждый проливает на поле часть напитка, принесённого с собой, будь то пиво, бренди или молоко, затем пьёт сам. В то же время они машут шляпами, трижды ударяют по косам и громко кричат «Вольд, Вольд, Вольд!»²⁶, а женщины вытряхивают все крошки из своих корзин на жниво. Затем все отправляются по домам с шумом и песнями. Пятьдесят лет назад была одна песня, которую теперь уже не поют, и первая строфа которой была вот какой:

Вольд, Вольд, Вольд!

Небесный великан знает, что происходит здесь,

Всегда он смотрит вниз с небес,

Полны кувшины и снопы его.

Множество всего растёт в лесу.

Он не рождался и не был стар,

Вольд, Вольд, Вольд!

Если этот обряд не проводился, то в следующем году ожидали плохой урожай сена и зерновых.

Возможно, помимо проливания напитка, часть урожая оставляли на поле нескошенным для почитаемого божества, поскольку четвёртую строку надо понимать как: «полны кувшины и снопы его», во второй же строфе упоминается его лошадь. «Небесный великан знает, что происходит здесь, / Всегда он смотрит вниз с небес» — это соотносится с древним мифом о «престоле Вотана» (с. 135); шестая строка упоминает бога, который «не рождался» и «не был стар», возможно, чересчур теософически. *Вольд* ни с чем не рифмуется, и, видимо, является скорее искажением от *Wôd*, *Wôde*, чем сокращением от *waldand* (см. выше, с. 21). Один человек из Шаумбурга произносил это имя, как мне показалось, *Вауден*²⁷, и это связано вот с чем: на озере Штайнхуде²⁸ молодые люди из одноимённой деревни, каждую осень после уборки урожая, отправляются на холм под названием Хайденхюгель²⁹, зажигают на нём костёр и, когда пламя становится высоким, машут шляпами и кричат: *Вауден, Вауден!* (см. Дополнения).

Эти обряды показывают нам щедрость, что была в прежние времена. У людей не было желания оставлять всё нажитое себе: они с благодарностью оставляли часть богам, которые в будущем должны были обеспечить сохранность урожая. Алчность же возрастала с прекращением жертвоприношений. Часть колосьев отделяли и в этих краях предлагали Вотану, в то время как в других местах — добрым духам, эльфам, шотландским брауни (см. Дополнения — Эльфы, запасы фей).

Перевод выполнен по изданию: Teutonic mythology by Jacob Grimm. Translated from the fourth edition with notes and appendix by James Steven Stallybrass. Vol I. London: George Bell and sons, York street, Covent Garden, 1882. В некоторых случаях переводчики обращались к немецкоязычному оригиналу.

При работе с текстом на нижненемецком языке мы опирались на перевод С. Сабинина из его работы “Волос — языческое божество славяно-русов, сравнённое с Одним скандинавов”, опубликованной в журнале Министерства народного просвещения (Санкт-Петербург, 1843. Часть 40. Отделение II. Стр. 17-52). Цитату Николауса Гризе перевести на русский язык полностью не удалось из-за существенных отличий нижненемецкого от литературного немецкого.

В примечаниях курсивом выделены примечания переводчиков, всё прочее — примечания автора.

²⁴ By Münchhausen in Bragur VI. 1, 21-34. “Bragur” — имеется в виду журнал немецкой и северной археологии (1796-1801), позже издававшийся под заглавием “Braga und Hermode”. Мюнххаузен (барон фон Мюнххаузен) — фамилия автора.

²⁵ Schaumburg. В современной Германии — район, входит в землю Нижняя Саксония.

²⁶ Wôld, Wôld, Wôld!

²⁷ Wauden.

²⁸ Steinhude. Озеро в Нижней Саксонии.

²⁹ Heidenhügel. В переводе на русский — Языческий холм.

«Eigi er sá heill, er í augun verkir»

Боль в глазах в «Сагах об исландцах» (Íslendingasögur) XIII и XIV века¹

Кирси
КАНЕРВА

Перевод статьи выполнен силами
Хранителей Традиции
https://vk.com/keepers_of_the_tradition

Введение

«Сага о названных братьях» (*Fóstbræðra saga*)² рассказывает о человеке по имени Тормод Скальд Чернобровой (*Þormóðr Kolbrúnarskáld*), который страдает от боли в глазах (*augnaverkr*), насланной на него женщиной во сне. История начинается, когда Тормод пытается восстановить свою более раннюю дружбу с женщиной по имени Тордис (*Þórdís*). До этого он посетил женщину по име-

ни Торбьёрг Черная Бровь (*Þorbjörg kolbrún*), для которой он сложил *Висы Черных Бровей* (*Kolbrúnávísur*). Несмотря на это, Тормод читает *Висы Черных Бровей* для Тордис, изменяя слова таким образом, чтобы они восхваляли Тордис вместо Торбьёрг, объекта его прежнего обожания. Дружба между Тормодом и Тордис возобновляется, однако вскоре после этого происходит следующее:

[...] и вот однажды ночью, когда Тормод был в Горячем Жилье, ему снится, будто к нему приходит Торбьёрг и спрашивает его, бодрствует он или спит. Он сказал, что бодрствует.

Она отвечает: «Ты спишь, но что случится с тобой [во сне], достигнет тебя и наяву. Не отдал ли ты другой женщине хвалебную песнь, которую сочинил мне?»

Тормод сказал: «Это неправда».

Торбьёрг сказала: «Конечно, это правда. Ты отдал мою хвалебную песнь Тордис, дочери Гримы, и исказил те строфы, что принадлежали мне, в большинстве своем [так, что теперь они посвящены] ей. Теперь я вознагражу тебя за нарушение твоих слов и за твою ложь, чтобы страдал ты от такой сильной боли в глазах, что оба твоих глаза выскочат у тебя из головы, если только ты не дашь знать всем людям, что это моя песнь, и не будешь всегда после этого так говорить».

Она показалась ему очень разгневанной, и ему казалось, что он еще различает ее черты, когда она ушла. Он просыпается с такой

¹ Содержание этой статьи было представлено аудитории на Международном средневековом конгрессе в Лиде, 9-12 июля 2012 года, и в конференции «Отрывки из древности в средневековье V: Infirmitas – социальные и культурные подходы к лечению, уходу и поддержке здоровья» в Тампере, 23-26 августа 2012 года. Я очень благодарна за все полезные замечания и предложения на конференциях, особенно Alaric Hall, Päivi Salmesvuori, Irina Metzler и Ewa Wahlberg Sandber. Также тексту пошли на пользу комментарии, представленные на семинаре Финского общества литературы в Хельсинки, в частности, от Frog, Joonas Ahola, Tuomas M. S. Lehtonen, Irma-Riitta Järvinen и Kendra Willson. Большое спасибо также Philip Line за то, что он исправил мой английский, Kendra Willson, за помощь в переводах на английский отрывков из саг, и Фонду Eino Jutikkala's а за грант, который позволил мне работать над этим эссе.

² «Сага о названных братьях» датируется примерно 1200-м годом, но сохранилась в трех рукописях XIV века. Самый ранний из них – так называемая «Книга Хаука» (*Hauksbók*, AM 544 4to), написанная для себя законопослушником Хауком Эрлендсоном, умершим в 1334 году. Однако в этой версии отсутствует начало саги. Другая версия сохранилась в чуть более поздней рукописи «Подмаренничная книга» (*Möðruvallabók*) XIV века (AM 132 fol), написанной до 1350 года, и в «Книге с Плоского острова» (*Flateyjarbók*, GkS 1005 fol), написанной для Йона Хаконарсона (*Jón Hákonarson*), священниками Йоном Тордарсоном (*Jón Þórðarson*) и Магнусом Торхалльсоном (*Magnús Þórhallsson*) где-то между 1387 и 1390 годами. См., например, Schach, 1993. Эпизод с болью в глазах обнаружен во всех версиях саги.

49...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 18
2017

сильной болью в глазах, что едва сдерживает вопли. Утром он остается в своей постели. Когда все мужчины оделись, Берси [отец Тормода] удивляется, почему Тормод спит так долго, и он подходит к нему и спрашивает не болен ли он. Тормод говорит про свою боль в глазах.

Берси отвечает: «Тот, у кого боль в глазах, не здоров»³.

Однако всё хорошо, что хорошо кончается. Отец Тормода считает, что ничего нельзя сделать, если Тормод не поступит правильно и не вернет песне её первоначальный вид. В противном случае, как говорит отец в версии текста из «Подмаренничной Книги» (*Mǫðruvallahók, AM 132 fol.*), «оба твоих глаза выскочат из головы» (*bæði augu springi ór höfði þér, Fóstbræðra saga: 176–177*), или в несколько менее резкой версии текста из «Книги Хаука»: «Ты потеряешь оба своих глаза, один за другим» (*at þv latir bæði avgvñ fyr annari, Hauksbók 1892–1896: 371*⁴). В итоге Тормод Скальд Чернобровой заново посвящает вису Торбьёрг, как это было с самого начала, и немедленно исцеляется от болезни глаз (*Fóstbræðra saga: 177; Hauksbók 1892–1896:372; Flateyjarbók 1862: 155*).

Отрывок выше — один из примеров в средневековых исландских сагах, где боль в глазах представлена как болезнь, которая способна обездвижить жертву, вызывая выпадение глаз из головы, как предполагалось в «Саге о названных братьях», или привести к потере зрения, а иногда даже к смерти. В таких случаях, как в приведенном выше примере, причина болезни глаз иногда указывается прямо; эта болезнь может быть вызвана некоторой внешней силой или существом, которое появлялось во сне и причиняло боль своим жертвам⁵. Однако этот сон является отклонением от нормы в «Сагах об исландцах», поскольку сны обычно предвещают будущие события и связаны с необратимой судьбой.

Сообщение в этих сновидениях никогда не вызывает сомнений, так как считается, что они содержат важную информацию о будущем. Более того, сны всегда сбываются. Если сообщение скрыто за символами и аллегориями, мудрый человек может интерпретировать

³ [...] Hauksbók 1892–1896:370–371. Если не указано иное, переводы мои собственные.

⁴ Flateyjarbók, 1862:155, гласит: «[A]t önnur spreinge ögu ór höfði þer».

⁵ См. также Cary о Барде (*Bárðar saga*): 169–170; Selkollu þáttur: 496.

этот сон⁶. Однако в «Саге о названных братьях» сон не приносит знания о необратимой судьбе, но действует как предупреждение, все еще позволяя получателю, то есть сновидцу, реагировать на него и выбирать либо хороший, либо плохой вариант: Тормод может решить, будет ли он все исправлять, чтобы снова стать здоровым, или он будет продолжать жить во лжи и страдать от последствий, потеряв свои глаза.

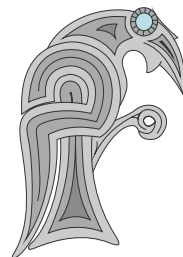
Это отклонение от правил поднимает некоторые вопросы, касающиеся состояния боли в глазах и того, как её причины и последствия были истолкованы и поняты средневековыми исландцами. С учетом быстрого восстановления Тормода, может возникнуть вопрос, является ли боль в глазах в «Сагах об исландцах» обозначением физического недуга⁷, или это явление также имело другие коннотации. Последний вопрос поднимается, в частности, из-за телесной природы глазной боли, которая связывает это состояние с некоторыми психическими явлениями, считающимися физическими в средневековой Исландии: психические процессы, такие как эмоции, мысли, понимание и воспоминания, были связаны с умом, который считался физическим органом в груди, то есть сердцем. Таким образом, психические функции также считались физическими процессами (Канерва, готовится к выходу)⁸.

Эта часть тела подчеркивается в более ранних исследованиях эмоций в сагах, которые показали, что эмоции обычно изображаются только в соматических изменениях, таких как покраснение и бледность, или в диалоге (Миллер, 1992; 1993; Ларрингтон, 2001; Канерва, 2012). По этой причине вполне понятно, что внутренние состояния людей, то, что они думали, помнили и чувствовали, но не

⁶ Во снах в «сагах об исландцах», см., например, Turville-Petre 1958; Strömbäck 1968; Turville-Petre 1968; Schach 1971; Bitel 1991:45; Lönnroth 2002; McCreech 2005. Для снов в других жанрах см., например, Lönnroth 2006.

⁷ Тем не менее, я не буду пытаться диагностировать глазную болезнь ретроспективно. На данный момент может быть вполне достаточно отметить, что некоторым болезням, таким как гидроцефалия, глаукома и катаракта, приписывались такие симптомы, как давление в глазах. Я благодарю докторов Irina Metzler и Ewa Wahlberg Sandberg за информацию по этому вопросу. Эти симптомы могут быть похожи на симптомы глазной боли в сагах, где глаза, «вылетающие из головы», упоминаются как одно из последствий боли в глазах. Таким образом, глазные боли в сагах также могли быть диагностированы, соответственно, историками-медиками. Здесь, однако, я заинтересована тем, как средневековые исландцы интерпретировали это состояние.

⁸ Подобные англосаксонские представления см. у Godden 1985; Kiricsi 2007.

произносили словами, или внешние проявления как соматических изменений не могли быть изображены в средневековых сагах — если бы только не существовал другой способ представления этого «незримого».

Мы никогда не можем быть уверены в том, считали ли средневековые исландцы боль в глазах подобной соматическим изменениям, связанным с эмоциями⁹. Однако соматизация, то есть приписывание боли и дефектов различным органам, в т.ч. висцеральным, была показана в медицинской антропологии как общее средство в некоторых культурах для выражения различных негативных эмоциональных состояний и настроений, которые не могут быть представлены каким-либо другим способом (Хельман, 1994: 267-271).

Это сопоставимо с представлениями о нескольких антропологических и исторических исследованиях, которые подчеркивали, что в некоторых культурах, где отсутствуют какие-либо средства выражения эмоций и эмоциональные дискурсы, все еще могут существовать другие способы выражения эмоций как посредством личного общения, так и в литературе (Хельман, 1994: 267-271; Реддю, 2001; Хан, 2006). Более того, эмоции и болезни не были совершенно различными и не связанными понятиями или категориями в средневековой Исландии. Таким образом, не всегда было сделано ясное и точное различие между этими двумя условиями (Канерва, готовится к выходу). Соответственно, возникает соблазн узнать еще больше о том, видели ли средневековые исландцы связь между физической болью в глазах и психическим состоянием (особенно эмоциями) страдающего от этого главного героя саги.

В ходе обсуждения следует иметь в виду, что концепция и явление глазной боли в средневековой Исландии могут основываться на местных и подсознательных схемах и образах тела, которые управляют идеями болезни, эмоций и их причин¹⁰. Кроме того, исландцы, как часть средневекового христианского

мира, впитали в себя влияние латинского учения и литературы (например, Kalinke 1993; Vésteinn Ólason 1998:44–50; Høyersten 2000; Høyersten 2004; Lönnroth 1965; Reichborn-Kjennerud 1936:20–26). Как коренные, долгосрочные культурные течения, так и новые, недавно принятые иностранные влияния, таким образом, могут быть переплетены в «сагах об исландцах» и других средневековых исландских литературных источниках. По этой причине источники изучаются интертекстуально¹¹, в связке с другими текстами саг. Кроме того, также будут использоваться ретроспективные методы, обращая внимание на свидетельства в более позднем фольклоре других географических областей¹².

Я рассмотрю четыре эпизода в четырех различных «Сагах об исландцах»¹³: в вышеупомянутой «Саге о названных братьях», «Саге о Барде Асе Снежной Горы» (*Bárðar saga Snæfellsáss*)¹⁴, «Саге о Бьёрне Витязе из Долины Хит» (*Bjarnar saga Hítðælakappa*)¹⁵ и «Саге о людях со Светлого Озера» (*Ljósvetninga saga*)¹⁶. Что касается датировки текстов, по-

¹¹ Согласно примерам Tulinus, 2001.

¹² О ретроспективных методах см., например, Heide, 2009, и вопросы (2010-2013 гг.) из электронного журнала RMN Newsletter.

¹³ Из-за нехватки места я не включила в свой интертекстуальный анализ местные источники с явно христианской перспективой, такие как епископские саги (*biskupasögur*) и саги о христианских королях, в которых мотив глазных болей предстает как объект святого вмешательства, то есть страдающий от глазной боли в основном сохраняет анонимность и служит доказательством исцеляющей святой силы. Однако в источниках, обсуждаемых здесь, страдающий от боли в глазах выступает в главной роли, и святое вмешательство отсутствует.

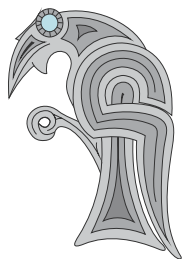
¹⁴ Сага датируется, предположительно, с начала четырнадцатого века. *Bárðar saga* была связана с Хауком Эрлендссоном, автором и владельцем вышеупомянутой рукописи *Hauksbók*, содержащей саму *Fóstbræðra saga*, и его сыновьями, но использование версии *Sturlubók* из *Landnámabók* вместо версии *Hauksbók* для генеалогической информации, данной в начале *Bárðar saga*, предполагает отсылку к Стурле Тордарсону (*Sturla Þórðarson*). Возможно, сага была написана в монастыре *Helgafell* в западной части Исландии, к библиотеке которого у автора, предположительно, был доступ. *Þórhallur Vilmundarson*, 1991: xcvi–cvi.

¹⁵ *Bjarnar saga* считалась одной из первых *Íslendingasögur*. Сага, предположительно, была написана до 1230-го года. Автор был связан с монастырем *Þingeyrar*, также в саге показаны следы агиографического исследования (агиография изучает богословие, жития святых и прочие аспекты святости — прим.). Сага сохранилась в неполных бумажных копиях, лучшая из которых — копия фрагмента из пергамента XIV века, сделанная в XVII веке. Finlay, 1993 год.

¹⁶ Предполагалось, что *Ljósvetninga saga* была написана около 1260-го года, но сохранившиеся рукописи несколько более поздние. А-версия саги почти полная, доступна в виде манускрипта AM 561 4to (около 1400). С-версия саги не полная, но немного более обширная. Она находится в веллумном кодексе AM 162 c fol, с которого позже было изготовлено свыше тридцати копий. С-версия содержит несколько коротких рассказов, которые были расценены как более поздние дополнения. Magerøy, 1993 год.

⁹ Предыдущие исследования изображали глаза как зеркало души и внутреннее состояние человека (Marold, 1998; Kroesen, 1985; Lassen, 2001: 114-117). Тем не менее, глаза будут отражать природу и «личность» человека, который является постоянным и неизменным, а не внутреннее состояние, которое изменяется, что было необходимо для эмоций, как подразумевает слово для обозначения эмоций, *hugarhrœring*, буквально «изменение разума». См. также Канерва, готовится к выходу. По этой причине именно контекст, причины и последствия глазной боли сами по себе также содержат аспект изменения, который будет изучаться здесь.

¹⁰ О понятиях «схема тела» и «образ тела» см. Stark, 2006, 152-162.

сколько самые ранние рукописи датируются четырнадцатым столетием, можно с уверенностью сказать, что источники отражают взгляды и представления исландцев XIV века, особенно литературной и политической элиты, которая отвечала за написание и распространение «саг об исландцах».

Принимая во внимание, что Исландия уже была христианизирована более двухсот лет, когда источники, которые я буду рассматривать здесь, были созданы, а затем скопированы, и что Исландия также находилась на периферии Европы, я предполагаю, что, как и некоторые средневековые болезни, боль в глазах также считалась духовным заболеванием¹⁷. Физические симптомы, связанные с глазами, сообщали читателям саги о смешанных чувствах героев саги, которые были признаны нарушителями определенных социальных норм.

¹⁷ См., например, Metzler, 2006:38-48, где она, однако, также указывает на двусмысленность средневекового отношения к плохому здоровью.

Глазная Боль: Вина, Конфликт и Нарушенные Обещания

«Сага о названных братьях» ясно показывает, что боль в глазах Тормода вызвала Торбьёрг Черная Бровь, появившаяся во сне и изложившая справедливые обвинения: Тормод украл вису, которая была посвящена ей, и подарил её другой женщине. В «Саге о названных братьях» становится явной роль самого Тормода в осознании источника его недуга. Текст говорит нам, что Тормод Скальд Черной бровью знает причину своей боли, когда он читает вису после пробуждения:

Жестоко я ошибался, когда Тордис, деве островных обручий, я даровал все Висы Темных Бровей — во сне пришла ко мне богиня погибели. Я принял наказание, которое она уготовила — прекрасная дочь Тора разбирается в этих коварных искусствах, и я предпочел бы скорее загладить свою вину перед этой богиней¹⁸.

В «Саге о названных братьях» виса Тормода явно указывает, что он признает свой проступок и что Торбьёрг пострадала из-за его действий. Поскольку он осознает свою собственную роль, он также признает необходимость компенсации. Более того, кажется, что Тормод осознает связь между его проступком

Таким образом, подхватить болезнь можно было в зависимости от действий больного человека. Однако эта концепция была связана с исландскими средневековыми представлениями о строении тела, когда тело считалось «открытым» и пористым (Канерва, готовится к изданию): тело можно было рассматривать как «открытое внешнему миру» (Старк, 2006: 152, курсивный оригинал), и состояния тела (например, эмоции, болезни) могли быть вызваны внешними факторами и силами. Таким образом, в средневековой Исландии эмоции (включая эмоциональные аспекты глазных болей) считались не просто чувствами, возникшими в теле, но включающими взаимодействие с социальной и физической средой. Глазная боль — это состояние, вызванное внешними факторами, воздействующими на здоровье жертвы, и одновременно возникшее в результате собственных разрушительных мыслей и эмоций человека, вызванных различными социальными и межличностными конфликтами, а также признания его или ее личной ответственности в этом вопросе.

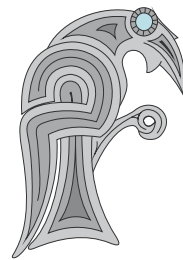
и физической болью в глазах и что это наказание неизбежно, если только он всё не исправит. В свете современного определения этого слова, опыт Тормода, если его изучить через его мотивацию, по примеру Уильяма Яна Миллера (Миллер, 1992, 1993), включает в себя чувство вины, но он также берет на себя ответственность за свои действия, и поэтому ему удастся компенсировать свои проступки и избавиться от своей вины¹⁹.

В то же время в рассматриваемой саге не было написано ни слова о чувстве вины как о существовании эмоции²⁰. Но эпизод в «Саге о названных братьях» показывает, что боль в глазах — то есть целиком физическое проявление — рассматривалась как результат признания своего проступка (в данном случае — воровство вис, которое было внутренним опытом), который в современном определении слова также будет включать чувство вины. Это предполагает, что боль в глазах также имела эмоциональный оттенок в средневековой Исландии, аспект, который будет рассмотрен более подробно в обсуждении позже.

¹⁹ См. анализ этого фрагмента в Kanerva, 2012:8-9. О современных определениях вины см. также Taylor 1985:89-93.

²⁰ О вине как об одном из значений понятия *óðgefa* (неудача) см. Kanerva, 2012. Однако существовало слово для вины в значении состояния дел, *sekr*.

¹⁸ *Fóstbræðra saga*, 175-176. Перевод Martin S. Regal в *Víðar Hreinsson* 1997, 2:355-356.

Другой пример похожих глазных болей изображен в «Саге о Барде Асе Снежной Горы». Гест, исландец и сын язычника по имени Бард Ас Снежной Горы, страдает от сильной боли в глазах после того, как он был крещен в хирде (*дружина, свита короля — прим.*) христианского конунга Олава Трюггвасона. Болезнь вызвана его собственным отцом во сне, и сага рассказывает о происхождении и последствиях болезни Геста следующим образом:

Следующей ночью после того, как Гест был крещён, ему приснилось, что его отец Бард пришел к нему и сказал: «Плохой поступок ты совершил — расстался со своей верой, которой придерживались твои предки, и позволил принудить себя сменить веру из-за слабости характера, — и за это ты лишишься обоих своих глаз». Бард грубо надавил на глаза Геста и затем исчез. После этого, когда Гест проснулся, он испытал такую сильную боль в глазах, что в тот же самый день они оба выскочили из его головы. Тогда Гест умер в своей одежде для крещения»²¹.

Как и в «Саге о названных братьях», причина болезни в «Саге о Барде Асе Снежной Горы» указывается четко: отец Геста нанес ему повреждение, потому что тот нарушил неписанные правила семьи, отказавшись от веры своих предков и приняв христианское крещение, таким образом предав и обесценив их своими действиями²². Поэтому боль в глазах, которую переживает Гест, кажется, вызвана его «плохим поступком». По этой причине, однако, становится трудно провести различие между внутренним состоянием (то есть, относится ли глазная боль к эмоциям) и внешним наказанием, что будет более подробно рассмотрено в двух оставшихся разделах статьи. На данный момент можно предположить только в контексте интертекстуальной связи с «Сагой о названных братьях», что боль в глазах Геста будет связана с признанием его проступка и его собственной роли в нём, а также осознание необходимости компенсации — всё это было упомянуто в качестве определения концепта вины.

В отличие от Тормода, который повторно посвятил украденные висы своему карателю

²¹ *Bárðar saga*: 169–170. Перевод Ralph O'Connor в O'Connor 2002:137.

²² См. также Lassen, 2001:128–129. Лассен интерпретирует поступок Геста как своего рода *þíðingsverk*, напоминающий подобные сцены в саге, когда люди отворачиваются от своей старой веры или неохотно отказываются принять новую веру и получают боль и ослепление. Я согласна с ней в этом вопросе, но следует исследовать это значение глубже, обсуждая этот вопрос в свете *Vjarnar saga Hítðælakappa* и *Ljósvetninga saga*, которые Лассен не использовала в своем исследовании.

и «затем быстро оправился от глазной боли и полностью освободился от этой болезни»²³, Гесту не дают шанса на искупление. Это понятно, поскольку, возможно, это не соответствовало христианской атмосфере «Саги о Барде Асе Снежной Горы», в которой подчеркивалась роль Олава Трюггвасона как христианского конунга. Лишенный шанса оправиться от глазной боли, Гест изображается как мученик: он не подчинился воле отца (язычника) и принял христианскую веру.

Гест был обязан сделать это из-за обещания, которое он дал, сражаясь с мертвым языческим конунгом Ракнармом в его кургане: а именно, что он примет крещение, если сможет выжить в битве. Во время этого инцидента Гест попросил своего отца о помощи, но Бард был неспособен оказать сверхъестественную помощь («Сага о Барде Асе Снежной Горы», *Íslenzk Fornrit* 13, 1991г.: 168), хотя он был признан в Исландии как своего рода защитный дух для своих друзей, которые «привыкли призывать его, когда им грозила опасность»²⁴. Однако христианский конунг Олав Трюггвасон, хотя и физически отсутствовал²⁵, смог принести божественный свет в курган после обещания Геста обратиться в другую веру, что в конечном итоге обеспечило Гесту победу (там же: 168).

Гест, подобно Одину, пообещавшему свой глаз (и свою жизнь) в обмен на получение мудрости, пообещал принять христианство²⁶. Будучи физически недееспособным, он обрел вечное спасение как награду за свою жертву. Это резко контрастирует с характером сверхъестественной силы, налагающей подобные наказания на людей, которые появляются в средневековых европейских собраниях чудес. В них Бог и христианские святые могли накладывать на скептически настроенных людей различные виды наказаний, включая глазную боль и слепоту, в наказание за их сомнения и презрение (Метцлер, 2006: 146–149; Катаяла-Пелтомаа, готовится к изданию).

Однако в «Саге о Барде Асе Снежной Горы» каратель — язычник, и история напоминает многие из легенд о христианских мучениках, поскольку Гест умирает от болезни, насланной на него языческими силами после его крещения, оставаясь верным своей новой вере до

²³ *Fóstbræðra saga*: 177.

²⁴ *Bárðar saga*: 129. Перевод Ralph O'Connor в O'Connor 2002:119.

²⁵ Конунг в это время не с Гестом в его путешествии на север, «к отбросам Слабланда» (O'Connor, 2002: 133), где находится курган.

²⁶ Про глаз Одина см., например, Motz 1998:16; Lassen 2003:95–106.

самой смерти. С точки зрения «старых и языческих», или, возможно, коренных идей средневековой исландской культуры, Гест ведет себя плохо, так как он не оправдал ожиданий своего отца, который явно изображен в саге как язычник. Две формы обязательств находятся в конфликте: традиционные ожидания его отца и семьи и требования новой веры, которые ему открылись. Именно конфликтный аспект может лежать в основе мотива глазной боли в «Сагах об исландцах», точно так же, как это происходит, когда ухаживания Тормода за другой женщиной противоречат целями Торбьёрг Черная Бровь, более раннего объекта любви скальда.

Подобный эпизод происходит в «Саге о людях со Светлого Озера», где человек по имени Торвард Хаскульдсон (Þorvarðr Hǫskuldsson), известный как «мудрый и очень сдержанный человек, отчасти постаревший»²⁷, возвращается из странствия в Рим. Вернувшись в Исландию, он слышит от некоторых скандинавов, что его брат был убит людьми с Подмаренничных Полей (Mǫðrvellir). В этот момент Торвард произносит:

*Долог путь между нашими топорами и людьми с Подмаренничных Полей. И они все равно захотят ими обладать, если я поеду в Исландию. Ну пусть будет так, как того хочет святой Пётр. Я думаю, будет лучше, если я туда не вернусь*²⁸.

Затем сага утверждает, что после этого Торварду удалось проехать несколько миль, пока «он не потерял оба глаза от боли и не умер после этого»²⁹. Кульминация истории озадачивает; Торвард испытывает боль в глазах после того, как он получил известие о смерти своего брата и решил не добиваться возмещения и тем самым исправить причиненный ему и его семье ущерб. Согласно общему духу «саг об исландцах», Торвард должен был требовать мести или компенсации и урегулирования, поскольку сага кратко называет его главой семьи³⁰.

Вместо этого он выбирает другой путь, освещенный христианскими акцентами в этом эпизоде: Торвард — хороший христианин, который только что вернулся из своего паломничества в Рим после (предположительно) искупления своих грехов. Возможно, стоит предположить, что он отреагирует как хороший христианин и попытается справиться с проблемой без пролития крови. То, что

это было воспринято как «христианский путь» в средневековой Исландии, по крайней мере в некоторых кругах, подразумевает некий Торстейн в «Саге о Бьёрне Витязе из Долины Хит» (*Bjarnar saga Hítðælakappa*), когда он советуется, как именно следует компенсировать смерть его кровного брата:

*Я хочу оговорить, что любой из нас должен получить право принятия судебного решения по обвинению за смерть другого, будь то изгнание или компенсация, вместо того чтобы подвергать кого-либо смертной казни, и что больше подходит христианам*³¹.

Выдержка из «Саги о людях со Светлого Озера», таким образом, указывает на то, что Торвард, как и Гест, столкнулся с противоречивыми чувствами, в данном случае из-за противоречивых требований, предъявляемых к нему: с одной стороны, ожидания его семьи и общества вокруг него состояли в том, что он выполнит свои обязательства в соответствии с принципами воздаяния, преобладающими в древнескандинавской и древнеисландской культуре (Канерва, 2012), и отомстит за смерть брата, а с другой — его обязательства как христианина.

Поскольку он нарушил правила взаимности, его действия, возможно, были отмечены средневековыми исландцами как *níðingsverk* — поступок, наказанием за который часто была боль в глазах, как это было предложено Анетт Лассен (2001: 128-129). Однако автор «Саги о людях со Светлого Озера», кажется, подчеркивает конфликт между двумя противоположными моральными кодексами, языческим и христианским, старым и новым³², как основной смысл боли в глазах³³.

³¹ [Мой жирный шрифт]. Bjarnar saga, 191. Перевод Alison Finlay in Viðar Hreinsson 1997, 1:294.

³² Подобный конфликт был также одним из основополагающих элементов переживаний тех, кого называют людьми неудачи (men of misfortune). Kanerva 2012.

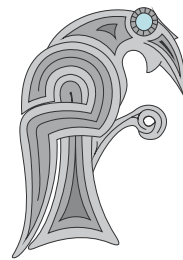
³³ Тем не менее, на поступок Торварда как на *níðingsverk* указывает идея, что месть была чем-то, что можно было бы считать оправданным в сагах, если рассматривать её с точки зрения (возможно, христианского) автора. Это становится очевидным в «Саге о Ньяле», где молодой человек, большой и сильный, но слепой с рождения, получает шанс отомстить за своего отца, когда он сталкивается с убийцей на тинге и мгновенно восстанавливает зрение. Когда мудрый Ньяль узнает об этом, он указывает, что Амунди не может быть обвинен в его деянии, поскольку это было предопределено, и фактическое восстановление зрения представлено в саге как выражение желания Бога отомстить за отца Амунди, как говорит Амунди, когда понимает, что прозрел: «Хвала Господу! Теперь я вижу, чего он хочет» (Lofaðr sé guð, dróttinn minn! Sér nú, hvat hann vill). Njáls saga: 272-274. О слепоте как о неспособности отомстить и противоречивом взгляде на эпизод Амунди, см. Lassen 2001: 127-129. В целом, насилие как таковое было двусмысленной темой для средневековых духовных мыслителей. Пример оправдания насилия в идеологии крестовых походов см., например, Kangas, 2007.

²⁷ Ljósvetninga saga, 62.

²⁸ Ljósvetninga saga, 103. Перевод Theodore M. Andersson и William Ian Miller in Viðar Hreinsson 1997, 4:253.

²⁹ Ljósvetninga saga, 103.

³⁰ Ljósvetninga saga, 62.

«Сага о людях со Светлого Озера» не показывает, была ли какая-то внешняя сила, которая причинила смертельную боль Торварду. Тем не менее, в «Саге о Барде Асе Снежной Горы» ответственный за наказание и сущность акта наказания ясен. Символично, что отец Геста выкалывает или пронзает глаза своего сына, что фактически интерпретировалось как эквивалент кастрации в средневековой исландской литературе³⁴. В свете этого инте-

ресно, что в конце XIX века исландские народные заклинания могли быть использованы для насылая боли в глазах вора́м. (Симпсон, 1966, 7). Это особенно напоминает историю «Саги о названных братьях», так как именно Тормод Скальд Чернобровой виновен в краже: он украл стихотворение у своей карательницы и посвятил его другой женщине. В то же время, это понятие переносит акценты с внутренних состояний на внешние наказания, а также на силы и средства, их причиняющие.

³⁴Lassen 2000. См. также Tulinius, 1999: 306 (и 299-307) о символической кастрации в «Саге о Греттире». О глазах как о символах мужественности см. Lassen, 2003: 103 - 106. О слепоте и кастрации как наказаниях в сагах и праве (например, Grágás) см. Lassen, 2001: 123-129. Кроме того, другое условие, которое иногда связано с глазами недугами, – слепота – обозначало

«недостаток пронизательности и суждения» и могло относиться к слабости и неполноценности характера, указывая на то, что Торвард и Гест были ослаблены в результате разрыва их глаз, который делает их слепыми, но также и на то, что в конечном итоге они были признаны низшими персонажами, когда предавали своих родственников. См. также Lassen, 2000: 220-221.

Глазная боль, вызванная ветрами, дурными намерениями и магическими выстрелами?

В двух рассмотренных здесь случаях, в «Саге о Барде Асе Снежной Горы» и «Саге о названных братьях», указывается тот, кто причиняет боль, в то время как в «Саге о людях со Светлого Озера» и «Саге о Бьёрне Витязе из Долины Хит» виновник не ясен. В самом деле, никакая причина не упоминается явно, в то время как «Сага о Барде Асе Снежной Горы» и «Сага о названных братьях» дают хорошее описание ответственных людей. Описание Торбьёрг *Черная Бровь*, которая причиняет боль Тормоду в «Саге о названных братьях», предполагает, что она обладала какой-то магической силой: у нее темные волосы и брови, и она необыкновенно высокая:

*Торбьёрг была учтивой женщиной, не слишком красивой; [у нее были] черные волосы и брови — за это ее называли Черная Бровь, [она] выглядела мудрой, и цвет ее лица был хорош, была стройна, худощава и с косыми стопами, но не низкого роста*³⁵.

Исключительный рост в сагах, в частности, является характерной чертой женщин, владеющих магическим искусством (см., например, Кьяртан Г. Оттосон, 1983, 71). Высокий рост, возможно, можно считать мужской характеристикой, и поэтому он воспринимается как «за пределами естественного». Такие женщины также более умело справлялись с задачами, требующими физической силы³⁶.

³⁵Fóstbræðra saga, 170.

³⁶См. также Stark, 2006: 265, о том, как в более позднем финском фольклоре обычно только женщинам с жесткой *luonto*, то есть «природой, натурой», приписывались магические способности. По словам Старк, такие женщины иногда также «обладали мужскими вторичными половыми признака-

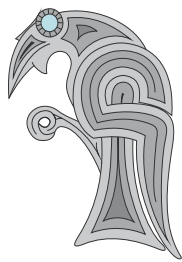
ми, такими как борода или усы». См. также образ Торгунны (Þórgunna) в «Саге о Людях с Песчаного берега» (Eyrbyggja saga: 139-140), чей высокий рост и большая физическая сила при выполнении работы на открытом воздухе на хуторе Gróða подчеркивается в саге.

Гендерные нарушения как таковые часто считались способом для получения сверхъестественной силы, а в древнескандинавской и древнеисландской мифологии бог Локи, который умел практиковать колдовство, был известен своей гендерной лиминальностью, что позволяло ему буквально переключать пол, превратившись, например, в кобылу и родив жеребца (Лайдонер, 2012; вон Шнурбейн, 2000).

Большой рост Торбьёрг *Черная Бровь* может быть также отсылкой к расе великанов из скандинавской мифологии, где великанов иногда изображали мудрыми и искусными в магии. Связь с расой великанов также приписывается отцу Геста, Барду, чья генеалогия в «Саге о Барде Асе Снежной Горы» предполагает, что он произошел от гигантов («Сага о Барде Асе Снежной Горы», 101-102). Кроме того, характер и умения Барда описываются следующим образом:

[Гигант по имени] Доври (Dofri) обучил его [= Барда] всякого рода умениям, родословию и обращению с оружием. Ни в коем случае нельзя быть уверенным, что он не научился чародейству и колдовству (sorcery and witchcraft), так что он стал ясновидящим и многознающим (prescient and wise in many ways), потому как Доври хорошо разбирался в этих вещах. В те дни великие и люди знатного

55...

происхождения считали такие вещи искусством, потому что в то время в этой северной части мира люди не слышали рассказов об истинном Боге³⁷.

Таким образом, отец Геста изображен как отпрыск гигантов, воспитанный выдающимся гигантом, умелым во многих искусствах, включая их магию, о чем прямо говорится в саге. Средневековый исландский образ мышления предполагал, что приемный отец несет ответственность за структуру одной четвертой части «личности» ребенка («Сага о Ньяле», 109; Хейерстен, 2004, 109).

Кроме того, доказательство магических умений Торбьёрг и Барда приводится, когда пророчество первой и угрожающее предзнаменование второго, сказанные во снах, действительно срабатывают: Тормод страдает от глазной боли и не восстанавливается до тех пор, пока он не исправит и не искупит свой проступок, в то время как Гест теряет глаза, как и предсказывал его отец. Как было сказано выше, в «Саге о названных братьях» и «Саге о Барде Асе Снежной Горы», сила, вызывающая боль в глазах, является чисто языческой. Это действительно сила, которой они обладают, поскольку они способны входить в сны своих жертв и тем самым наносить им физический вред³⁸.

Что касается болезней, вызванных сверхъестественными средствами, интересную параллель предлагает англосаксонская традиция, в которой, согласно народным верованиям, эльфы могли стрелять в своих жертв стрелами и дротиками, «эльфийскими выстрелами», которые могли вызывать болезни и наносить другие формы вреда. Эта сила также приписывалась людям, обладающим искусством колдовства (Холл, 2007, 7; 2005)³⁹. Аларик Холл также предположил, что боль в глазах тоже могла быть связана с эльфами в англосаксонской традиции (Холл, 2007, 129, прим. 32).

Это делает эльфийские выстрелы интересным сравнительным источником для этого исследования, особенно когда «выстрелы» сверхъестественных сил имели свой эквивалент и в более поздних скандинавских тради-

³⁷ *Bárðar saga*, 103. Перевод Ralph O'Connor в O'Connor, 2002:110.

³⁸ О способности беспокойных мертвецов причинять различные виды вреда, включая телесные и психические заболевания, а также потерю остроумия, что являлось знаком «сильного ума» человека, см. также Kaperna, 2013; Kaperna, готовится к изданию.

³⁹ Hall, 2005, сосредотачивается на эльфийских выстрелах в ранней современной шотландской традиции.

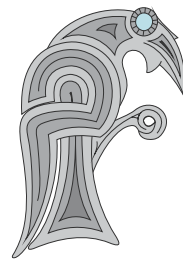
циях. В более позднем скандинавском фольклоре такие термины, как *alvskot*, «эльфийские выстрелы», и *trollskot*, «выстрелы троллей», иногда также известные как *finnskot* («финские выстрелы»), предполагали идею, что сверхъестественные существа и люди, искусные в магии, такие как эльфы и саамы (д.-с./и. *Finnar*), могут вызвать болезни, наслав магический выстрел.

Alvskot обычно ассоциировался с землей, но *finnskot* был связан с ветром, особенно с вихрем, который прибыл с севера (Лид, 1921, 38-39). Уже в средние века существовало убеждение, что саамы могут заставить дуть ветер и вызвать бури, чтобы посылать и ускорять свою магическую силу (Лид, 1921, 39; Лайдонер, 2012, 75-76), что часто ассоциировалось с «выстрелами» и считалось даже необходимым условием для них (Лид, 1921, 39). Эльфы как источник болезней не являются повторяющейся темой в исландских источниках (Холл, 2007, 98), но это не обязательно означает, что термины *alvskot*, *trollskot* и *finnskot* имеют более позднее происхождение, поскольку Эльдар Хайде утверждает, что *alvskot* является старым словом по крайней мере на филологических основаниях. Однако это не было засвидетельствовано в старых древнескандинавских исландских источниках (Хайде, 2006а, 229).

Alvskot, *trollskot* и *finnskot* в какой-то момент могли быть поняты как *острые, пронзающие (sharp)*, о чем говорит характер борьбы с этими проявлениями, который появляется в более позднем скандинавском фольклоре, хотя два последних передавались по ветру. По словам Нильса Лида, один из вариантов, доступных жертве такого *выстрела (skot)*, заключался в том, чтобы «*выстрелить в ответ*» (shoot back the skot), протыкая (вихревой) ветер (в котором ответственная за это ведьма фактически может находиться в той или иной форме) острым предметом, например, ножом, или бросив нож на ветер (Лид, 1921, 39-40)⁴⁰. Если это противодействие включает в себя идею, общую для многих исцеляющих традиций, которая «исцеляет подобием», это предполагает, что выстрел рассматривался либо как острая боль, либо как боль и болезнь, вызванные острым предметом⁴¹.

⁴⁰ Лид утверждал, что бросок ножа предполагает, что именно беспокойные мертвецы вызвали *skot*, но, на мой взгляд, его аргументация здесь недостаточна.

⁴¹ См. также Hall, 2005, о ранней современной шотландской традиции, в которой жертвы болезней, подобных эльфийским выстрелам, искали отверстия, которые были бы признаками «выстрелов».

Кроме того, идея остроконечных предметов типа стрел, как разносчиков болезней, характерна для финской народной традиции XIX века, где болезнь, приписываемая ведьмам, может называться *puoli* (буквально «стрела»), выстрелом ведьмы, который вызывает боль и болезнь (Лид, 1921, 54; Лённрот, 1880, 296)⁴², предполагая, что снаряды, выпущенные магическими или сверхъестественными силами, повсеместно считались причинами болезней в северных частях Европы как проявление коренных идей этиологии (*раздел медицины, изучающий происхождение и причины возникновения болезней — прим.*), которые, предположительно, возникли задолго до христианизации.

Острота снарядов, показанных в приведенных выше примерах, интригует, учитывая последствия боли в глазах в «Саге о Барде Асе Снежной Горы» и «Саге о людях со Светлого Озера». В первой слово *springa* используется, когда глаза Геста выскочили из его головы. Тормоду угрожали той же судьбой в «Саге о названных братьях» перед его искуплением. В «Саге о людях со Светлого Озера» говорится, что Торвад теряет глаза, обозначив это глаголом *missa*. Оба глагола применяются в «Саге о названных братьях», чтобы изобразить возможные последствия глазной боли, как если бы предполагалось, что глаголы описывают похожие или идентичные явления.

Таким образом, фактический процесс потери глаз, когда они выскакивают, может быть таким же как в «Саге о Барде Асе Снежной Горы» и в «Саге о людях со Светлого Озера». В тексте четко не указано, означает ли «выскакивание», что глазные яблоки выходили из глазных впадин, или что это происходило после повреждения, нанесенного острым предметом, из-за чего вещество вырвалось из глазных яблок. Вероятность фактического разрыва при использовании глагола *springa* будет более подробно обсуждена в следующем разделе о последствиях глазных болей, но перед этим стоит подумать о том, что глаза, вырывающиеся из головы, считались результатом магического воздействия, похожего на выстрелы, совершенные сверхъестественными существами или людьми, умениями в магии.

Поздний скандинавский фольклор предполагал, что *finnskot* возникает в результате ветров и течений воздуха (Лид, 1921, 40). Более того, ветер и воздух как средство для передачи болезней и дурного влияния появ-

ляются уже в эпоху викингов. Их можно обнаружить в заклинаниях против «летучих», найденных в рунических надписях в Швеции, которые предположительно использовались как защитная магия против летучих духов, которые могли вызывать болезнь, или предназначенные для того, чтобы отгонять их. Точно так же заклинание, которое заставляет лихорадку улететь, было написано на амулете X-XI века, найденного в Сигтуне (Даниэльссон, 2001; Ростберг, 2009), что указывает на то, что патогены в значительной степени были связаны с потоками воздуха и понимались как передаваемые через него⁴³.

«Летучий» также связывался с *сейд-магией* (*seiðr*), которая могла включать состояния, подобные трансу, во время которых шаман мог покинуть тело и блуждать в разных местах и мирах, часто в форме животного (Бак Даниэльссон, 2001). В таких случаях, как считалось, разум человека, практикующего сейд, перемещался в форму животного, известного как *фюльгья* (*fylgja*). Это слово иногда использовалось как синоним для ума, *hugr* (Стромбек, 2000, 160-190; Турвиль-Петер, 1964, 229-230)⁴⁴.

Интересно, что в скальдической поэзии мысль называлась *vind tröllqvenna*, «ветер ведьм» (Младшая Эдда, 1931, 191, Хайде, 2006b), что, по-видимому, подразумевает не только то, что мысли считались способными влиять на других, но также и то, что некоторые мысли, например, о ведьме и, следовательно, о власти (и уме) ведьмы, рассматривались в Исландии XIII века как то, что можно передать по ветру⁴⁵. Более того, согласно Райхборн-Кеннеруду (Reichborn-Kjennerud), древняя идея, что артерии разносили и кровь, и воздушные потоки, была известна в средневековой Скандинавии, так как это подразумевает название артерий, *vindæðar* («ветер-вены») (Райхборн-Кеннеруд, 27, Ричард Клизби & Гудбранд Вигфюссон, 1957, 708, «Сага об Александре», 22)⁴⁶.

⁴³ Для сравнения, об аналогичных (то есть передаваемых по воздуху) средневековых идеях этиологии см. также, например, Stearns, 2011: 41-45 в Isidore of Seville.

⁴⁴ Тем не менее, см. также Mundal, 1974:41-43.

⁴⁵ См. также Strömbäck, 2000: 175-177. См., например, о ветре, поднятом языческим богом Тором, который приводит к разрушению корабля миссионера Тангбранда (*Þangbrandr*) в «Саге о Ньяле»: 265-266; Heide, 2004: 62; и на ветер, поднятый женщиной, искусной в колдовстве, в «Саге о людях с песчаного берега»: 109-111. О метафорах как размышлениях о переживаниях и участниках создания абстрактных понятий см., например, Kövecses, 2000.

⁴⁶ Fritzner, 1896:952, истолковывает слово *vindæðar* как «поры в коже» (*Porerne i Huden*) со ссылкой на отрывок из «Саги об Александре».

⁴² См. также другую причину болезни, называемой *pistos*, буквально «жало», в Lönnrot, 1880: 301-303.

Эта гипотеза о ветре, согласно которой природные элементы как силы, практикуемые и контролируемые ведьмами или сверхъестественными существами, могут влиять на психическое и физическое состояние людей, их психофизическое благополучие и эмоции, становится еще более вероятной, если мы также будем учитывать, что идея о погодных условиях, влияющих на ум, была известна и, по-видимому, общепризнана в средневековой Исландии. В тексте «Королевское зеркало» (*Konungs skuggsjá*), составленном в середине XIII века в Норвегии и популярном в Исландии, особенно в XIV и XV веках (Барнз, 2007, 377-379 и 393-395), мы читаем, что восточный ветер, будучи «коронованным золотым сиянием» Солнца:

*Облегчает горе и печальные вздохи и обращает яркое лицо к соседям по обе стороны, предлагая им радоваться вместе с ним в его восторге и отбрасывать их печаль, похожую на зиму*⁴⁷.

Это предполагает, что природные силы в целом, включая ветры, как полагали, влияли на психические состояния, настроение и эмоции людей⁴⁸. Как отмечалось выше, они не всегда отличались от физических болезней в средневековой Исландии. Таким образом, артерии, «ветер-вены», и связь между ветрами и ментальными и телесными состояниями предполагают довольно рациональную концепцию этиологии: воздушные потоки и вихри, связанные с плохими намерениями и магией, могут проникать в человеческое тело тем или иным способом и распространяться по венам.

Подобная «открытость» тела также обнаруживается в позднем финском фольклоре, где сила внешних факторов считалась проникающей в человеческое тело через так называемые «девять отверстий». Согласно этой точке зрения, злые послы ведьм могут быть отправлены и получены через уши, глаза, рот, ноздри, анус и влагалище (Старк, 2006, 160). Это может иметь параллели в древнескандинавских и древнеисландских представлениях, в соответствии с которыми практиковалась *сейд-магия* или воздействие *сейда* могло быть наложено на жертву в состоянии, которое связано с сонливостью.

Сонливость может привести к быстрому вдыханию большого количества воздуха или зеванию, что может быть истолковано как

⁴⁷ *Konungs skuggsjá*, 1983:7. Перевод Laurence Marcellus Larsen в *The King's Mirror*, 1917:87–88. Про *Konungs skuggsjá*, см. Holm-Olsen, 1993.

⁴⁸ См. также Heide, 2006b; Kern Paster, 2004:1–24.

«дыхание в чужой разум», процесс, посредством которого *сейдкона* (*seiðkona*) может получить информацию (Толли, 1995, 58 и 71; Хайде, 2006b). В этом свете структура тела средневековых скандинавов была бы, таким образом, «открыта», как, по словам Лауры Старк, «*границы воплощенного «я» изображались как открытые для внешней среды*» (Старк, 2006: 152, оригинальный курсив), что в культурах с аналогичной схемой тела интерпретировалось как болезнь (там же: 152-153).

Не исключено, что ветер, как разум ведьмы или какой-то другой мощный фактор, как полагали, проникал в тело своей жертвы посредством аналогичного процесса в случаях глазной боли. Сонливость связана с состоянием Геста и Тормода, так как они получают свой недуг во снах (Тормод в состоянии, как будто он бодрствует), что может быть истолковано как вдыхание ветра, содержащего неприятные намерения и мысли обидчиков — Торбьёрг *Черной Брови* и Барда⁴⁹.

Естественно, что рот или нос были более вероятными каналами проникновения для ветров (или духов), особенно если речь шла о зевании (Хайде, 2006b, 166), но глаза также относились к «девяти отверстиям». Возможно, что проникновение происходило через рот, но эффект проявлялся на глазах. С другой стороны, также возможно, что острые «выстрелы» были связаны с глазами преступника в средневековой Исландии. В «Саге о жителях Озёрной долины» (*Vatnsdæla saga*)⁵⁰ сказано, что женщина по имени Лют (Ljótr), искусная в колдовстве, «стреляет» (*skjóta*) из глаз, как тролль, когда она практикует свои навыки и пытается навредить своим противникам: «Ее взгляд был неприятен из-за способа, которым она могла бы расстрелять их [противников] подобно троллям»⁵¹.

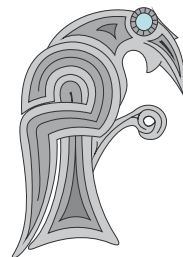
Из этого отрывка видно, что выстрел, который способен нанести вред другим людям, предполагал движение глаз женщины, умелой в колдовстве, — концепция, которая хорошо сочетается с идеей дурного глаза, которая также была заметна в древнескандинавской и древнеисландской культуре⁵². Этот вид выстрела, испускаемый глазами, особенно интересен в свете представления Анетт Лассен о том, что устрашающий взгляд или глаза королей могли описываться как острые (*hvass*) и

⁴⁹ См. также Heide, 2006b: 350-351 и Heide, 2009: 366, о связи духа, дыхания и ветра в древнескандинавской культуре.

⁵⁰ Об авторе, датировке и рукописях саги см. Einar Ó. Sveinsson, 1939: li–lvi; Vésteinn Ólason, 1993.

⁵¹ *Vatnsdæla saga*: 70.

⁵² О дурном глазе см. Lassen, 2003:31–39.

что глагол, часто используемый при описании зафиксированного взгляда, был *hvessa*, что также намекало на остроту взгляда⁵³.

Таким образом, слова, используемые для описания взгляда, были теми же, которые использовались для изображения оружия (Лассен, 2001, 115). Следовательно, взгляд может быть таким же острым, как лезвие или наконечник стрелы, и, подобно реактивному снаряду, глаза могут выстрелить (абстрактным) снарядом, *skot*, который по своей остроте и пробивной способности был приравнен к стрелам и копьям. «Сага о жителях Озёрной долины», таким образом, подразумевает, что выстрел также расценивается как сила, которая могла исходить из глаз человека, искусного в колдовстве. Эта метафора или сравнение со снарядами, использующими кинетическую энергию, не исключает возможности того, что способ его передачи в тело был воспринят как аналогичный ветру, то есть через отверстия тела.

Выстрел в «Саге о жителях Озёрной долины» испускается из глаз, но в примерах, обсуждаемых здесь, не ясно, считалось ли, что глазная боль может быть вызвана острым взглядом. Тем не менее, в «Саге о названных братьях» (175) Тормод явно имеет визуальный опыт, поскольку Торбьёрг представляется ему одновременно сердитой и внушительной, и он думает, что видит ее черты, когда она уходит. В «Саге о Барде Асе Снежной Горы» (170) Бард грозно смотрит на Геста, что также предполагает, что они вступают в контакт. В «Саге о Барде Асе Снежной Горы» и «Саге о названных братьях» существование внешних факторов во сне может таким образом указывать, что Гест и Тормод действительно видят глаза своих преследователей и что резкий *выстрел* из глаз обидчиков является непосредственной причиной их глазной боли.

В «Саге о людях со Светлого Озера» и «Саге о Бьёрне Витязе из Долины Хит» нет никаких указаний на то, что глаза — источник выстрела, вызывающего боль. Тем не менее, в

⁵³ Это понятие также известно как «пронзительный взгляд» (*sharp glance*) в современном английском языке.

«Саге о Бьёрне Витязе из Долины Хит» Бьёрн переживает тревожные сны, прежде чем испытать боль в глазах, что похоже на «Сагу о названных братьях» и «Сагу о Барде Асе Снежной Горы».

В «Саге о людях со Светлого Озера» (100-101) может быть задействована способность духа *фюльги* (*fylgjur*) человека или семьи. В этой саге человек по имени Финни, известный как *skugn*, «остроглазый», предупреждает противника Торварда, Эйольфа (*Eyjólfr*), после того как тот убил брата Торварда и сразу после этого упал с лошади, повредив ногу. Финни подозревает, что этот инцидент вызвала *фюльга* врага Эйольфа, что заставляет Эйольфа спросить, не станет ли *фюльга* его и его семьи сильнее. Финни не уверен, но говорит, что «будет видно, если и когда мы узнаем о путешествиях [Т]орвар[да]»⁵⁴. Вскоре после этого у Торварда начинают болеть глаза, намекая, что это *фюльги* Эйольфа и его сородичей (которых также можно увидеть во снах), которые сильнее, и что они могут быть ответственны за боль в глазах, которая убивает Торварда⁵⁵.

Поэтому есть основания думать, что внешние силы и факторы, способные нанести вред другим, могли проникать в тела своих жертв во сне, но также и во время бодрствования, если объект нападения был недостаточно силен, чтобы предотвратить это. Скорбь по поводу смерти своего брата может быть причиной слабости Торварда, поскольку такие эмоции, как страх и горе, считались уязвимостями для внешних воздействий (Канерва, готовится к выходу), в данном случае — влияния враждебной *фюльги*.

⁵⁴ *Ljósvetninga saga*, 101. Перевод Theodore M. Andersson и William Ian Miller в *Vidar Hreinsson* 1997, 4:252.

⁵⁵ Кроме того, *Vatnsdæla saga* предполагает, что *фюльга* действительно может вызвать болезнь. В этой саге Торстейн предупреждает семейный дух во сне. Дух не хочет, чтобы он присутствовал на определенном пире, и, согласно саге, эта *фюльга* затем прикасается к его глазам. По-видимому, из-за этого Торстейн заболевает и не может присутствовать на пиршестве. Было высказано предположение, что болезнь, от которой страдает Торстейн и которая вызвана духом, на самом деле была болью в глазах. *Vatnsdæla saga*: 95-96 и сноска 3.

59...

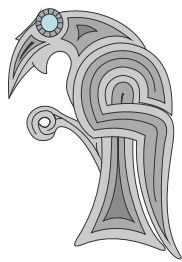
С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 18
2017

Боль в глазах: болезнь или эмоция?

Если мы примем глазную боль в «Саге о названных братьях» и «Саге о Барде Асе Снежной Горы» как следствие *выстрела*, вызванного внешним фактором, она становится и внешним наказанием, и болезнью. Как уже упоминалось выше, эмоции и болезни были

категориями, которые средневековые исландцы не слишком разделяли либо из-за того, что это не было признано необходимым, поскольку эмоции были иногда столь же летальными, как болезни, или потому, что разница была слишком незначительной, чтобы её мож-

но было наблюдать. Отсутствие различия во многом было результатом средневекового исландского взгляда на эмоции как на физические явления, которые всегда включали тело, которое создавало эмоции, буквально считаясь «изменением разума» (*hugarhrering*), очень похожим на телесные болезни (Канерва, готовится к выходу).

Несмотря на участие внешних факторов, средневековые исландцы не обязательно исключали боль в глазах из концептуальной категории эмоций. Фактически, коренная ложная теория эмоций имела сходство с современным определением эмоции как «субъективных обязательств в мире», что признает важность взаимодействия человека с (социальным и физическим) миром для пробуждения эмоций (Соломон, 2004, 76-77 и др.). Кроме того, в раннем современном мышлении действительно считалось, что эмоции происходят извне: например, огонь, если он находится в «ближайшем окружении», может вызвать гнев и таким образом изменить «внутренний микроклимат» (Керн Пастер, 2004, 1-24). В свете этих более поздних теорий внешние факторы как источники боли не мешали средневековым исландцам интерпретировать боль в глазах как (внутреннюю) эмоцию, тем более что в «Саге о названных братьях» и «Саге о Барде Асе Снежной Горы» присутствует явно когнитивный элемент⁵⁶.

Причина, по которой боль в глазах начинается как Тормоду, так и Гесту, четко обозначена в тексте, и их реакции трактуются как признаки осознания: они нарушили нормы и ожидания, поскольку Тормод посвятил любовное стихотворение двум разным женщинам⁵⁷, а Гест решил обратиться в христианство и пренебречь твердыми убеждениями своего отца. Как было сказано выше, в «Саге о названных братьях», в частности, есть признаки того, что больной распознает ситуацию, которая делает боль в глазах похожей на современные эмоции, а сверхъестественное причинение боли глазам вызывает чувство вины⁵⁸. В результате физическая боль может быть истолкована как

раскаяние и признание совершенного деяния, и подчинение власти обвинителя, что может быть истолковано как признание своей вины⁵⁹. Это явление имеет сходство, например, с доиндустриальной финской традицией, согласно которой сверхъестественные средства и способы не считались вредоносными для невиновных, а только для тех, кто был виновен в деле, в котором они были обвинены (Старк, 2006, 218).

Дальнейшая поддержка эмоциональных коннотаций глазной боли проявляется в её последствиях, которые носят полностью или частично психофизический характер. В «Саге о Бьёрне Витязе из Долины Хит» глазная боль приводит к нарушению зрения, но также имеет последствия, которые связаны как с умом, так и с телом. Бьёрн, главный герой, находится в постоянной вражде с Тордом (Þórðr), который несколько лет назад хитростью и обманом женился на женщине, однажды обрученной с Бьёрном. Это, по-видимому, лежит в основе их конфликта, в котором оба мужчины составляют унижительные стихи друг о друге. Друг Бьёрна, Торстейн (Þorsteinn), пытается рассудить конфликт между Бьёрном и его врагом. Процесс арбитража заканчивается неудачей, поскольку Торстейн, арбитр, отдает победу противнику Бьёрна.

Позже, когда Бьёрн и Торстейн встречаются, Бьёрн дает понять, что он, в отличие от Торда, принял бы решение Торстейна по делу. Затем двое мужчин расстаются как друзья после того, как они договорились отомстить друг за друга, если кто-то из них будет убит, с оговоркой Торстейна (мотивированной христианской нравственной системой), что в качестве наказания для убийцы они будут требовать только извинения или компенсацию и не будут добиваться чьей-либо смерти. Затем сага утверждает, что:

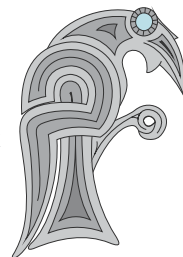
Вскоре после этого у Бь[ё]рна появилась боль в глазах, которая продолжалась некоторое время. Это доставляло ему некоторые неприятности, но со временем ему становилось лучше. Тем не менее, в целом для него всё

⁵⁶ О когнитивном элементе в современных теориях эмоций см., например, Solomon, 2004.

⁵⁷ Конечно, можно было бы спросить, считалось ли в первую очередь «любовное стихотворение» мужским стилем, стихотворением, означающим сексуальную агрессию, что было запрещено законом и могло быть наказано изгнанием из общества, а не романтической любовью. См., например, Jochens, 1992.

⁵⁸ Следы признания эпизодов боли в глазах могут подразумевать христианское влияние, то есть признание своих грехов, хотя конфликт двух противоположных моралей, по-видимому, лежит в основе значения боли в глазах.

⁵⁹ Интересно, что физическая боль в глазах как проявление чувства вины также напоминает средневековое исландское представление о христианском покаянии, *íðgá*, изображенное в сагах как состояние болезни, с физическими и эмоциональными симптомами, такими как грусть, усталость и отсутствие аппетита (например, в *Dámusta saga* (сага о Дамусти) 89-91). Кроме того, слово *íðgá* обозначало недра и внутренности, что давало основания для предположения, что раскаяние в своих грешных деяниях, как полагали, происходит или ощущается во внутренних органах. Покаяние, таким образом, можно считать частично физическим опытом, а не просто интеллектуальным, что напоминает ощущение боли в глазах, мотивированное виной в сагах.

ухудшалось: впоследствии его зрение потускнело [буквально: потому что впоследствии он стал несколько тяжелоглазым] и перестало быть столь же острым, как прежде⁶⁰.

Как и в «Саге о Барде Асе Снежной Горы» и «Саге о людях со Светлого Озера», глазная боль в «Саге о Бьёрне Витязе из Долины Хит», по-видимому, связана с конфликтом между язычниками и христианами, поскольку друг Бьёрна, Торстейн, крайне решительно подчеркивает свою готовность вести себя как настоящий христианин, когда они заключают свое соглашение. Сага вполне может подразумевать, что Бьёрн видит свои желания и ожидания других участников конфликта, как это было предложено выше в случае с Торвардом. Бьёрн должен отомстить за унижительные стихи, сочиненные Тордом, но истинный христианин не прольёт крови. В пользу такого толкования говорит его христианская вера в саге: он построил церковь в честь святого апостола Фомы и позднее был похоронен в этой церкви после того, как его убили («Сага о Бьёрне Витязе из Долины Хит», 207). Тем не менее остается открытым вопрос о том, хочет ли он следовать желанию Торстейна или по-прежнему готов довести дело с Тордом до конца: если это так, в тексте такие намерения не упоминаются.

Размытые границы между эмоцией и болезнью имеют некоторые интригующие параллели в прилагательных, используемых для описания состояния Бьёрна после того, как он оправился от боли в глазах. Он изображен как *pungeygr*, буквально «тяжелоглазый» (*heavy-eyed*), что часто переводится как «тусклоглазый» (*dim-eyed*), что указывает на то, что что-то затуманивает и ухудшает его зрение, так что оно престаёт быть «столь же острым» (*Eigi jafnskyggn*).

Описание в саге может просто указывать на то, что Бьёрн страдал кратковременным заболеванием, которое постоянно ухудшало его зрение, но коннотации тяжести предполагают дополнительные интерпретации. Интересно, что тяжесть, обозначаемая словом *pungr*, часто использовалась для описания психофизических состояний, которые могли бы включать необычную тишину и безмолвие и, таким образом, сильный и мстительный гнев, чувство печали и другие эмоциональные боли и смятения, которые также можно было бы интерпретировать как болезнь (см., например, Канерва, готовится к выходу; «Сага о Гисли», 32; «Сага об Эрике Рыжем», 220). Более того, в

«Саге о Пивном Капюшоне» (*Olkofra saga*)⁶¹ говорится о Пивном Капюшоне, что «у него были тяжелые глаза»⁶². Сначала это выражение кажется нам своеобразным, но по мере того, как сага продолжается, глаза Пивного Капюшона приобретают особую роль в саге. Когда Пивной Капюшон сталкивается с трудностями на тинге, потому что он случайно сжег леса, принадлежащие шести вождям:

Он стоял и жалобно плакал. Этот человек [послан неким Бродди (Broddi), который позже поможет Пивному Капюшону] попросил его зайти в землянку и перестать плакать, «и ты не должен рыдать, когда войдешь к Торстейну». Пивной Капюшон заплакал от радости и сделал так, как ему сказали»⁶³.

Поскольку в начале саги глазам Пивного Капюшона уделяется особое внимание, возникает соблазн спросить, было ли это сделано, чтобы подчеркнуть связь между его «тяжелыми глазами» и его склонностью к слезам. Таким образом, возможно, что «тяжелые глаза» были интерпретированы как глаза, которые были склонны плакать и лить слезы. Такие глаза затем будут иметь дополнительную связь с «тяжелым» настроением, которое также может указывать на грусть⁶⁴. Эта интерпретация не обязательно указывает на то, что Бьёрн постоянно плакал после выздоровления от глазного недуга (из-за чего, возможно, его веки опухли от плача), но выражение *pungeygr* вполне могло означать, что он был подавлен или меланхоличен; образно — ощущал тяжесть.

Таким образом, горе, слезы и гнев ассоциировались с «тяжелым» настроением, но также с фактическим опуханием тела, обозначаемым словом *brúttinn*, «раздутый» (Ларрингтон, 2001, 254; Канерва, готовится к выходу). Никакие разбухания не упоминаются в четырех примерах, но это состояние имеет интересные последствия для летального исхода от глазной боли — глаза вырываются из головы. В «Саге о Барде Асе Снежной Горы» Гест умирает почти мгновенно после того, как его глаза выскочили, и это, похоже, постигает Торварда в «Саге о людях со Светлого Озера».

Исход, смерть, предполагает, что причиной этого могли быть эмоции, поскольку, согласно средневековым исландским представ-

⁶¹ Про *Olkofra saga* см. Lindow, 1993.

⁶² *Olkofra saga*: 84.

⁶³ *Olkofra saga*: 86.

⁶⁴ О межкультурном сравнении см. также современное финское понятие *raskasmielisyys*, буквально «тяжело мыслящий», которое используется для обозначения (часто долговременного) меланхолического состояния.

⁶⁰ *Bjarnar saga*: 191–192. Перевод Alison Finlay в Viðar Hreinsson 1997, 1:294.

лениям, чрезмерная эмоциональность может привести к смерти (Канерва, готовится к выходу). Слово *springa*, «лопнуть», используется для описания того, что происходит с глазами Геста, также указывает на «разрыв» в значении «умереть от чрезмерного напряжения», например, от чрезмерного физического усилия или, возможно, в этом контексте, от сильной эмоции, такой как горе (Ричард Клизби & Гудбранд Вигфюссон, 1957, 584). В сагах *springa*, по-видимому, обозначает фактическое извержение, брызги, прорывы, разрывы или разрушение неповрежденного объекта, включая части тела и органы (такие как глазные яблоки, «кровные вены», т.е. артерии и сердце) или инфекции (нарывы и абсцессы).

Все указанные выше условия, по-видимому, вызвали какого-то рода набухание (в том числе «отек» из-за переедания) или давление, которое приводило либо к вырыванию органа тела, либо к внутреннему нагноению органа (там же; Фрицнер, 1896, 500-501; Словарь древнескандинавской прозы (*Ordbog over det norrøneprosaspog*), доступен по ссылке: www.onp.ku.dk). Таким образом, состояние, предшествовавшее смерти страдающих от глазной боли, могло быть подобно состоянию *brúttinn*, раздутости, в то время как человек испытывал гнев или гневную печаль (Канерва, готовится к выходу).

Вздутие не всегда приводило к смерти, но чрезмерные «изменения разума» (то есть чрезмерное набухание) были бы фатальными. Таким образом, использование глагола *springa* в эпизодах боли в глазах может указывать на то, что в глазу поднялось давление или произошло вздутие, подобное «раздутости настроению» (*swollen mood*), либо из-за физического перенапряжения, либо из-за психического расстройства и чрезмерных эмоций. Последние две причины могут считаться чувствами, связанными с опуханием тела, такими как горе и гнев⁶⁵. По мере того как они, как считалось, становились чрезмерными (что приводило к увеличению опухоли), глаза, в конечном счете, вырывались из головы⁶⁶.

⁶⁵ Отек от печали может также относиться к состоянию Торварда в *Ljósvetninga saga*.

⁶⁶ Это имеет некоторые интересные параллели в гуморальной теории (т.е. имеющей отношение к жидкостям в организме — прим.). Согласно *Hauksbók* XIV века, в которой содержится краткое описание четырех телесных настроений и темпераментов, из глаз выходила черная желчь. Кроме того, согласно *Hauksbók*, «если много черной крови [= желчи], тогда он [чувствует] себя тяжелым и молчаливым, скованным и сонным, угрюмым и лживым, ревнивым и холодным, и сухим» (*ef suarta blöð er mest þa er hann þungur ok þögull. sinkr ok svefnvgr. styggr. ok prettuqr. áúfund siukr ok af kalldri nátturu ok þurri*). *Hauksbók*, 1892-1896: 181. Таким образом, симптомы жертв глазной боли,

Таким образом, последствия боли в глазах говорят о том, что эмоциональные элементы были связаны с реальными ощущениями боли в глазах. Связь между болью в глазах и внутренними эмоциями также подчеркивается способом передачи боли во сне. В отличие от «Саги о Барде Асе Снежной Горы» и «Саги о названных братьях», «Сага о Бьёрне Витязе из Долины Хит» (и «Сага о людях со Светлого Озера») сначала производит впечатление, что глазной недуг постигает главного героя, когда он бодрствует. Тем не менее, перед тем, как Бьёрн испытывает боль в глазах, ему «каждую ночь [три ночи подряд] снилось нечто, что, по его мнению, заслуживало внимания»⁶⁷. Существует явное указание на то, что сны и боль в глазах связаны между собой, как это было в случае Геста и Тормода. Терзаемый снами и пострадавший от тяжести своих глаз Бьёрн проводит свои последние дни в удрученном состоянии («Сага о Бьёрне Витязе из Долины Хит», 177-178 и 196)⁶⁸.

В «Саге о Гисли» (*Gísla saga Súrssonar*)⁶⁹ XIII века дана интригующая дополнительная информация, которая проливает свет на источник сновидений. Гисли рассказывает о своем сне в стихотворении, которое он читает в последнюю ночь своей жизни, прежде чем его убивают его враги. Во сне Гисли видит, что птицы, пропитанные кровью, вошли в его дом, как предзнаменования его приближающейся смерти. После пробуждения Гисли читает эти строки:

Когда мы расстались, льняная богиня
[= жена Гисли],

У меня звенело в ушах

От царства моего кровавого зала

— и я налил варево гнома.

по-видимому, соответствуют меланхолическим признакам и симптомам, особенно если предположить, что разбухание выходит из глаз. Кроме того, Тормод и Гест оба нечестны, так как Тормод похищает стихотворение Торбьёрг, а Гест предает своего отца, приняв крещение, а Торвард также отказался от старых языческих взглядов и следует за новыми христианскими. Случай с Бьёрном не ясен, но он, по-видимому, «тяжелый», по крайней мере в его глазах, и выражение его бровей в последнее утро его жизни до того, как он был убит, говорит о том, что он мог быть угрюмым: «Его брови были довольно нахмурены» (*ok var hann nokkut brúnvqlr*). *Bjarnar saga*: 196. Кроме того, Тормод изображается сонным, когда он остается в постели после того, как другие уже встали. Таким образом, можно предположить, что жертвы глазной боли воспринимались как больные с симптоматикой меланхолии.

⁶⁷ *Bjarnar saga*: 178.

⁶⁸ Тем не менее, *Vatnsdæla saga*: 95–96, рассмотренная выше в сноске 55, подразумевает, что фольгья (которая может вызвать болезнь глаз в *Ljósvetninga saga*) причиняет глазную боль в сновидениях.

⁶⁹ О саге см., например, Kroesen, 1993.

Я, создатель гласа меча,
Слышал, как бьются две гагары
И я знал, что скоро роса
Из луков [= битва] снизойдет до меня⁷⁰.

Дословный перевод кеннинга подразумевает происхождение голосов, которые Гисли слышит во сне: *heimr sals dreyra* это «обитель кровавого зала», где «кровавый зал» обозначает сердце, чьей наиболее вероятной обителью является грудь⁷¹. В висте говорится, что сон Гисли возник из сердца, места ума, и, следовательно, эмоций, мыслей и воспоминаний, а также, возможно, даже из изменений разума, которые, согласно нашей теории эмоций, изложенной выше, также могут быть вызваны внешними факторами или силами⁷².

Еще одно подтверждение версии о том, что сновидения были связаны с разумом и психическими состояниями и функциями индивида, дано в «Саге об исландцах» (*Íslendinga saga*)⁷³. В этой саге жена и сыновья Гицур Торвальдссона (Gizurr Þorvaldsson) сожжены в доме, в то время как ему самому удается избежать убийц, которые пришли, чтобы отомстить за убийство Снорри Стурлусона (Snorri Sturluson), важного деятеля XIII века. Глубокая скорбь по поводу своей утраты, которую переживает Гицур, впервые выражена в стихотворении, где сразу же упоминается его сила характера и способность контролировать свою печаль:

⁷⁰ *Gísla saga*: 110. Перевод Martin S. Regal в *Viðar Hreinsson* 1997, 2:45.

⁷¹ Слово *dreyri* означает «кровь». В *Lexicon Poeticum* (Язык поэзии), кеннинг *heimr sals dreyra* переводится как «долина», также указывая, что в некоторых случаях *dreyri* трактуется как «вода», а *dreyri sals* — «река». Sveinbjörn Egilsson & Finnur Jónsson, 1931:86. Кажется более логичным, однако, что кровавый зал на самом деле будет сердцем, а обитель сердца — грудь, особенно, когда *sals* относится к закрытому пространству — к характеристикам, обычно связанным с сердцем, а не с рекой.

⁷² Эта идея не исключает сновидения, которые приносят знание о будущем; такие сны не считались возникающими изнутри, но могли также выходить за пределы тела сновидца и входить в его или её «сознание» (согласно сну Гисли: в разум) во сне.

⁷³ О *Íslendinga saga* см. Hallberg, 1993.

Еще помню ту беду, когда Хлин из колец
[= моя жена]

И трое моих сыновей были сожжены
(В моей памяти хранится потеря):

Разрушитель щитов [= воин] не обрадуется
(Этот разрушитель мечей живет с горем)

Если они не будут отомщены⁷⁴.

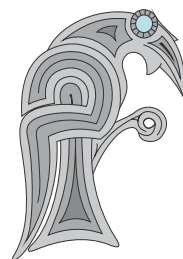
Как и раньше, Гицур Торвальдссон остался на зиму у Аса (*Ás*); он хорошо переносил свои потери и в течение зимы оставался бодрым со своими людьми и друзьями, которые пришли к нему. Он был решительным человеком и почти не показывал, как он пострадал от перенесенной утраты. Никогда не случалось так, что вражда или другие испытания вмешивались в его [красноречие или его] **обычный сон**⁷⁵.

Существенным фактором является то, что «Сага об исландцах» ясно говорит, что горе, гнев, желание мести и другие эмоциональные потрясения, вызванные его потерей, никогда не мешают спать Гицуру. Утверждение о том, что это не происходит, ясно указывает на то, чего могут ожидать средневековые исландцы: что дневные события и переживания, а также инциденты, вызвавшие сильные эмоциональные волнения, другими словами, внешние факторы и силы, или даже эмоции, влияли на сны.

Эта концепция подразумевает, как сон Тормода, что сон в сагах не всегда был о судьбе и будущем, но также был связан с мыслями, эмоциями и воспоминаниями человека, который — если только этот человек не был сильным духом, как Гицур, — был не в состоянии контролировать изменения разума или препятствовать проникновению внешних сил в тело. Значение этих факторов заключается в том, что сны были связаны с эмоциями, что еще больше подтверждает идею, представленную в начале этого исследования: боль в глазах отражает эмоции больного, эмоции, которые связаны с миром и в своей основе заключают переживание конфликта.

⁷⁴ *Sturlunga saga* 1878, 2:170.

⁷⁵ [Мой курсив] *Sturlunga saga* 1878, 2:171. Перевод Julia H. McGrew в *Sturlunga saga*, 1970, 1:406.

63...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№18
2017

Заключение

Вышеприведенное обсуждение показывает, что боль в глазах в «Сагах об исландцах» действительно была внешним наказанием за социальное правонарушение, часто вызванное магическими факторами или сверхъестественными существами, но этот аргумент

следует изучать в контексте средневековой западной Скандинавии, где был особый взгляд на человеческий ум и тело, и их связи с социальной и физической средой. Грани-

цы тела считаются не «закрытыми», но «открытыми», так что индивид был незащищён и чувствителен к внешним воздействиям, происходящим из социальной и физической среды. Эти силы могли, например, в форме ветра проникать в тело человека и тем самым вызывать состояние, которое можно было бы назвать болезнью. Однако в средневековой западной скандинавской культуре, как предполагают источники, различие между болезнью и эмоциями было далеко не четким, что делает состояние боли в глазах отчасти сложным.

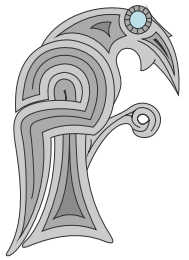
Последствия глазной боли, такие как вылезание глаз, обозначенные с помощью глагола *springa*, предполагают, что боль в глазах также имела эмоциональные коннотации, поскольку слово *springa* часто использовалось в сагах для описания состояний чрезмерного напряжения или чрезмерных эмоций, приводящих к смерти. Это также подтверждает аргумент, согласно которому сны, где часто жертве причиняют глазную боль, тоже считались исходящими из сердца, то есть из человеческого разума, который в том числе включал в себя эмоции, что приводило к различным эмоциональным проблемам, с которыми человек мог столкнуться в часы бодрствования.

Физическая боль в органе тела, возложенная на его жертву в состоянии сна или в моменты слабости, такие как горе, могла, таким образом, использоваться как литературный инструмент для описания психической реакции протагонистов саги в результате ситуаций социального и (меж)личностного конфликта. Следуя правилам взаимного воздаяния, персонаж, испытывающий боль в глазах, признает совершенный им плохой поступок, будь то воровство или другие причиненные неприятности.

Представление эмоций через боль в глазах, таким образом, напоминает примеры соматизации (т.е. психологической защиты через блокировку негативных эмоций — прим.) в других культурах, где подобный повествовательный недостаток может ограничивать способы выражения и отображения изменяющихся внутренних состояний и где телесные органы и метафоры используются для описания эмоциональных переживаний. В качестве побочного продукта исследование также предлагает гипотезу о средневековой исландской небольшой теории эмоций, связанных с совестью, таких как чувство вины: что они не считаются порожденными просто в человеческом разуме, а вызваны внешни-

ми стимулами, которые вызывают изменения разума, рассматриваемые в современном мире как эмоции.

Каковы бы ни были её эмоциональные аспекты, глазная боль была также болезнью и духовной, которая отражалась на благополучии индивида и предполагала неполноценность характера страдающего, который не считался более *heill* — целым, крепким, здоровым или исцеленным (Ричард Клизби & Гудбранд Вигфюссон, 1957, 248-249).

Волшебные исландские сказки

КАЗКА О ГРИМЕ ИЗ ЗАПАДНЫХ ФЬОРДОВ

Sagan af Vestfjarða-Grími

Перевод: Любовь ГОРЛИНА

В Скриде, там, где потом построили монастырь, жил человек по имени Сигурд, жену его звали Хельга. У них был сын Грим, он воспитывался в Западных Фьордах у дяди по матери. Тогда же на хуторе Эйди жил человек по имени Индриди с женой Тоурой.

Как-то раз у Индриди потерялась корова, и пропадала она целых шесть лет. Однажды, собирая в горах своих овец, Сигурд нашел эту корову в одной укромной долине. С ней было шесть быков, которых она принесла за это время. Сигурд их всех пригнал к себе. Через некоторое время Индриди из Эйди пришел к Сигурду и стал торговать этих быков, не всех, а двух или трех, но Сигурд отказался их продавать. Тогда Индриди заявил, что раз быки без разрешения пасутся на его земле, значит, они принадлежат ему. На весеннем тинге среди прочих разбиралась и эта тяжба. Сигурд открыто высказал Индриди, что тяжба поднята несправедливо. Индриди рассердился и там же, на тинге, убил Сигурда. Его схватили, но он предложил за убийство выкуп, и его быстро отпустили. С тех пор Индриди стал опасаться за свою жизнь и завел у себя в доме такой порядок: спать он ложился у стенки, на месте жены, и надевал ее головной убор, а ее заставлял ложиться простоволосой и с краю.

Так и шло, пока Гриму не исполнилось шестнадцать лет. Однажды на хутор, где жил дядя Грима, пришла бедная женщина, и Грим дал ей кое-что из вещей. Хозяйка хутора, жена его дяди, рассердилась и попрекнула Грима тем, что отец его до сих пор не отомщен. Этого попрека Грим не мог снести и тут же собрался в путь. Дядя тепло с ним простился и сказал, что отныне он должен зваться Гримом из Западных Фьордов.

Кратчайшей дорогой Грим приехал на Восток в родные места и поселился у матери. Однажды он встретил работника Индриди из Эйди, тот гнал корову, из-за которой тогда вышла ссора, и другой скот, украденный у матери Грима. Грим убил работника и объявил об убийстве. После этого Индриди стал पुще прежнего опасаться за свою жизнь.

Как-то раз Грим решил побывать в Эйди. В доме Индриди мужчины сидели у очага и обсуждали женщин их округи. Один из них назвал Хельгу, мать Грима, самой вздорной женщиной и еще кое-что добавил. Услыхав это, Грим ворвался в дом, схватил человека, который поносил его мать, и прикончил его, сунув головой в котел, что висел над очагом, а сам убежал. Но на этом он не успокоился и начал рыть тайный ход к дому в Эйди от протекавшего невдалеке ручья.

Наступило рождество. Индриди пригласил на пир друзей и своего брата Хельги тоже позвал. Вечером все стали ложиться спать. Хельги положили в постельной нише, на месте хозяев, а Индриди с женой легли на кровать, стоявшую рядом. В этой же комнате спало еще много гостей. Грим накануне обо всем разведдал и ночью явился в дом Индриди. Он осторожно вошел в комнату, где спали хозяева и гости, и стал всех ощупывать, чтобы не убить кого не нужно. Когда его холодная рука коснулась жены Индриди, она сказала об этом мужу, и тот, заподозрив неладное, хотел вскочить, но Грим тут же проткнул его мечом. Индриди успел только крикнуть, что ему нанесли смертельную рану. Люди вскочили и стали ловить убийцу, один из гостей даже схватил Грима.

65...

— Пусти, я тоже ищу убийцу! — сказал ему Грим и, едва тот разжал руку, нырнул в свой тайный ход и был таков.

Идти к матери, где его стали бы искать, было неблагоприятно, и он решил поставить себе палатку на плоскогорье.

Меж тем Хельги припомнил, что в ту ночь убийца как сквозь землю провалился, и решил посмотреть, нет ли где ямы. Так он обнаружил подземный ход, но самого Грима, как уже говорилось, и след простыл.

Вскоре одному человеку из Эйди случилось проезжать по плоскогорью, где стояла палатка Грима. Грим, испугавшись, что теперь недругам станет известно, где он скрывается, погнался за этим человеком и убил его. Но оставаться после этого на плоскогорье стало опасно, и он перебрался за горы к одной вдове. Хельги, который жил теперь в Эйди, пускался на всякие хитрости, чтобы разыскать Грима, и в конце концов пронюхал, что тот живет у вдовы. Вдова эта была ясновидица. Она умела предсказывать будущее и предупредила Грима, что сюда вот-вот зайвится Хельги. Она посоветовала Гриму покинуть страну на одном из кораблей, что приходят к мысу Ингольва, а пока пожить на озере, где можно прокормиться рыбой.

Все вышло так, как предсказала вдова. Хельги приехал к ней и спросил, где Грим. Вдова ответила, что Грим и в самом деле жил у нее, но теперь уехал, и Хельги вернулся домой ни с чем.

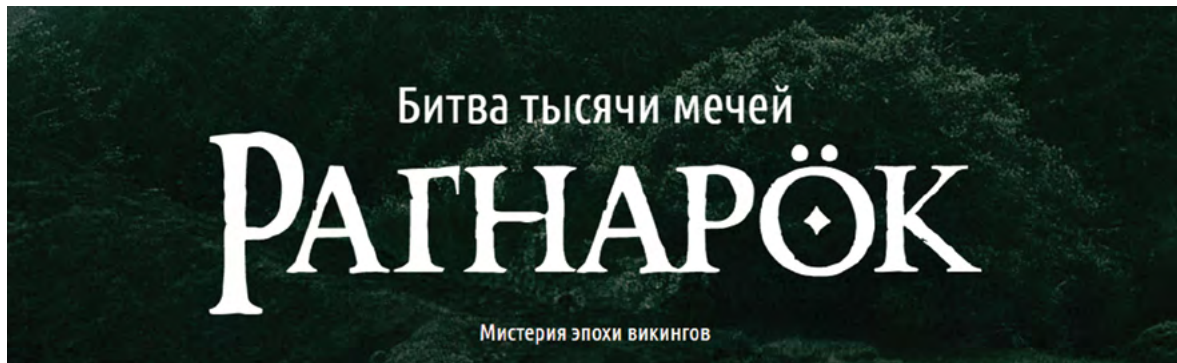
А Грим, как ему было сказано, поехал к озеру, построил себе хижину и стал ловить рыбу. Вскоре он обнаружил, что каждую ночь часть его улова пропадает, тогда он решил покараулить и разузнать, в чем дело. Ночью к хижине Грима пришел великан, связал рыбу, взвалил связку на плечо и ушел. Грим догнал его и всадил ему в спину копье, но великан только ускорил шаг и поспешил к себе в пещеру. Там его ждала дочь. Он показал ей рану, нанесенную ему Гримом из Западных Фьордов, попросил дочь похоронить его в пещере и умер. Дочь великана хотела похоронить отца, как он просил, но могила оказалась мала. Грим, который шел за великаном по пятам, все видел и слышал. Вошел он в пещеру, и дочь великана стала его корить за то, что он убил ее отца. Грим, как мог, утешил ее и предложил помочь похоронить великана. Она согласилась, и он, собрав все свои силы, затолкал великана в могилу, засыпал ее и ушел домой.

Ночью великан встал из могилы, явился к хижине и напал на Грима. Грим оборонялся, и при виде не одолело его. А когда рассвело, он пришел в пещеру, выкопал великана из могилы и сжег его на костре. Поговорив с дочерью великана, Грим быстро поладил с ней, они забрали все имущество, какое было в пещере, перенесли его в хижину Грима и мирно прожили там до весны. Весной пришел корабль и бросил якорь у мыса Ингольва. Грим, узнав об этом, собрался в далекий путь и простился со своей Возлюбленной. Но прежде чем они расстались, она подарила ему волшебный пояс — тот, кто носил его, не мог полюбить другую женщину.

Грим покинул Исландию и прибыл в Норвегию. Там в те времена правил конунг Харальд, сын Сигурда, он взял Грима к себе в дружину. На рождество конунг устроил богатый пир. Грим надел пояс, подаренный ему дочерью великана, и сразу же затосковал по ней. Конунг заметил, что Грим невесел, и спросил его, в чем дело. И Грим рассказал ему о дочери великана. А весной конунг дал Гриму корабль, чтобы он поехал в Исландию и привез оттуда свою невесту. Грим приплыл к мысу Ингольва, сошел на берег и отправился прямо к озеру Грима, которое так называли с тех пор, как он там жил. У озера он нашел дочь великана, с ней был маленький мальчик, родившийся, пока он был за морем. Она очень обрадовалась, когда увидела Грима, и он предложил ей уехать вместе с ним в Норвегию. Они забрали ребенка, погрузили на корабль все свое добро и благополучно достигли берегов Норвегии, а там дочь великана и ее сын крестились и приняли христианскую веру.

Долго ли они прожили в Норвегии, нет ли, а только захотелось Гриму навсегда вернуться домой. Вместе с женой, дочерью великана, он покинул Норвегию и вернулся в Исландию. На одном из островов, где жили великаны, Грим сошел на берег и разгрузил свой корабль. Великанов он с острова прогнал, а тех, кто не хотел уходить, убил и, очистив весь остров, обосновался там со своей семьей. Потомство у него было большое.

С тех пор этот остров называется Гримсей, или остров Грима, и находится он в Эйя-фьорде. Потомки Грима живут там и поныне. На этом сказке конец.

РАНХИЛЬД

Друзья! Те из Вас, кто внимательно следил за новостями нашей группы в контакте, хорошо знает, что этим летом нашей редакции посчастливилось принять участие в потрясающем событии — фестивале «Битва тысячи мечей. Рагнарек», который проходил 15 июля в парке Коломенское города Москвы. Надеемся, что Вы также не пропустили это событие и в полной мере смогли погрузиться в завораживающую атмосферу средневековья, но для тех, кто не смог увидеть великую битву своими глазами, мы подготовили восхищенный рассказ о произошедшем от непосредственного участника.

67...

Итак, это был первый фестиваль такого рода, на который мне удалось попасть. Нет, я видела и раньше ярмарочные развлечения а-ля «а сейчас бородатые дяденьки будут делать страшные глаза и убивать друг друга фанерными топорами», но такого полного погружения в исторические реалии реконструированной и всем сердцем любимой эпохи не было ни разу. Достаточно сказать, что на «закрытом» дне фестиваля (в пятницу) людей в обычной одежде можно было пересчитать по пальцам, и смотрелись мы, положила руку на сердце, там крайне неуместно. Спасал только браслет «ПРЕССА» и боевой настрой во чтобы то ни стало стать глазами и ушами наших читателей. На второй день, когда был открыт доступ всем зрителям, стало полегче, но мысль, что ты каким-то волшебным образом перенесся на тысячу лет назад, не отпускала. А что у встречных людей в руках фотоаппараты, и за добрый ломоть домашнего хлеба с ароматным чесночным салом платишь обычными монетками, а не серебром или шкурками горностаев — так просто искривление пространства и времени.

А тем временем интрига фестиваля закручивалась. Да еще какая ИНТРИГА! Совсем скоро на поле боя должны были сойтись в жестокой битве войска Конунга и Князя, но никто, включая организаторов, не знал, кому боги даруют победу. Потому как до последнего момента не было известно окончательное количество воинов с обеих сторон. Изначально лишь несколько десятков клубов точно знали, за какую сторону они будут выступать, остальным было дано право определиться непосредственно перед самым началом боя. И поэтому весь день между станами шли напряженные «торги»: воинов покупали, прикармливали, посулами славы и великой победы уговаривали присоединиться к той или иной стороне. Да, что там прикармливали! Не зная ни сна, ни отдыха между лагерями сновали сваты, присматриваясь к красавицам и мастерицам. Сватовство само по себе дело ответственное, но в этот раз сам византийский вельможа выбирал между Хозяйкой двора (лагерь русичей) и Хозяйкой усадьбы (лагерь викингов). И та, кто сразит завидного жениха своей красотой, кулинарными способностями и умением обращаться с оружием¹, получит не только его руку и сердце, но и принесет своему лагерю ощутимую прибавку

¹ Да-да, именно так, будущая невеста должна была продемонстрировать сноровку в стрельбе из лука и владении копьем.

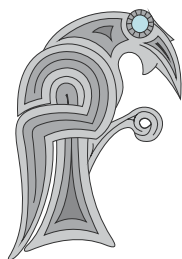

в войнах в виде дружины византийского «принца», которая примет сторону невесты в битве тысячи мечей.

А пока решались важные государственные дела, было чем заняться и простым гостям фестиваля. Перед ними лежал непростой выбор, на какой из исторических мастер-классов они хотят попасть: изготовление луков и стрел, плетение кольчуг, строительство осадных орудий, обучение владению мечем или копьем. Можно было понаблюдать за работой кузниц, стать зрителем или участником сценок из средневековой жизни, а то и просто пройти по торговым рядам в поисках авторских работ из дерева, металла, камня, шерсти, кожи — мало кто смог устоять перед такими сокровищами.

Отдельно стоит упомянуть возможность прокатиться на боевой ладье, прибывшей на фестиваль своим ходом из самого города Муром. Самоотверженности и выносливости команды можно было только позавидовать. И ведь ребята не только смогли проделать весь этот путь, но и на месте, практически без отдыха, продолжали знакомить всех желающих с корабельным делом. Лично для меня катание на ладье обернулось развенчанием одного из множества мифов про викингов. Хольгер Арбман в книге «Викинги» писал: *«Вывешивание щитов в ряд на фальшборте должно было, возможно, свидетельствовать о знатности и богатстве хозяина корабля, и их устанавливали, только пока судно стояло в гавани. Едва ли викинги выходили в море со щитами независимо от того, шло судно под парусом или на веслах, ведь в любом случае они серьезно затрудняли бы работу корабля, а их установка не могла быть продиктована какой-то серьезной военной необходимостью»*.

Оказалось, все врут (с), и Хольгер Арбман не исключение. Команда ладьи решительно опровергла предположение, что автор книги хоть сколько-нибудь разбирается в этом вопросе. Ребята терпеливо разъяснили, что ни о каком **серьезном** затруднении работы корабля речь не идет, и расположение щитов по бортам было вызвано именно военной необходимостью. Щиты демонстрировались не для красоты, а использовались в качестве реальной защиты членов команды. Ибо даже потеря одного гребца могла обернуться катастрофой в условиях боя.

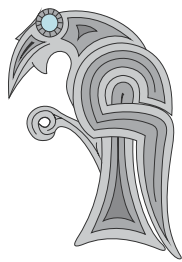

69...

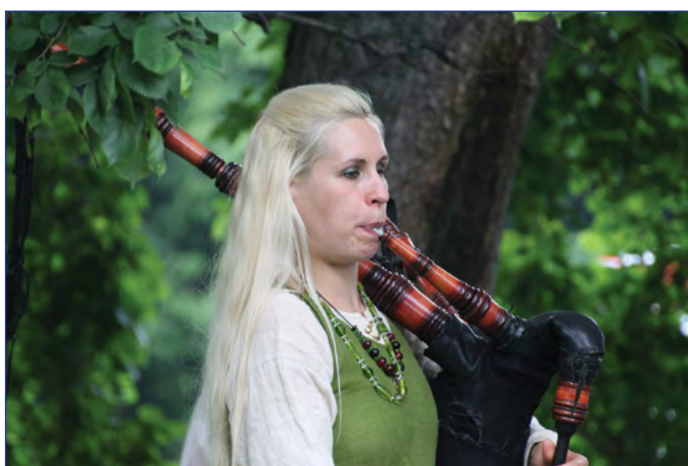
С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 18
2017

Но вернемся к главному событию фестиваля — Битве Тысячи Мечей. Страсти на поле боя накалились до предела: отзвучали яростные и воодушевляющие призывы к своим воинам от Конунга и Князя, была проведена последняя проверка амуниции и разрешенного оружия, оглашены правила боя. Осталось дело за малым: не определившиеся до сих пор клубы должны были принять свое решение и встать за спиной либо Князя, либо Конунга. Наверное, даже не стоит и говорить, за кого всем сердцем болела редакция журнала, посвященного Северной Традиции и истории скандинавских стран. И вы, наши читатели, должны себе хорошо представлять нашу радость, когда выяснилось, что боги в тот день были благосклонны именно к Конунгу. После того, как все «свободные» воины и клубы определились, его войска стали превосходить противника практически в два раза. Такой перевес был также обеспечен в результате еще одной хорошей новости: сердце Византийского вельможи все-таки было безоговорочно отдано Хозяйке усадьбы, а это означало, что его дружина также займет сторону Конунга. Кадры, как известно, решают если не все, то многое. И такое численное преимущество принесло лагерю викингов заслуженную победу в Великой Битве. И до самого вечера по всему фестивалю были слышны здравницы «За Конунга!» и звон кубков. Мы праздновали победу!

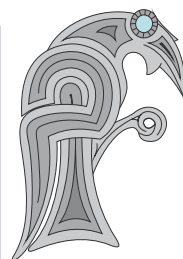

... 70

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

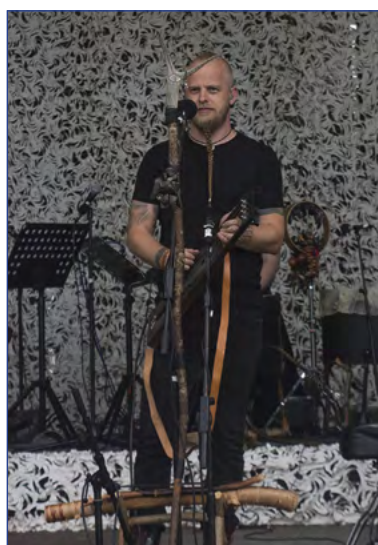
В
Е
Т
Е
Р

№ 18
2017

А после... После была магия и волшебство. Специальные гости фестиваля — норвежская группа **Wardruna** — совершала невозможное: завораживающий голос Эйнара менял пространство, переписывал время, стрелки часов крутились назад — и вот уже вокруг тебя не современная Москва, а Северный лес, и уже горит ритуальный костер и произнесены первые слова молитвы. И больше во всем мире нет никого. Только ты. Только боги. И ваш разговор уже начался...

На этом наш рассказ заканчивается. Осталось одно: выразить наши искренние благодарности агентству «Ратоборцы» и лично Наталье Шигаревой за прекрасно организованный фестиваль и возможность для нашего журнала принять в нем участие. Отдельно хотим поблагодарить Ковалева Валентина и КИР «Наследие предков», Баранова Ивана и КИР «Варяги», а также самого колоритного участника фестиваля — Ульфхеднара (дядю

Лешу) за интервью для нашего журнала (видеозаписи Вы можете посмотреть на стене нашей группы в контакте <https://vk.com/nordanvindr>).

Слава нашим богам!

Авторы фотографий:
Алексей Янулевич, Marina Krewska и Егор Масальцев.

71...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№18
2017

Ольга МАРКЕЛОВА

КИР «Rimmugýgur»

12-13 августа с.г. автору этих строк посчастливилось побывать на праздновании двадцатилетнего юбилея реконструкторского клуба „Rimmugýgur“ в г. Хапнарфьорд (город-сателлит Рейкьявика).

«Риммюгигюр» — далеко не единственный в Исландии викингский клуб, но старейший и, пожалуй, самый известный. В качестве его названия используется имя секиры Скарпхедина из древнеисландской «Саги о Ньяле». (Грозное оружие самого воинственного персонажа исландских саг названо именем некой великанши). Многие члены клуба носят на шее подвеску в форме этой секиры, а её изображение помещено на знамени.

Создатель и бессменный руководитель клуба — Хавстейн Кульд Пьетюрссон (Hafsteinn Kúld Pétursson). В далёком 1997 г. ему удалось объединить своих друзей на основе общего интереса к историческому фехтованию и культурному наследию исландского народа. Как ни странно, в первые годы существования «Риммюгигюр» туда пришло много членов местного парашютного клуба, которые хотели найти себе занятие

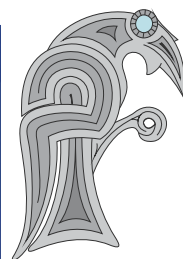

... 72

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 18
2017

на зиму. Сейчас из «стариков» в клубе осталось примерно человек 8, и среди них ни одного парашютиста. Новые люди приходят в клуб часто — но остаются из вновь пришедших от силы процентов 20 — впрочем, как и во многих обществах «по интересам».

Историю «Риммюгигюр» пока никто не изложил связно в книжной форме — но у них есть отчёты с годовых собраний, которые могут пригодиться будущим историкам и исследователям реконструкторского движения в Исландии.

Основные сферы деятельности клуба — боевые искусства и ремёсла. На сайте клуба можно найти статьи, посвящённые археологии и истории — но организованной просветительской деятельности (например, каких-либо докладов или лекций) в клубе не проводится; хапнарфьордские «викинги» просвещаются сами и обмениваются опытом в разных областях знаний: рукоделии, археологии, древнеисландской литературе и пр. Ведь, пожалуй, главное, за чем люди приходят в клуб — общение с «братьями по разуму».

В «Риммюгигюр» заявлено нечто вроде системы званий: руководитель считается «ярлом». (Как шуточно поясняет сам Хавстейн, становится конунгом ему в своё время показалось слишком хлопотно). Члены клуба,

занятые активной важной деятельностью (например, тренеры или ответственные за связь с общественностью), — «хирдманы». Когда на общем собрании кого-либо «повышают в звании», он получает право нанести позолоту на определённую часть подвески-секиры, которую носит на шее. (У «ярла» позолота на всём лезвию и на обухе, у «херсиров» — только на обухе и т.д. Наносить позолоту нужно самостоятельно). В одежде, этикетке, бытовом общении это разделение на «звания» не выражается никак (и даже не все члены клуба способны внятно объяснить, в чём оно заключается). Как ведётся у исландцев, здесь все равны, все друзья. Размер клуба (менее 100 человек) как раз таков, что все в нём могут дружески общаться со всеми.

Пока у клуба нет своего помещения (есть только склад инвентаря на одной из промышленных улочек на окраине Хапнарфьорда), поэтому встречи проходят нерегулярно. Однако бытовые трудности не мешают участию

в фестивалях и праздниках. На ежегодных фестивалях в т.н. «Деревне викингов» в Хапнарфьорде, собирающих реконструкторов со всей Европы, «Риммюгигюр» неизменно украшает своим присутствием как ристалище, так и ярмарку. Членов клуба также можно часто встретить на празднествах Языческой общины Исландии — хотя бы потому, что, по крайней мере, некоторые из них состоят в этой общине.

У «Риммюгигюр» хорошо налажены международные связи. Исландцы часто ездят на викингские фестивали в Данию (в основном в музей Мосгор (Moesgaard) в г. Орхус). Им доводилось общаться и с российскими реконструкторами — и они были поражены тщательной исторической выверенностью их костюмов. (У исландских «викингов» требования к костюмам нестрогие: скандинавские реконструкторы уделяют основное внимание не столько детальному отображению внешнего облика людей минувших эпох, сколько воссозданию их деятельности).

Само празднование юбилея представляло собой небольшой викингский фестиваль: недалеко от центра Хапнарфьорда на поляне были разбиты шатры, на вертеле жарилась баранья туша. Вход в лагерь был открыт для всех желающих. «Гвоздём программы» были инсценировки сражений, поставленные с большим мастерством, но и с изрядной долей юмора и самоиронии. (Так, поводом к началу одного боя послужило то, что кто-то зарезал и

... 74

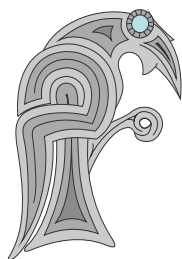

съел чужую корову; другой разгорелся из-за дележа наследства на похоронах...). В бою наравне со всеми участвовали девушки — это для «Риммюгигюр» вполне обычно. Зрительская аудитория состояла наполовину из детей, которые реагировали на происходящее очень живо: узнавали своих отцов, подбадривали сражающихся криками, а двое маленьких мальчишек, глядя на бой, тут же сами принялись с жаром рубиться своими деревянными мечами! После окончания боя, когда вся поляна покрылась телами «убитых», распорядитель обратился к зрителям: «Ребята! Хотите ещё крови? Хотите ещё бессмысленного насилия?» — после чего «убитые» «воскресли» и начался второй этап сражения.

Потом детей учили сражаться на деревянном оружии, и была детская битва. Дети в клубе — либо сыновья и дочери самих членов «Риммюгигюр» (реконструкторы второго поколения!), либо местные ребята, которые заинтересовались викингами сами по себе. И естественно, дети, вооружённые деревянными мечами и топорами, требовали тщательного присмотра. Как выразилась одна из членов клуба, «на фестивалях викинги частенько оказываются в роли нянек».

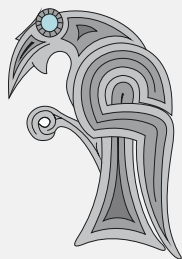
В честь двадцатилетия клуба Хавстейну вручили подарок: статуэтку викинга в кожаных одеждах. Когда у клуба наконец появится постоянное помещение, статуэтка займёт в нём почётное место.

75...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 18
2017

Ольга МАРКЕЛОВА

Сага о Ньяле
в стиле «модерн»

Друзья! Обычно мы в этой рубрике рассказываем о старых и новых фильмах, связанных с Северной Традицией. В этом номере мы решили отступить от правил и условностей и показать вам, как Традиция, оставаясь Традицией, может восприниматься и передаваться совершенно с другой стороны. Сегодня вас ждет рассказ о театральной постановке Саги о Ньяле, увиденной глазами современных исландцев. И что это будет за рассказ! Без сомнений, нам всем есть чему поучиться у потомков викингов. Не слепому следованию, но сохранению сути. Не копированию, но новым открытиям. Не бесконечному взгляду в прошлое, но движению вперед...

Из дневника Ольги Маркеловой.
16 ноября 2016.

Ходили в Borgarleikhúsið (Городской театр Рейкьявика) на спектакль «Njála».

Спектакль оказался воистину непредсказуемым! В нём было всё, что угодно:

— *постмодернизм*; (Герои и рассказчик читали книгу. Диалог: «Það stendur ekki í bókinni að þið Gunnar eigið að fara í sleik! — Láttu mig sjá bókina þína... Æ, þetta er skólabókaútgáfa!»). («А в книге не написано, что вы с Гуннаром должны целоваться! — Дайка, я посмотрю твою книгу... Ах, это издание для школьных библиотек!»)

— *гротеск*; (Гуннар был в золотом костюме, а Ньяля вывозили на сцену в костюме горы-толстяка со слоновьим брюхом и ногами, напоминавшего персонажа «Звёздных войн», — а потом он вылезал из этого костюма-бункера).

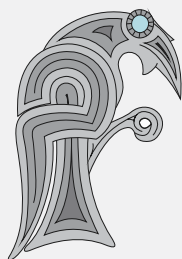
— *буффонада*; (Свадьба Гуннара и Халльгерд была сделана в виде гламурной вечеринки времён диско на поднебесном пароходе с винтами).

— *осовременивание*; (Скандал Халльгерд с Бергторой был решён в форме «rap battle»;

как часто у христиан бывают пышные праздники по совершенно обыкновенным дням).

Игра была более или менее условной. Действие не было непрерывным, но разбивалось на эпизоды, перемежавшиеся монологами рассказчика с книжкой. (Если учитывать, насколько велика сама сага, такое решение оказывается оправданным и даже необходимым). К тому же, не

в последних сценах *Скарпхедин* сотоварищи носили спортивные костюмы — *Скарпхедин* ходил с пистолетом — и вели себя как самые натуральные «братки»).

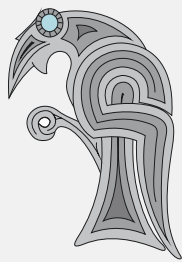
— *символизм*. (В начале второго действия на вращающейся сцене при красном освещении долго-долго корчились в немой муке люди, как бы обтянутые паутиной (в костюмах из капрона), а потом прибежали бодрые люди в спортивной форме, сорвали с них паутину, одели в такие же, как у себя, костюмы и заставили бежать по кругу — и всё это под седьмую сонату Прокофьева! Музыкальный руководитель пьесы перед началом второго действия объяснил зрителям, что Прокофьев читал саги и написал эту сонату, имея в виду приход в Исландию христианства. Про Прокофьева надо проверить; а сама по себе эта сцена была очень сильной и могла бы произвести мощное воздействие на зрителя даже отдельно от остальной пьесы. Но её связь с приходом христианства всё же не лежит на поверхности; а я толкую её как универсальный символ совсем иного содержания: страдающих людей загнали в рамки потребительского общества.) Приход христианства сам по себе символизировался свисавшей в задней части сцены блестящей мишурой (или пластмассовыми лентами), на которую дали такое освещение, что она стала похожа на рождественские украшения. (Христианизация — сплошное Рождество? Наверно, так это и выглядело для древних исландцев: в сагах они всё время удивляются,

все эпизоды шли в хронологическом порядке. Актёры взаимодействовали не столько друг с другом, сколько с рассказчиком (а иногда и сами вместо игры принимались рассказывать о своих дальнейших действиях — или читать по книге). Словом, это не реалистическая игра по системе Станиславского, а какой-то другой тип актёрской игры (постмодернистский? символистский?). Но образы получались узнаваемые, и чувства зрителя были напряжены. (Т.е. сопереживание героям никуда не девалось даже при нарочитой условности на сцене). Зачастую один и тот же актёр по ходу пьесы играл нескольких персонажей, даже не сменив причёски, — но и при условной манере игры этих персонажей невозможно было перепутать.

Условности в пьесе было вообще очень много, а реализм отсутствовал вовсе. Костюмы все условные: кроссовки, современные брюки... Актёр, игравший Гуннара, объяснил свой золотой костюм так: мол, он (хотя, скорее, режиссёр) именно так представлял себе наряд любимого персонажа саги, когда в дет-

77...

стве играл в супергероев. (Для исландских мальчишек Бэтмен, Супермен, Гуннар и Греттир — супергерои одного порядка). Оружия почти никакого на сцене не было (кроме того самого пистолета и пары топоров). Битвы и поединки отыгрывались в символической форме: при поединках убийца выливал на убитого ведро театральной красной краски, а побоище изображалось так: при полумраке на сцене и бешеной музыке герои били, рвали и топтали латексные манекены (бюсты с руками). Нелепо? Возможно. Зато когда эти растерзанные манекены были по окончании побоища сташены в кучу, они выглядели как самая что ни на есть натуральная гора трупов.

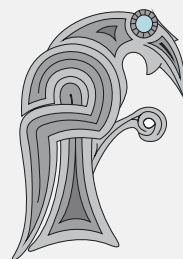
От романтического пиетета перед героями не было в пьесе ни следа. И немудрено, ведь она ставилась теми и для тех, кто неоднократно читал саму сагу и различные тексты по её мотивам, кто долбил её на уроках в гимназии, кто играл в неё в детстве, ... кто хоть раз в юности демонстративно плевал на «эту банальщину», но в зрелости возвращался к ней опять. «Сага о Ньяле» — не консервы эпохи народовластия (или, тем паче, эпохи романтизма), она вошла в подсознание, в плоть и кровь народа, она живёт и развивается вместе с ним, впитывает в себя его чаянья, идеалы, комплексы... Этот спектакль категорически противопоказан тем, кто считает, будто место саг только в башнях из слоновой кости, а романтический восторг — единственно верный способ их восприятия. Но тем, кто хочет

ответить на вопрос: «Актуальна ли для современности «Сага о Ньяле»?», — он подходит лучше всего.

Единственный эпизод, который мне не понравился, был в начале: история Хрута и королевы Гуннхильд. Её решили в буффонадном ключе: Хруту прицепили игрушечный фаллос, сооружённый из сверхдлинного блестящего воздушного шарика, и он размахивал им. Труппа «Leikfélagið Reðið» (театральный коллектив «Пешка»), ставившая спектакль по этой части саги в 2014 году, в своей интерпретации подала историю злоключений непутёвого жениха гораздо изящнее — и забавнее! А следом некая тётка цитировала Хельгу Кресс. (Хельга Кресс — профессор Университета Исландии, специалист по отечественной и скандинавской литературе). Таким необычным образом режиссёр решил впервые представить зрителю Халльгерд: на сцене неистовствовали девушки с париками в руках, напоминающие вакханок, а тётка сидела рядом на стуле и читала довольно длинный фрагмент из статьи Хельги Кресс, где анализировался образ Халльгерд с точки зрения феминистической

критики. В одном из следующих эпизодов эту тётку удалили со сцены.

Все эпизоды до антракта были выдержаны в стиле самой что ни на есть развесёлой комедии и даже фарса. А после антракта уже началась высокая трагедия. (Та сцена с людьми в паутине открывала собой продолжение после антракта).

Сцена пожара была решена так: по блестящим лентам, которые так и висели в глубине сцены с эпизода христианизации, вдарили со всей мощи лучом прожектора золотистого цвета, а на сцену напустили театрального дыма. А персонажи и рассказчик стояли в этом дыму и говорили, что сейчас происходит...

Итак, постмодернизм жив, хотя фэрерский культуролог Ким Симонсен похоронил его ещё 10 лет назад. И меня радует, что жив оказался лучший извод постмодернизма — я для себя называю его «постмодернизм со смыслом», — и *сверхавангардная* постановка не вылилась в эксперимент ради эксперимента и не только прельщала зрителя своей формой, но и затрагивала его разум и чувства.

Публика в зале была самая разнообразная: в театр в тот вечер пришли исландцы всех поколений, в т.ч. молодёжь. И все живо реагировали на происходящее на сцене.

Источник фотографий:

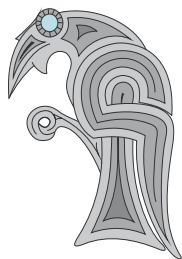
<https://www.borgarleikhus.is/syningar/njala/>

79...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№18
2017

Ольга МАРКЕЛОВА

Педер Арребё¹

Продолжение. Предыдущие части пронзительной истории жизни лютеранского священника, который меняет религию на язычество, и про то, как дальше изменилась его жизнь, вы можете прочитать в 11–17 номерах нашего журнала.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДОМ В ТИНГХОЛЬТЕ

На одном хуторе жила баба, и у неё было единственное веретено. А работник сломал его. Она принялась бранить его, а он говорит: «Прости меня!» Баба отвечает: «Почему это я должна прощать тебе, если я не прощаю даже тому, кому должна всё прощать?» — «А кому ты должна всё прощать?» — спрашивает работник. «Кому? Господу богу моему!»

Исландский народный анекдот

Три недели воевал против собственной души.

Три недели пропадал в зачарованной глуши...

«Чёрный Лукич»

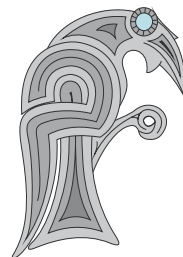
У бывшего служителя датской Фолькекирке Педера Дитлефсена Арребё, конечно же, не оказалось девяти с половиной миллионов датских крон, которые суд обязал его выплатить в связи с погромом, учинённым им в здании банка на улице *** в Торсхавне, порчей имущества и оскорблением работников полиции при исполнении служебных обязанностей. Поэтому позорный штраф был заменён не менее позорной отсидкой в тюрьме Вестре в родном Копенгагене.

Сначала, когда дело только поступило в суд, Педера хотели обвинить ещё в убийстве директора банка и одной из кассирш, которые в день погрома странным образом исчезли с рабочего места. Но вскоре обнаружилось, что в списке пассажиров самолета авиакомпании «SAS», вылетевшего в день погрома из аэропорта на острове Вогар, присутствовали фамилии Д.Опперман и Б.Кр. Саллинг, — и это обвинение было снято, а того, кто его выдвинул, подвергли осмеянию.

Но это не спасало положения. В ходе судебного процесса к главному преступлению Педера — погрому банка — стали прибавляться всё новые и новые провинности. Они не были социально опасными, ни за одну из них не полагалось статьи ни по одному кодексу, и всё же они выставляли обвиняемого в очень неприглядном свете.

Судебный процесс над Педером неожиданно привлёк к его персоне датскую церковную общественность. Пожалуй, первый раз за всю свою жизнь он попал в центр внимания коллег и выс-

¹ Описанные в романе события в общественной жизни Исландии имели место в реальности. События в жизни персонажей, как и сами персонажи — литературный вымысел.

ших церковных властей. Когда он бродил по холодным каменным улицам Копенгагена, а потом по кривым серым горам, окружившим крошечную столицу за океаном, нося в груди скребущего паука, покрытого пустым выхолощенным крестом, никто из них не поспешил к нему на выручку, не помог найти на паука управу. Но стоило ему сникнуть под властью чёрного многоногого существа у себя в груди — они уже были тут как тут... Простые и электронные письма, уведомления в конвертах, обычные слова, сказанные при личной встрече и по телефону, закружились вокруг него, как стервятники вокруг павшей овцы. Почему он сам не обратился за помощью, когда знал, что его затягивает в болото и один он из него не выберется? Может, он полагает, что он сильнее и лучше других, и потому справится сам? Что за странные идеи о взаимоотношении бога и человека он вбил себе в голову? Он одно время занимался подготовкой к конфирмации фарерских юношей и девушек, — кто конкретно к нему ходил? Понимал ли он, какую ответственность берёт на себя?..

Перехода в чужую веру ему тем более не простили, особенно того, что он почти сразу сделался верховным жрецом в нехристианской религиозной общине, пусть даже эта община насчитывала меньше пяти человек... А главное — предприняв такой дерзкий поступок, Педер Арребё не поставил своих коллег и церковное начальство в известность, забыл выйти из датской протестантской церкви, написав положенное заявление и заполнив анкеты... Разумеется, не все служители датской церкви были закоснелыми ретроgrадами, отнюдь, среди них было много свободомыслящих людей, при других обстоятельствах они могли бы вступить за смельчака, ищущего свой путь, но сейчас речь шла об крушащем здании агрессоре — и они предпочли оборотиться против него...

К тому же дело Педера подвергли публичной огласке. Сначала короткие репортажи о бесноватом попе, разгромившем здание банка на далёких Фарерах, стали попадаться то тут, то там в датских газетах, очевидно, они предлагались вниманию читателей в качестве курьёза. Сперва в общенациональных газетах, потом в региональных... Может, читатели посмеялись бы и забыли, как они вообще забывают малоактуальные новости, не касающиеся их повседневной жизни... Но через некоторое время его портрет уже украшал вторую полосу «Berlingske Tidende», а под ним был заголовок: «Крестовый поход с ломом в руке». Искания и ошибки Педера стали достоянием всей читающей публики...

Однако дальше всех пошёл Йоханн Хендрик Хейде. Он написал о своём бывшем коллеге и приятеле обличительную статью в «Диммалэттинг», которая была, в сущности, не более чем пересказом сплетен, ходивших о Педере в той части Торсхавна, где он жил. На этом Йоханн Хендрик не остановился. Очевидно, роль сотрудника газеты и блюстителя нравов понравилась ему настолько, что буквально через неделю он поместил ту же статью в другой крупной фарерской газете — «Сосиалурин», а потом в родном датском «Христианском вестнике», изменив все имена и присовокупив к ней пространное рассуждение о моральном облике современных пасторов, которые за спиной у прихожан и коллег меняют веру на что-то совершенно непотребное, общаются с — как там было написано — «идолопоклонниками» и «экстремистами», а кончают злостным хулиганством и разбоем. Очевидно, для того, чтобы уж совсем изничтожить бывшего приятеля, Йоханн Хендрик вспомнил проходивший в ту пору в Америке судебный процесс над одним католическим священником, который оказался извращенцем и насильствовал юных прихожан, прикрывшись «тайной исповеди»... Неужели торсхавнский пастор П.А. не понимает, что своим поведением он создает прецедент и открывает дорогу в датскую церковь для таких вот проходимцев?

Педер читал это всё уже потом, в тюремной библиотеке. Странно, что там вообще оказались фарерские газеты, словно кто-то нарочно хотел, чтоб эта клевета дошла до Педера и лишила его последних душевных сил...

К счастью, а может быть, к сожалению, Педера признали вменяемым. Поэтому наказание за свои поступки ему тоже пришлось нести по полной программе.

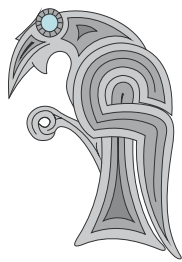
В тюрьме он держался замкнуто, никому не отвечал на вопросы

81...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№ 18
2017

о своей жизни и о том, за что он попал сюда. Впрочем, ему оказалось трудно разговаривать с уроженцами родного Копенгагена и знакомых с детства датских островов. На Фарерах он часто делал в недавно выученном языке грамматические ошибки, мешал фарерские слова с датскими, но его все понимали; а здесь ему приходилось постоянно переводить свои слова на какой-то чужой датский язык. Вскоре он отчаялся заговаривать с людьми.

В дальнейшем он упрямо отказывался от помощи психологов, хотя даже неспециалист мог поставить ему диагноз «депрессия в особо тяжёлой форме». Он считал, что так будет правильнее: человек должен сам выпутываться из своих затруднений, коль скоро он сам сумел запутаться, а прибегать к чьей бы то ни было помощи означает признать свое поражение... Он всё ещё был гордым... К тому же Педер не вынес бы, если б его жизнь, его боль стали только материалом для чьей-то стерильной и бесстрастной науки, одним из «случаев», с которыми имеют дело психологи...

Большинство его сокамерников были из тех, кого в новостях интересует только футбол и личная жизнь американских рэпперов, поэтому они ничего не знали о решающей битве, разыгравшейся на зелёных склонах Торсхавна. Суровое молчание Педера в сочетании с интересом к нему общественности сделало его в их глазах страшным человеком.

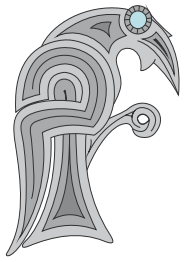
Бессонными ночами, когда всё вокруг глухо и даже боги молчат, Педер пытался проанализировать свою совместную жизнь с Байнтой и определить момент, в который могло бы начаться их взаимное отчуждение, приведшее к разрыву, к безумию, к безраздельной власти паука. Но в голову лезли какие-то незначительные детали: маленькая проходная кухня с массивным холодильником, в который Байнта прятала сыр и паштет; водянистый октябрьский рассвет над островом Нолсой; навязчивая музыка за облупленной дверью продуктового магазинчика с пожелтевшей рекламой молодёжного журнала; бурная ссора Мэлан с подружкой по телефону... И ещё вспоминались сочные, небудничные рассказы Арнльота. Арнльот несколько ночей подряд дрался с призраком. Его едва не побороли, он по чистой случайности вышел из этой схватки победителем. Педер каждую ночь борется с призраками. Но у него нет книги, которой можно ударить назойливого друга по голове. Чёрные думы нельзя разогнать чтением: во-первых, строгий внутренний распорядок не позволяет заключённому валяться с книжечкой дни напролёт, а во-вторых, он давно убедился, что тюремная библиотека была, очевидно, рассчитана на людей, которые никогда в неё не заглянут. Но там были эти газеты... И статьи в газетах давали новую пищу пауку в груди; пауку было раздолье... Педер слышал, как его сокамерники говорили, что они, мол, попали «туда, где дверная ручка не с той стороны», или что они «на Майорке — чтобы загореть в клеточку». Сам он называл место своего заключения гораздо короче: «у паука».

По ночам он пытался молиться Фрейру и Тору. Иногда от этого становилось легче. Педер ещё не привык говорить с этими богами, плохо представлял себе, как призывать их, о чём просить. Когда ему хотелось установить контакт со светлым Фрейром, избранником которого он оказался в тот августовский вечер, сознание всё время подсовывало ему какие-то обрывки затверженных в детстве христианских молитв, в которых, как назло, постоянно фигурировало слово «смирение». «Я не смиренный, я поверженный; это разные вещи», — поправлял себя Педер, когда ловил себя на очередной обмолвке. В конце концов, он прекратил оформлять свои просьбы к богам в связные речи — просто сидел и припоминал всё, что слышал о Фрейре в юности или то, что рассказывали ему Арнльот и Олав. И всегда оказывалось, что он очень хорошо представляет, чем именно светлый Фрейр отличается от того бога, которому Педер служил прежде, но знает о нём слишком мало, чтобы объяснить, что делает его именно Фрейром, не похожим на всех других богов. Имеет ли он право молиться тому, чью сущность до сих пор не познал? (При всём том, его избрали годи Фрейра — правда, второпях и во хмелю... или это Бергур неправильно истолковал то, что посчитал «знаком»?) Он спешил сам себе возразить на такие мысли, что бога христиан он пытался познать на протяжении многих лет — и самостоятельно, и с помощью учёных книг и многомудрых людей — и всё равно не достиг в этом ни малейших результатов; а Фрейр не уступает христианскому богу по сложности и многогранности, так что глупо надеяться, что он откроется неофиту с первого раза. Союз с ним надо выпестовать и выстрадать. Но сейчас он может попросить у богов совета. Просить не стыдно.

«Светлый Ингви-Фрейр, из глубины паучих темниц зываю я к тебе: дай мне сил выбрать тропу, по которой можно уйти прочь от власти паука... Коль выбор не сделан, то много путей перед тобой пролегло... Если же я в чём-то поступил неправильно, то прости мне, якоже мы прощаем должникам нашим. Солнце за нас!»

Молитва скомкалась, слова смешались... Но в душе Педера живёт уверенность, что боги его слушают; его молитвы не разбиваются о холодную твердь небес. Ведь боги не на небесах, они рядом с человеком (он явственно ощущает их близость), только они в другом — параллельном — пространстве.

Праздновать в тюрьме Рождество Педер отказывался: он ждал не Рождества, а Солнцеворота. Он спрашивал сокамерников, знают ли они, что солнце — это огненное колесо Фрейра. После пары таких вопросов он прослыл среди других заключённых сатанистом, и они стали чувствовать его ещё больше.

Кто кого предал?

Теперь все связи обрублены. Он не знает, где Байнта, жива ли она, и что стало с Опперманом, и куда делась после исчезновения матери Байнтина дочь — девятнадцатилетняя Мэлан, осталась ли она в Торсхавне или уехала от греха подальше в другое место? Он ничего не слышал и о своих друзьях: Олаве, Арнльоте и юном Бергуре, с которыми решил основать новую языческую общину. Он никогда не смел писать им из тюрьмы: боялся, что происшествием у банка он запятнал не только свою, но и их честь, убил в зародыше новое сообщество свободных самостоятельных людей, неподвластных пауку. А они — юные, идеалистичные, имеющие представление о тюрьме только по кинофильмам, — они, наверно, решили, что Педер лишён права переписки и что беспощадные тюремщики каждый день обыскивают его, отбирая малейший клочок бумаги, сквернейший обломок грифеля, — поэтому никто из них не надеется получить от него весточку...

Один раз, правда, до Педера дошли слухи, что будто бы в тюремной конторе свидания с ним просил молодой кудрявый парнишка, говорящий по-датски с характерным акцентом: не то норвежским, не то исландским; но он не сумел внятно объяснить, кем ему доводится Педер Арребё, поэтому его не пропустили... Он не знал, стоит ли верить этим слухам... Но даже если бы это оказалось правдой, что бы он сказал товарищу, если бы свидание всё-таки разрешили и они встретились бы лицом к лицу, глаза в глаза? Педер был сломлен, он запутался, словно в крепкой паутине, во множестве безрадостных вопросов, на которые никакие боги до сих пор не подсказали ему ответ. И главным из этих вопросов был: как солнечная Байнта могла предать его?

Он был обречён размышлять об этом в одиночестве: среди сокамерников у него не было собеседников.

Один раз он всё же вступил в разговор — даже не столько для того, чтобы облегчить душу, сколько для того, чтобы, слушая рассказы о чужих бедствиях, отвлечься хоть на время от своих. Он разговорился с Джонни Пять Процентов — старожилом своей камеры. Тот с ухмылкой рассказывал о том, как в него влюбилась девушка: она посылала ему стихи и сушёные травы, была готова идти за ним хоть на край света. Он, смеясь, сообщал, что когда он впервые сел в тюрьму, она пыталась носить ему гостинцы и деньги: «А у неё зарплата ваще никакая, ну ты прикинь, к чему мне такие гроши. А она мне их прямо суёт. Вот смешная!»

Вот, значит, каковы современные люди: трогательную преданность они могут посчитать досадным курьёзом... А может, и Байнта воспринимала его любовь как-нибудь не так, как ему хотелось бы верить? Ведь она гораздо больше, чем он, общалась с людьми на своём веку, она дважды побывала замужем (в отличие от одиночки Педера, который в юности при любой попытке найти с девушкой общий язык сам пугался своей дерзости и шёл на попятный). В конце концов, она воспитала дочь. У неё есть опыт и внутренняя сила. А он — бледный копенгагенский червь — в состоянии противопоставить всему этому только жалкие корочки с теологического факультета да свою извечную нерешительность...

В самом деле, кто он для обожаемой солнечной женщины? Он — представитель устаревшей и почти комичной имперской духовной власти в свободном Торсхавне, лепечущий, безбожно коверкая грамматику, на сильном и прекрасном родном языке своей возлюбленной. Когда они только начали общаться, она терпеливо объясняла ему, как правильно и красиво сказать по-фарерски самые простые фразы. Наверно, точно так же солнечная женщина учила говорить свою дочь...

Очевидно, так и есть: он для неё — дитя, и она считала себя обязанной защищать и наставлять его. А ещё — жалеть. По вечерам в спальне, при свете прозрачной морской луны над островом Нолсой, ему так нравилось смотреть в её глаза и наблюдать, как собачья тоска в них сменяется тихой иномирной негой... Но теперь — когда между ним и тёплым торсхавнским альковым

83...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 18
2017

встало уже столько жгучих слов и столько железных дверей — он стал сомневаться, что прежде понимал этот взгляд любимой правильно. Сейчас он был уверен, что в её взгляде в те минуты была не нега, а жалость — та самая, которая, согласно расхожей поговорке, «унижает человека».

Да он и был достоин жалости. Всякий раз, когда, переволновавшись днём на работе или крепко задумавшись о чём-то, он по вечерам в спальне не справлялся со своей задачей, он в отчаянии вскакивал с постели и дезертировал от томных разгорячённых боков любимой женщины на унылую кухню. Там он нервно пил кофе и глотал успокоительное, а вокруг была холодная пустыня позора и горя.

А через некоторое время к нему спускалась она; мягкая голая рука обвивала его плечо; в уши лились слова о том, что он — личность с прекрасной душой, и она любит его за это, а утехи плоти — просто дополнительный бонус к драгоценному дару — союзу с понимающим человеком. А потом она обнимала его ещё крепче и говорила, что сегодняшняя ночь, несмотря ни на что, была замечательной. И ему вновь становилось уютно в его индивидуальной ледяной пустыне. И она провожала его в спальню.

... Теперь он даже этот её жест истолковывал по-другому: она не провожала, а водворяла его обратно в спальню, как сбежавшую комнатную зверушку.

Если он и впрямь был в её глазах таким ничтожеством, значит, он не должен даже поднимать вопрос о том, была ли Байнта предательницей. Разве мы говорим, что кто-то предал своего хомячка или аквариумную рыбку? Вряд ли солнечная женщина даже посчитала свой уход от Педера серьёзным шагом. И он не вправе обвинять её за это, взывать к её совести... Скорее, ему следует винить только себя за свою никчёмность...

Со временем он понял, что глупо сводить это происшествие к топорному вопросу: «Кто виноват: Байнта или Педер Арребё?» Ведь они жили в зелёном городе не одни... На самом деле их обоих предали: вместо лучистого светила вдруг развернулся многолапый замаскированный паук на небе, имя которому — мистер Опперман, а на месте глаз в его морду вдавлены жёлтые монеты... Он-то и был главным предателем... Он коварно зашёл с тылу к Байнте, загнал её в угол и предложил такой выбор, где каждая из двух возможностей была в равной мере чревата изменой... Байнта (как ему до сих пор хочется в это верить!), в сущности, не подлая, не коварная, её просто вынудили стать предательницей, — и тогда она послушно воткнула нож в спину Педера — но это не её вина, в этом случае убийца сам был жертвой...

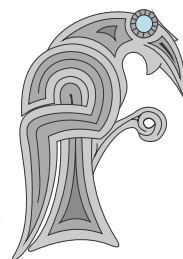
И он, Педер, — жертва, в этом нет сомнений. А жертве не пристало стыдиться своего поражения, наоборот, она имеет права рассчитывать на жалость, на защиту, на отмщение, взывать к справедливости... Он сам никого не подставил, с ним не поругался никто из близких. (Если не считать обличений в газетах, написанных Йоханом Хендриком Хейде — но тот никогда не был по-настоящему близким другом Педера). Он может печалиться, гневаться, но сгорать со стыда и корить себя ему не нужно.

Друзья, вероятно, примут его с распростёртыми объятьями, когда он выйдет из тюрьмы, и так же, наверно, поступит большинство его знакомых и бывших учеников в Торсхавне, которым он в бытность свою священником успел преподать начатки христианских добродетелей. Человеческая природа, в сущности, не злая и устроена просто: они готовы метать громы и молнии заочно: в газетах, в интернете, в разговорах с соседями, — но поставь их лицом к лицу с тем, кого они осуждают, и они побоятся высказать живому человеку своё мнение в глаза...

О, он много раз говорил себе это, истощал свой разум в нахождении аргументов... Но холодный постмодерный город за много лет надёжно приучил его к мысли, что пострадавший всегда будет виноват сам и что быть жертвой обстоятельств позорно, ведь это означает, что ты — простачок, у которого не хватило ума распознать подвох ...

Куда идти?

Выйдя из тюрьмы, Педер Арребё понял, что податься ему совершенно некуда. Копенгаген был разверстой дырой, где люди — вновь прибывшие, вернувшиеся и никогда не выезжавшие — катились вниз, в холодную каменную глотку. Здесь страсти, разгоревшиеся вокруг судебного процесса над Педером, уже успели улечься за те два года, что он провёл за решеткой, все заняты своими заботами; но в городе всё под контролем, в один прекрасный момент вся необходимая информация о нём всплывёт снова. Он не сможет устроиться на привычную работу...

Путь в Торсхавн ему тоже, пожалуй, заказан. В маленьких спокойных городах люди забывают медленнее. В фарерской столице о его крестовом походе на банк знали все, многие видели своими глазами; всю прошедшую зиму домохозяйки в своих гостиных и покупатели в супермаркете «SMS» только и говорили об этом. В этом городе Педер Арребё уже давно не был собой, он был только «поп из Копенгагена, ну, который с Байнтой Саллинг, она ещё сбежала с директором банка, Опперманом, знаете? А копенгагенский парнишка как узнал, что она его бросила, так сразу в слёзы, а потом схватил монтировку, побежал к банку и наворотил делов... Да, конечно, повязали... Года на два... В Копенгагене». Большая часть этих рассказней исходила от старой Сунневы Никласен, живущей по соседству с Байнтой (как будто это не она утешала Педера, рыдавшего у неё на руках).

Но даже если бы заботливые соседи не создали ему такую репутацию, всё равно он не отважился бы вернуться в город, где по капле вытекла его уверенность в себе, его едва обретенная сила, где он рухнул, заживо съеденный чёрным существом в своей груди. В город, где он потерпел поражение. Тогда он едва обрел внутреннюю гармонию, едва сбросил с души ненужную броню, мешающую идти вперёд (ему стоило такого большого труда постичь, что это была именно броня, чужая, холодная, а не продолжение его собственного тела, и что она мешает, а не защищает). Он только что впервые в жизни по-настоящему подружился со всеми богами, обрёл товарищей в мире людей — обрёл любовь — и именно в этот самый момент недремлющий враг нанёс ему удар: грязной мыльной тряпкой по ликующей развёрнутой душе, тяжёлым зазубренным топором по незащищённой спине. Солнечная женщина, в чьих глазах он каждую ночь ловил отражение синего и святого торсхавнского неба, в присутствии которой развеивались чёрные мысли, — оказалась невольной союзницей паука, а он, Педер, это проглядел... Почему до него сразу не дошло, что, работая в банке под началом Оппермана, его возлюбленная служит тому, чёрному, что она тоже тянет свою ниточку во всемирной паутине — туда, к центру круга, где сидит такой же жирный и ненасытный опперман, только побольше... И немудрено, что она досталась пауку, или, может быть, добровольно выбрала паука, а не борца с пауком, много лет пытавшегося найти на мерзкое существо управу.

Педер опять был один.

Продолжение следует...

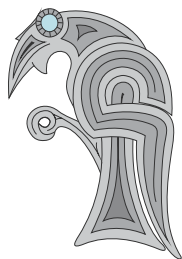

85...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 18
2017

Из современной исландской ПОЭЗИИ

Перевод приводимого
здесь стихотворения
публикуется с согласия
авторов.
Перевод Ольги МАРКЕЛОВОЙ.

СИГУРД ПАУЛЬССОН

СОЛЬ. Стихотворения в прозе

Одно время я всегда поступал так: бумажные пакетики с солью и перцем, какие подают к еде в самолётах, а заодно и такой же пакетик с влажной салфеткой непременно забирал с собой, а после клал в ящик стола.

Когда я потом натыкался на них, я с каким-то особым приятным чувством вспоминал свои поездки и разные места за границей. Но часто наряду с этим меня охватывал страх, что я, возможно, больше никогда никуда не уеду. Что я по каким-либо причинам окажусь навеки замкнут в пределах этого отечества, родины-матери с родным языком.

И тогда оказывалось весьма кстати вновь вспомнить то самое ощущение свободы, и я брал в руки эти пакетики с солью, перцем и влажными салфетками.

Мало-помалу пакетики поистрепались при переездах и в конце концов утратили всю свою притягательную силу – и всё же мне никогда не удавалось их выбросить. Мне почему-то казалось, что это был бы дурной знак. Что как раз тогда это и случится: колесо Фортуны резко повернётся против меня, и я по каким-либо причинам больше никогда никуда не поеду. Никогда-никогда.

Не скрою, что с годами эти старые потёртые пакетики начали действовать мне на нервы, особенно, когда я начинал прибираться в ящиках стола.

И всё же они так и лежат там. Сложенные салфетки, когда-то бывшие влажными от очищающей жидкости, а теперь давно засохшие.

Крошечные пакетики с несколькими миллиграммами старого перца и соли.

Вечной соли. Вечной тоски по дальним краям.

Вечной тоски по дому.

Скаðакvíða (Песнь о Скади)

Юрий СЛЕПОВРОНСКИЙ

От автора:

Данная песнь — авторская попытка переложить в «старшеэддический» формат миф о появлении Скади в Асгарде, известный по Младшей Эдде. Я постарался приблизить текст к уже известным песням Старшей Эдды, а русскую версию — стилизовать под переводы Корсуна, делая её более литературной.

Работа по созданию началась летом 2016 года: были написаны всего две строфы. Спустя год я вернулся к этому произведению и смог, наконец-то, завершить то, что было задумано.

Я ни в коем случае не претендую на то, чтобы данное произведение послужило каким-то «дополнением к Эдде». Не претендую я и на некую «аутентичность». Это — совершенно самостоятельное авторское видение уже известного мифа. Тем не менее, я старался следовать канонам эддической поэзии настолько, насколько то было возможно.

Особенностью создания «Песни» является то, что сперва был написан русский текст. Затем — переведён на древнеисландский. Но, чтобы соблюсти каноны древнескандинавской поэзии, многие фразы приходилось при переводе изменять, слова — заменять синонимами, предложения — перестраивать, некоторые части — отбрасывать вовсе. Естественно, это повлияло на то, что в итоге и русский текст стал несколько отличаться от первоначально написанного.

В отношении некоторых эпизодов мифа в «Песни» представлена авторская интерпретация мифологических событий. Эти моменты снабжены примечаниями, объясняющими то, чем я руководствовался при написании.

В силу своего несовершенного знания древнеисландского языка, я не исключаю того, что «Песнь» может содержать некоторые неточности стилистического характера. В некоторых местах откровенно хромает аллитерация и сбивается ритм, что, впрочем, на мой взгляд, не является существенным недостатком: и в аутентичных песнях Эдды есть те, в которых присутствует подобное.

87...

Русский текст

Древнеисл. текст

Примечания

1.
Сидела одна Скади
в горных чертогах,
дочь молчаливая
йотуна Тьяцци.
Хмурила брови,
слушала ветры,
желала узнать
о судьбе отца.

1.
Sat ein Skaði
í bjarga söllum,
þögul dóttir
þjazza jötuns.
Hleypti brúnum,
heyrði vinda,
vildi at vita
örlog föður.

— букв. «в залах гор»

— букв. «судьбу отца»

2.
Вести дурные
принесли ветры:
был убит Тьяцци
в Богов Ограде.
Поднялась Скади —
белоснежная дева,
чтоб к асам поехать,
мстить за отца.

2.
Fréttir illar
vindar báru:
var drepinn þjazzi
í Ásgarði.
Stóð upp Skaði
snæhvít brúðr,
at fara til ása
at föður hefna.

— báru – букв. «несли»

— brúðr – букв. «невеста»

— букв. «отомстить отца».

3.
Броню надевала
и лук брала,
стрелы точила,
шлем надевала.
Светлая Скади
на лыжах помчалась,
к асам отправилась
мстить за отца.

3.
Bar hón brynju ok
tók boga, hvessti
hón örvar,
hjálmm hafði á höfði.
Þá skír Skaði
skreið á skíðum,
fór hón til ása
at föður hefna.

— букв. «шлем имела на голове».

— þá – «затем».

— букв. «скользила на лыжах».

4.
Ехала долго
невеста ясная,
Тьяцци дочь,
Скади на лыжах.
Солнце светило
на снег холодный.
Добралась к асам
к зимы исходу.

4.
Fór þá lengi
fögr brúðr,
dóttir þjaza,
Skaði á skíðum,
sól skein ofan
á snæ kaldr,
kvam hón til ása
at enda vetrar.

— букв. «красивая невеста»

— букв. «солнце светило сверху».

— букв. «пришла она к асам».

5.
К стенам пришла
асов жилища,
к высокой ограде,
турсом построенной.
Взяла она лук,
тетиву натянула,
треляла в ворота
крепости асов.

5.
Kvam til veggja
ása heima,
til hárar borgar
er þurs gerði.
Boga hón tók,
bogastreng dró,
til hliðs skaut
ása borgar.

— borg – букв. «ограда, крепость».

— букв. «что турс построил».

— букв. «брала она лук».

— букв. «натягивала тетиву».

6.
Шум у ворот
услыхали асы,
дикие ветры
встрясли Вальхаллу,
град и пурга,
обрушились сверху,

6.
Hlunkr at hliði
heyrðu æsir,
villir vindar
Valhöll hristir.
Hríð ok hagl
hröpuðu ofan,

... 88

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 18
2017

щиты кровли дома
грозились рухнуть.

[Один сказал:]

7.
«Что за шум
у ворот я слышу?
Щиты кровли дома
грозятся рухнуть.
Неужто настал
век бурь и волков?
Неужто Жадный
сорвался с привязи?»

8.
Меч обнажи, Бальдр,
Хлорриди, возьми молот:
турсово племя
осаждает дом асов.
Валькирии, встаньте,
будите эйнхериев,
пойдите к воротам
чудовищ крушить».

9.
Меч обнажил Бальдр,
взял Хлорриди молот,
Валькирии встали,
проснулись эйнхерии.
Мечи обнажили,
с братьями вышли
к воротам Асгарда
чудовищ крушить.

[Бальдр сказал:]

10.
«Не вижу я племени
турсов кишашего,
лишь юнец безбородый
стоит у ворот.
Кто ты, муж юный?
Как твоё имя?
Какого ты рода?
Ответ дай немедля!»

11.
Взглянула на Бальдра
светлобровая дева,
сняла она шлем,
опустила оружие.
Пурга и град
прекратились тотчас.
По сердцу пришёлся
ей Видрира сын.

skjöldþak salar
var búið at skreppa.

[Óðinn kvað:]

7.
«Hvat er þat hlunkr
at hliði ek heyri?
Skjöldþak salar
er búið at skreppa.
Eða hvárt kemr
vindöld ok vargöld?
Eða hvárt freki
frá festi leystisk?»

8.
Búðu brand, Baldr,
taktu hamar, Hlórriði.
Þursa þjóð setjask
um ása þorp nú.
Valkyrjur vakið,
vekið einherja,
til hliðs gangið
at glata grömum».

9.
Bjó brand Baldr,
tók hamar Hlórriði,
Valkyrjur vöktu,
vöktu einherjar.
Bjöggju þeir bröndum,
með bróður gengu
til hliðs Ásgarðs
at glata grömum.

[Baldr kvað:]

10.
«Þjóð ek sé eigi
þursa þykkust,
sveinn einn skegglauss
stendr at hliði.
Hver ertu, sveinn?
Hvat er þitt nafn?
Hverjum ertu of borinn?
Svara þú mér nú!»

11.
Þá leit á Baldr
brúnhvít brúðr,
hón lagði vápn
ok tók hjálm af höfði.
Hríð ok hagl
hættu at hrapa.
Verðr vel henni
Viðris son at skapi.

— букв. «щитокровля» – от skjöld —
щит, þak — кровля

— букв. «век бурь и век волков».
— «Жадный» — здесь подразумевается Фенрир.

— букв. «подготовь клинок».

— букв. «поселение асов».

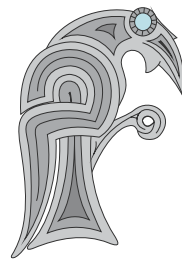
— букв. «подготовил клинок».

— букв. «готовили они клинки».
— «с братьями» — Тор и Бальдр –
братья по отцу.

— букв. «отвечай мне теперь».

Очевидно, что Скади должна была видеть Бальдра и знать о его красоте до того, как она выбирала себе мужа. Иначе, почему в «Младшей Эдде» специально подчёркивается, что она надеется выбрать именно его? Исходя из этого, я и ввёл в «Песнь» Бальдра, а также этот эпизод.

— букв. прочтение строк: «оказался хорош для неё сын Видрира на вид». Видрир – одно из имён Одина.

89...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 18
2017

[Скади сказала:]

12.
«Не муж вовсе я,
не юнец безбородый.
Я родом из йотунов,
Скади зовусь я.
За Тьяцци – отца –
мести я жажду,
затем я явилась
к богов жилищу».

[Локи сказал:]

13.
«Коль будем мы биться
с йотунов девой,
гибель грозит нам
в Богов Ограде.
Лучше нам будет
за Тьяцци дать выкуп –
мужа из асов –
чтоб мир заключить»

14.
Собрались все боги
тогда на совет,
в Высокого доме
спорили долго.
Решили в мужья
отдать того деве,
кого по ступням лишь
сама она выберет.

15.
В круг встали боги,
укрыли лица,
сняли прочь обувь,
ступни обнажили.
Недолго смотрела
невеста светлая,
недолго мужа
себе выбирала.

16.
Едва отыскала
ноги красивые,
так речь повела
могучая дева:
«Знаю, едва ль что
нелепо у Бальдра,
его я в мужья
себе выбираю».

17.
Приблизилась ясная,
покров подняла —
увидела вовсе
не Бальдра милого.

[Skaði kvað:]

12.
«Ek em eigi maðr
eða sveinn skegglauss.
Ek frá ætt jötna,
Skaði ek heiti.
Vil ek at hefna
föður míns – Þjazzi,
því at ek kem nú
til ása heima».

[Loki kvað:]

13.
«Ef munum vér berjask
við jötna meyju,
mun gera hón skaða
oss í Ásgarði.
Beta at gefa
föðurgjöld henni,
mann af ásum
til sættar gera»

14.
Senn váru æsir
allir á þingi
í Háva höllu ok
réðu lengi.
Skiptu at gefa
þann til meyjar
er at fótum einum
skal hón kjósa.

15.
Höft hring slögu
ok huldu andlit,
drógu af skúa
ok fætr beruðu.
Lengi eigi leit
ljóshærð brúðr,
Lengi eigi mann
hón sér kaus.

16.
Fann hón þegar
fagra fætr,
þá svá mælti
megn meyja:
«Veit ek, at fátt
mun ljótt á Baldri,
þenna kýs ek nú
mér til manns».

17.
Fram gekk fallega,
feld hón tók upp,
en sá eigi
eigóðan Baldr.

— букв. «затем я пришла теперь».

Авторская интерпретация. Этот совет может быть вложен только в уста Локи, что логически объясняется тем, что именно ему придется позднее смешить Скади.

— букв. «дать «отцовский выкуп» (föðurgjöld) ей».

Здесь использованы те же устоявшиеся поэтические выражения, что и в «Снах Бальдра», «Песни о Трюме», «Речах Высокого».

— букв. «круг сделали боги», слово höft – букв. «оковы, узы» — одно из хейти богов.

— ljóshærð – букв. «светловоло- сая».

Здесь в последних строках начисто отсутствует аллитерация, поскольку они напрямую взяты из Младшей Эдды.

— fallega – «хорошая, прекрасная».

...90

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 18
2017

Не Одина сын
ей в мужа достался,
то Ньёрд оказался
из Ноатуна.

18.
Смеялись боги
над этой ошибкой,
стало коварство их
деве ведомо:
милого Бальдра
отдать не хотели,
знали, что ноги
у Вана краше.

Светлые брови
Скади нахмурила,
лук свой взяла
и острые стрелы.

[Скади сказала:]

19.
«Вот вы смеётесь,
боги священные —
и я посмеяться
хочу над коварством.
Кто сможет унять
в моём сердце ярость?
Кто сможет из асов
мой дух рассмешить?»

20.
Собрались все боги
тогда на совет,
о том совещались,
могучие боги,
кто дал им совет
великанше дать откуп,
вместо того,
чтобы с нею сражаться.

21.
Асы призвали
Локи на тинг:
грозили ему
наказанием боги.
Сказали тогда:
«Ты должен так сделать,
чтобы дочь Тьяцци
смогла рассмеяться».

22.
Брал козу Локи,
брал крепкую вервь,
мошонку связал
с бородою козьей. Т
янула коза,
тянул к себе Локи,

Eigi son Óðins
gat hón til manns,
en var þat Njörðr
ór Nóatúnum.

18.
Hlógu höftin at
mistekju, varð
vél þeirra
vitanlig meyju —
eigóðan Baldr
eigi vildu at gefa,
vissu at fætr
Vans eru fegri.

Þá hafði hleypt
hvítar brýnn Skaði,
hón tók bóga
ok hvassar örvar.

[Skaði kvað:]

19.
«Hlæið þér nú
at mér, höft heilög,
en ek vil hlæja
at harmbrögðum.
Hverr kann stilla
hermd í mitt hjarta?
Hverr af ásum kann
hlægja hug minn?»

20.
Senn váru æsir
allir á þingi
ok um þat réðu
ríkir tívar,
hverr réð þeim
at gefa gjöld gýgi
í staðinn fyrir
at stríða við Skaði.

21.
Þá kölluðu æsir
Loka á þing,
hétu honum
hegningu höftin.
Þá þeir sögðu,
«Þat skalt þú gera, sem
skal hlægja
þjazza dóttur».

22.
Tók geit Loki
ok tog trausta,
batt sínar hreðjar
með skeggi geitar.
Þá dró geitin,
dró til sín Loki,

В этой строфе авторская интерпретация событий. Асы определённо знали, у кого из них красивее ноги, а значит, предлагая Скади выбрать по ним мужа, заведомо не хотели, чтобы ей — очевидно «зимней» богине — достался Бальдр — светлый бог, явно связанный с весной, теплом и светом. — «Ван» — хейти Ньёрда.

Скади снова берётся за оружие, поняв то, что асы смошенничали, выполняя условия договора.

— букв. «смеётесь вы теперь надо мной, боги священные».

Здесь я также по-своему объясняю то, почему Скади просит рассмешить её. Поняв коварство асов, она просит возмещение и за этот обман, но на этот раз ставит условия сама.

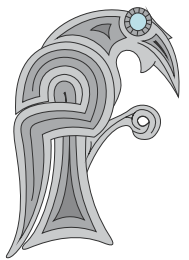
— букв. «воевать со Скади».

— букв. «обещали ему наказание».

— букв. «то должен ты сделать, что должно рассмешить дочь Тьяцци».

— букв. «верёвку верную (в знач. «надёжную»)».

— букв. «связал свои тестикулы»

91...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 18
2017

оба кричали
от боли растущей.

23.

Упал тогда Локи
в колени деве,
был он не в силах
боль превозмочь.
Смеялась Скади –
щита дева светлая:

[упала на землю
плоть, оторвавшись.]

[Скади сказала:]

24.

«Теперь за отца
выкуп уплачен –
да будет согласие
теперь меж нами.
Стелите скамьи
и пиво варите –
готова теперь я
стать Вана женою».

hrópuðu tveir
fyrir verk vöxnum.

23.

Þá féll Loki
í kné meyju –
var hann veikr
at verk þola.
Þá hló Skaði
skír skjaldmeyja –

[féllu til hauðrs hreðjar
hrotnar.]

[Skaði kvað:]

24.

«Fyrir föður míns
nú gjöld gefin,
svá skal milli oss
sáttmál vera.
Breiðið bekki
ok bjór heitið –
nú em ek búinn at
vera Vans kona».

— букв. «засмеялась».

— skjaldmeyja (букв. «дева щита») –
воительница.

— букв. «упали на землю тестикулы
оторванные». Прямо в мифах этот
эпизод не упомянут, но некоторые
исследователи в области сканди-
навской мифологии считают, что
для подобного толкования есть до-
статочные основания, а потому эти
строки включены в «Песнь». Впрочем,
их можно с лёгкостью выбросить: для
сюжета это не критично.

— букв. «за отца моего».

...92

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 18
2017

Алексей ГЛАЗАЧЕВ (АНДВАРИ)

Милый друг!

Вы пишете, что совсем измучилась ваша душа, гложут её терзания, водоворот дурных мыслей, омут неразрешённых проблем, страсти и смирения то объявляют друг другу войну, то заключают супротив вас же самой сговор. И вот уже остаётся неделя до осени, в Коломенском поспел яблоневый сад, коломенские ведьмы облачаются в длинные юбки, и запах увядания поднимается из Голосового оврага, растекаясь по Москве-реке, и приносит красно-жёлтые дни.

Понимаю и согласно киваю головой. И конечно напоминаю вам про силу дыхания и пользу Пранаямы и её целительную мощь для мятущейся русской души. Но коли пранаямы вам осточертели и даже вино не переливается огнями жизни в тусклом мареве свечей — ей-Богу, милый друг, едемте на Соловки. Край невиданных страданий и столь же невиданной силы Духа, смирения и радости душевной. Места, где всё ещё тлеет свет неугасимой лампы старцев-подвижников, места, где Русь святая древняя и Карела языческая сплетаются суть в одно.

Выедем с Ярославского. Повечереет. Запах угля наполнит душу томлением. Соколом пролетит рюмочка из запотевшей бутылочки, сальце с чёрным хлебом составит ей душевную компанию. Проведём ночь в беседе, глядя на мелькающее за окном лихолесье и безвременье. А поутру обернёмся полотенцем, почистим зубья, нальём себе чёрного кофе с варёным яичком, да и обомлеем от красот нашего северного края. Будет уже синь Онеги да Ладоги, вольные просторы да леса великаны. Проведём время за книгой доброй, от души ставя пометки карандашом на полях и зарубки в памяти. Многозначительно переглянемся, да и рассмеёмся. Часам к четырём приедем в Свирь, купим рыбки. Всенепременно сига, терпуга горячего копчения. А то ещё ягодкой разживёмся: брусникой, черникой, но если повезёт, то и морошкой.

Под рыбку не грешно и неспешно опрокинуть пару-тройку мелких пташечек и любоваться Карелией, обнимающей наш поезд из каждого окна. А ночью — въедем в Кемь, возьмём мотор до Рыбачеозерска, бросим рюкзаки и уснём с дороги.

Спозаранку встанем, ключевой водой умоемся, да все двери нараспашку. На чetyре ветра поклонимся белу свету, возьмёмся за руки, да и дойдём до моря Белого, окияна Студёного. Зачерпнем водицы, закусим брусничной рубиновой.

Сядем на мостки причальные, да и расплачемся. Выдохнем все наши невзгоды, забудем наши тревоги и разглядится наша душенька, как море Белое. Улыбнёмся Солнцу ясному, вдохнём радость и зачерпнём её руками. Сядем в ожидании Встречи и катера на Соловки...

93...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
ЙВ
Е
Т
Е
Р№ 18
2017

Автор картин Владислав Новицкий
(Hróðhrafn)

